

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ
КРЫМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФЕВЗИ ЯКУБОВА

**СВОД ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ
КРЫМСКИХ ТАТАР**

**Том IV
г. Старый Крым**

Казань — Симферополь
2020

УДК 719.5(477.75)
ББК 63.3
С 25

*Подготовка книги осуществлена в соответствии
с Распоряжением Кабинета Министров
Республики Татарстан № 3005-р от 22.12.2015 г.*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ протокол № 9 от 7 октября 2020 г.*

Главный редактор
Хакимов Р. С.

Научный редактор
Салихов Р. Р.

Составители тома
Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И.

Координатор тома
Сейдаметов Э. Х.

Редакционная коллегия:
Непомнящий А. А., Кондратюк Г. Н., Заатов И. А.,
Миргалеев И. М., Сейдаметов Э. Х.

Авторы статей:
И. В. Зайцев, Г. Н. Кондратюк, М. Г. Крамаровский, Д. А. Ломакин,
В. В. Майко, Э. Мамутова, А. В. Мастыкова,
Э. И. Сейдалиев, Д. Э. Сейдалиева, Ш. С. Сейтумеров,
М. А. Усеинов, Р. Р. Эминов

С 25 **Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV.** г. Старый Крым. – Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 208 с.: илл. **ББК 63.3**
ISBN 978-5-94981-354-6

В томе детально освещаются сохранившиеся и несохранившиеся памятники истории, археологии, культуры и архитектуры крымских татар г. Старый Крым и его округа. Особый акцент сделан на известных и вновь обнаруженных объектах археологии и эпиграфических памятниках. Впервые предпринята попытка обобщенного и комплексного анализа этих материалов. Описание объектов сопровождается иллюстративной частью, представленной фотографиями, планами и чертежами, картами и рисунками, некоторые из которых публикуются впервые.

Для историков, археологов, востоковедов, архитекторов, музейных работников, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма.

ISBN 978-5-94981-354-6

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Крымский научный центр, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание продолжает много- томную серию, посвященную памятникам истории, архитектуры и культуры крымских татар, и включает в себя сведения о памятниках г. Старый Крым и его округи. Структура этого тома и специфика подачи материала в нем отличаются от предыдущих. Это связано с историко-культурными особенностями города и историческими этапами его развития. Тем не менее и это издание разрабатывалось авторским коллективом в многожанровом формате, в котором сочетаются элементы справочника, путеводителя и серии научных очерков. Авторы проделали сложную работу по поиску, анализу и систематизации большого объема информации, относящейся к историко-культурному наследию крымских татар. В качестве источников использовались данные археологии, письменных и изобразительных источников, данные картографии, архивные материалы.

Хронологические рамки исследования охватывают период середины XIII – первой половины XX вв.

В свод включены памятники, находящиеся на территории современного города Старого Крыма и часть наиболее полно изученных объектов городской округи. В связи с тем, что достаточно сложно проследить квартальную систему в Старом Крыму, описание памятников в своде приводится исходя из их назначения, сначала приведены городские объекты, потом объекты округи. Исследование в большей степени было подготовлено многолетним археологическим изучением средневекового Солхата, которое проводилось силами Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Крымского инженерно-педагогического университета, в этой связи ос-

новной упор в томе был сделан на памятники археологии. Среди памятников Старого Крыма можно выделить объекты культовой и гражданской архитектуры, общественные сооружения, некрополи, отдельно-стоящие погребальные памятники и многие другие. В книгу вошли описания объектов не только сохранившихся на современном этапе, стоящих на учете, но и тех, которые не занесены в список памятников и не сохранились на настоящее время или местонахождение которых в данный момент еще не установлено. Сведения о последних были взяты из средневековых письменных источников и архивных материалов. Описательная часть сопровождается иллюстративным материалом, включающим фотографии, рисунки и планы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Издание также сопровождается приложением, в котором детально анализируются данные картографии.

Исследование не претендует на завершенность, авторы продолжают работу над изучением памятников Старого Крыма, выявляются новые объекты археологии, неизвестные ранее архивные материалы. Надеемся, что данное издание станет подспорьем в работе по дальнейшему изучению памятников Старого Крыма.

Работа над Сводом велась в рамках Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан № 3005-р от 22.12.2015 г.

Авторы благодарят всех оказавших помощь в подготовке этого тома. Особые слова благодарности и признательности авторский коллектив выражает Президенту Республики Татарстан Р. Н. Минниханову, при поддержке которого была подготовлена и издана данная работа.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

ЧАСТЬ 1.

ПАМЯТНИКИ г. СТАРЫЙ КРЫМ

КРЫМ/СОЛХАТ, XIII—XVIII вв. — ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА

Солхат/Крым – золотоордынский город (XIII–XV вв.), не имеющий ни античного, ни раннесредневекового прошлого.¹ Город вырос в безымянной долине на востоке Внутренней крымской гряды у подножия горы Агармыш,² за отрогами которой лежат степи Северо-Восточной Таврики. Уже само местоположение нового города на карте полуострова указывает на его коммуникативную функцию – быть связующим звеном между крымским предгорьем и северо-западом Дешт-и Кыпчак через степной коридор у Перекопа. Логистика коммуникаций дает представление об административно-экономических функциях нового центра. Она состояла в организации контроля за торговыми караванами, следующими из Северного Причерноморья в сторону ханского домена в Поволжье и дальше (через Ургенч в направлении к Северному Китаю). При маршрутах в обратном направлении (из Северного Китая к ханскому домену и причалам

Каффы и Судака) роль Солхата оставалась неизменной – таможенный контроль за прохождением товаров Востока.

По-видимому, изначально традиционная колесная дорога из предгорья Северо-Восточного Крыма к юго-восточному побережью еще до прихода монголов связала эту часть полуострова с морским побережьем. Скорее всего, она шла через горный перевал Кизилташа и вела к причалам средневекового Судака (аланск. – *Сугдак*, греч. – *Сугдея*, итал. – *Солдайя*). В 30-х – 40-х гг. XIII в. этот маршрут связал нарождающийся административный центр Джучидов с Сугдеей. С 1270-х гг. возник и новый маршрут из Солхата к генуэзской Каффе. Оба маршрута предполагали двухстороннее движение. Маршрут Солхат – Каффа, должно быть, сформировался несколько раньше городской латинской общины Каффы, поскольку первые шаги каффитян, несомненно, контролировались Солхатом. Исследователь латинской торговли Каффы проф. Мишель Балар отметил, что до нас не дошло ни одного официального документа об ордынском пожаловании генуэзцам берегового участка в прибрежной полосе на месте древней Феодосии, где в VI в. до н. э. колонистами из Милета была основана греческая колония. По его наблюдениям, лигурийские купцы первоначально добрались до Солдайи (после обоснования в Пере в 1268 г.), но не смогли закрепиться в Юго-Восточном Крыму из-за соперничества с венецианцами. Хан Золотой Орды Менгу-Тимур (1267–1280), лично заинтересованный в фискальных доходах от деятельности

¹ Мне уже приходилось писать об отсутствии домонгольских слоев на городище средневекового Солхата [Крамаровский, 2012, с. 122]. Между тем, в печати настойчиво повторяется ошибочное мнение об античных и средневековых предшественниках золотоордынской столицы Крыма [Гайворонский, 2007, с. 89; см. еще: Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб-Хач как центр армянской культуры в Крыму. Ереван – Симферополь, 2008, с. 9]. Разведками И. Т. Кругликовой (1958–1959 гг.) и А. Гаврилова (1980-е гг.) на всем пространстве средневекового городища поселения эпохи античности не выявлены. Нет объективных данных и о хазарском Солхате.

² Внутренняя гряда лежит северо-западнее Главной гряды и тянется на протяжении 125 км от Мекензиевых гор в районе Севастополя до горы Агармыш у Старого Крыма.

генуэзцев, пожаловал лигурийцам участок побережья у Феодосийской бухты. Уже в 1281 г. небольшая община новой торговой фактории входит под управление консула, что засвидетельствовано в нотариальных актах Ламберто ди Самбучето 1289–90 гг.³

С точки зрения связей с заморьем, Солхат/Крым выступал звеном, соединяющим Золотую Орду с Константинополем; через проливы морской путь вел к центрам Латинской Романии, исламскому Леванту и мамлюкскому Каиру. Нередко на отдельных участках пути дипломатических транзитов в мамлюкский Египет совпадали с маршрутами паломников к святым местам ислама – Мекке и Медине.

Арабский автор 2-й пол. XIV в. ал-Калкашанди (1355–1418) характеризует Крым/Солхат как ставку главы Правого крыла Золотой Орды. Замысел Джучидов, можно думать, состоял в создании в ордынском Крыму специального экономического района, способного под контролем нового административного центра в партнерстве с венецианской (с 1365 г. – генуэзской) Солдайей и генуэзской Каффой соединить морские транзиты Латинской Романии⁴ с север-

³ Первоначальная судьба новой фактории оказалась не слишком благополучной. Вначале ее доходы привлекли внимание эмира Ногая, а в 1299 г. Каффа оказалась разграблена флотом Джованни Соранцо в ходе войны между Венецией и Генуей. В 1308 г. Каффу осадили войска хана Токты, возмущившегося неумеренной работоторговлей генуэзцев. Каффитяне покинули город из-за собственной малочисленности и отсутствия возможности и средств для защиты от притязаний ордынцев. Город восстановился только после смерти Токты и создания генуэзцами особого ведомства – Оффици Газарии.

⁴ После распада Византийской империи (1204 г.) на ее территориях образовался целый ряд владений западноевропейских феодалов. Совокупность этих владений получила название Латинской империи. К их числу относятся: Латинская империя с центром в Константинополе (1204–1261), Фессалониское королевство (1204–1224), Ахайское (Морейское) княжество на Пелопоннесе (1205–1432), Афинская сеньория (1205–1456, с 1260 г. – герцогство, Кипрское королевство (1192–1489). Венецианская республика контролировала острова Крит и Корфу, часть Константинополя, ряд портов и крепостей на Пелопоннесе и в Малой Азии. Отдельные патрицианские семейства Венеции захватили отдельные острова Эгейды: на Кикладах обосновался Марко Санудо (герцогство

ной степной ветвью межконтинентального караванного пути. Маршруты Шелкового пути шли из Китая через Отрар и Хорезм к Нижнему Поволжью и далее к Азову и Крыму. (Краткую характеристику торговых путей Золотой Орды [см.: Греков, Якубовский, 1950, с. 73, 74; Spuler, 1965, s. 409–415; Шпулер, 2016, с. 410–412]).

Ал-Калкашанди (XIV в.) сравнивал буферную зону Восточного Крыма, опирающуюся на сухопутный Крым/Солхат и две морские гавани юго-востока, с «треножником», подчеркнув в этом определении высокие коммуникативные качества, тесно связавшие административный центр с приморскими торговыми факториями в единую систему партнерства [Григорьев, 1999, с. 72, 73]. При этом каирский автор называет и партнеров-визави на южном побережье Черноморья: для Судака это город Самсун в «стране Рум»⁵; для Каффы – Трапезунд (Тарабзун).

От почтового яма к городу

Жизнь поселения, очевидно, синхронно или с небольшим опережением началась с формированием одного из самых западных в империи Джучидов *монгольских ямов*. Сведение о нем (официальное монгольское именование любой почтовой станции – «*таян ям*» [Базаров, 2014, с. 35]) основано на сообщении ал-Муфаддаля о посольстве 661 г. х. султана Байбарса к хану Золотой Орды Берке. Ал-Муфаддаль сообщает о лошадях *йюлак*, которыми располагал правитель Крыма *Табук*, уполномоченный администрацией золотоордынского хана встретить египетского посла эмира Фарис ад-дина Акуша ал-Мас'уди у причалов Судака летом 1264 г. [История, 2005, с. 74, 150]. Кorteж с высокопоставленным гостем отправляется из Судака в Крым/Солхат, по-видимому,

Архипелага), Лемнос оказался в руках Филокало Навагайзо, Спорады – в руках рода Гизи [см.: Карпов, 1984, с. 86–96].

⁵ Самсун – в XIII в. второй по значению город Трапезундской империи. До 1261 г. – предмет раздора между византийцами и сельджуками. В XV в. город переходит к Османам.

утром следующего дня⁶ после традиционной «...предрассветной молитвы», т. е. утреннего намаза (*аль-фаджр*). По Ибн 'Абд аз-Захиру, переезд от судакского берега «...до этой деревни – Солхата – (продолжается) один день» [История, 2005, с. 75]⁷. Позволив себе ночной отдых, посол и его спутники в сопровождении правителя Крыма однодневным переходом отправились в степную ставку темника Туг-Буга [История, 2005, с. 75]. По-видимому, ставка темника располагалась к северо-востоку от крымского яма на стыке Степного Крыма и собственно Дешт-и Кыпчака, а сами переходы между почтовыми станциями занимали не более 5 *фарсахов* (25–30 км).

На этом обязанности Табука, как высшего представителя ханской администрации в Крыму, и его помощников – почмейстера (*jamčī*) и смотрителя (*jurtčī*) почтовой станции⁸ (в их ведении находились провиант – «туску» в русской летописи – [см.: Насонов, 1940, с. 15], – обустройство ночлега пут-

⁶ Из свидетельства Ибн Баттуты, посетившего Крым/Солхат в 1333 г., нам известно, что порядок путешествия ордынских тюрок совпадал с трафиком путешествия паломников «...по дороге Хижазской, т.е. они отправляются в путь после заревой молитвы, делают привал утром, выезжают после полудня и (снова) останавливаются вечером» [История, 2005, с. 210]. Об интерпретации подробностей посещения Судака египетским посольством см.: [Сидоренко, 2016, с. 33–38].

⁷ Бертольд Шпулер, опираясь на ал-Макризи, скорее всего, упоминает некий окружной *степной* маршрут, определив продолжительность дороги от Судака к Солхату около *двух недель* [Шпулер, 2016, с. 411]. По Ибн 'Абд аз-Захиру «...Переезд от берега (Судака. – М. К.) до этой *деревни* (выделено мной. – М. К.) (продолжался) один день» [История, 2005, с. 75]. Исходя из личного опыта, я подтверждаю точность свидетельства ибн 'Абд аз-Захири.

⁸ Перечень чиновников для обслуживания почты в Золотой Орде – [см.: Шпулер, 2016, с. 410]. Здесь же краткая характеристика основных транспортных направлений – уртонов, забота о которых лежала на золотоордынских правителях. Из «Юань-ши» (гл. 17) известно, что Узбек-хан использовал для этой цели доходы со своих владений в Китае. [Черкас Б. В. Город Золотой Орды (улусы западнее Дона). К вопросу о появлении и локализации. Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4 (2)].

ников, свежие лошади – скаковые и тягловые, телеги, ямщики и пр.) были исчерпаны. Посольство эмира Акуша ал-Мас'уди, как свидетельствуют каирские информаторы, благополучно продолжило свой маршрут к Волге в ставку Берке, опираясь на систему *уртонной службы*, где их встретил ханский визирь Шараф ад-дин ал Казвини.

По «Юань-ши», официальной истории династии Юань, чингисидская служба почтовых сообщений была учреждена в 1229 г. В период царствования Угэдэя она усовершенствовалась (в 1236 или 1237 гг.). Согласно «Сокровенному сказанию», правило передвижения послов предписывало, за исключением чрезвычайных обстоятельств, «...следовать непременно по станциям, а не (произвольно. – М. К.) разъезжать по улусу» [Сокровенное сказание, 1940, с. 197–198].

Примечательно, что уртонные маршруты восточной части чингисидской империи изучены лучше, чем линии ямов Золотой Орды. Отчасти это объясняется значением маршрутов, ориентированных на Каракорум, общемонгольскую столицу и место пребывания великого хана.

Ибн Баттута, сопровождавший в 734 г. х. = 1333–1334 гг. правителя Крыма/Солхата в Сарай (через Азак), был первым, кто письменно обозначил городской статус поселения, называя его «*городом Кирам*» [История, 2005, с. 212]. Путь к Азаку составил 18 станций, добавляя остановки в полтора дня на организацию двух речных переправ. Таким образом, уртон «Крым/Солхат – Азак» составлял, примерно, два десятка ямов, включая переправы. Заметим, продуктивность идеи идентификации переправ с ямами – [см., например: Черкас, 2016, с. 259–260].

Нет смысла гадать, предшествовала ли возникновению яма поселенческая жизнь на месте будущего Крыма/Солхата или, наоборот, толчок к развитию поселения в данном месте дала почтовая станция. Учитывая отсутствие домонгольских слоев на городище, оседание (седентаризацию) ордынских кочевников на месте будущего Солхата можно

связать с периодом включения полуострова в орбиту влияния Джучидов не ранее кануна восточно-европейского похода монголов 1235 года.

Между тем монах-минорит и посол Людовика IX к Мункэ-хану Гильом Рубрук, проживший в Судаке около 10 дней (с 21 мая до, примерно, 1 июня 1253 г.), откуда готовился к путешествию к Сартаку (1256), а затем и на Волгу в ставку Бату (1241–1256), ничего не знал об уртонной службе монголов в Крыму. И это притом, что Рубрук неплохо разобрался в исторической географии Крыма. Здесь, кроме Судака, Херсонеса Таврического, «...где был замучен святой Климент», и Матрики (Тамани) в восточной части региона, ему оказалась известна и Газзария [Рубрук, 1957, с. 88]. Подробно обсуждавший предстоящий маршрут с опытными купцами из Константинополя, проживавшими в Солдаёе, он живо интересовался подробностями путешествия в условиях степи. Об этом можно судить по злободневному вопросу о перегрузке имущества пяти членов «команды посольства» при смене лошадей в пунктах остановки [Рубрук, 1957, с. 90].⁹ Опасности перегрузок посольского имущества заставили его отдать предпочтение передвижению на волах, что впоследствии вызвало сожаление, поскольку вдвое увеличило время прохождения маршрута к Сартаку по сравнению, уртонной организацией передвижений в степи [Рубрук, 1957, с. 90].

Если довериться судакским впечатлениям Рубрука, около середины XIII в. Солхата/Крыма как *административного центра* еще

⁹ Все-таки Рубруку уже до отправки из Судака 1 июня 1253 г. в какой-то мере стали известны порядки, установленные монголами для знатных путешественников. Б. Шпулер считал, что Рубрук называл «почтовые дома» «постоялыми дворами» [Шпулер, 2016, с. 410]. Впрочем, исследователь не прав, ставя знак равенства между «почтовыми домами» и завие (zāwīja), предназначенными для проживания бродячих суфиев. Но все-таки Рубрук получил от монголов две повозки, в которых перевозились тюфяки для ночного сна, пять верховых лошадей для членов посольства, двух возничих, в чьи обязанности входил и присмотр за пасущимися лошадьми и быками [Рубрук, 1957, с. 90].

нет. По-видимому, формирование нового центра власти в Крыму происходит в десятилетие между 1260-ми и 1280-ми годами. Ямская повинность предполагает наличие определенной хозяйственной инфраструктуры – всем этим Крым/Солхат располагает уже к концу 50-х гг. XIII в. Из сочинения Ибн ‘Абд аз-Захира и рассказа ал-Муфаддала нам становятся известны не только побудительные мотивы посольства мамлюкского султана к Берке (призыв к борьбе с Хулагу), но и ряд значимых частных. *Во-первых*, местечко Крым арабскими наблюдателями еще не воспринимается как город. Ибн ‘Абд аз-Захир и Ал-Муфаддаль в его характеристике используют термин «*карийе*» (см. выше, [История, 2005, с. 75]). Любопытно, что в составе населения Солхата этого периода источники называют греков, алан и славян (русских). Этнические характеристики поселенцев наводят на мысль о существовании уже на раннем этапе города небольшой общины, ориентированной на греческое православие. *Во-вторых*, каирские авторы, оценивая ближний радиус системы связей поселения *в один дневной перегон*, называют и ставку степного *нойона* (Туг-Буги). Между тем степной ям, отождествляемый нами со ставкой Туг-Буги, и почтовая станция на границе Дешта и Крымского предгорья дает *основное направление уртонной линии* в ордынской степи и полуострове для 60-х гг. XIII века. Среди собственно крымских направлений еще раз отметим тот же Судак и гонуэзскую Каффу, вывозной порт нового

административного центра, начало которого Мишель Балар определяет 1260–1270 гг.

Подчеркнем, что упоминание почтовых лошадей в ставке правителя Крыма прямо свидетельствует о корнях нового ордынского центра, уходящих в систему монгольского *уртачества*.

Медный чекан Солхата и начало городского статуса

Выделив ступени догородского периода Солхата: монгольского *яма* и поселения деревенского типа – *карийе*, попытаемся сосредоточиться на признаках, характеризующих выделение этапа начала периода городской жизни. Смена общественного статуса поселения определяется уровнем разделения труда, благодаря которому в принципе происходит переход от поселения (деревни) к городу. Роль универсального арбитра взаимодействия поселенческой (деревенской) и городской системы принадлежит рынку. Точнее, речь идет о городских базарах – ежедневных или еженедельных. Эти базары существовали благодаря плодам повседневных трудов ближайшей сельской округи. Их количество росло с развитием городской инфраструктуры, и даже каждый квартал имел свой собственный небольшой рынок. Базарные ряды, несомненно, ломились от обилия овощей, зелени, фруктов, белоснежных голов сыра, от обилия дичи, освежаванных бараньих туш и, вероятно, утреннего привоза морской рыбы и мидий. Не забудем, естественно, и об устрицах, археологические остатки которых засвидетельствованы в коллекторных ямах дворца на городище Мангупа [Герцен, 2010, с. 104], но вполне допустимых и для трапез солхатской элиты. В утреннее время базары и прилегающие кварталы города обволакивал легкий туман тандырного дымка, а терпкий запах горячей *самсы* примирял с заботами наступающего дня.

О реальных базарах Солхата известно немного. В описаниях путешественников предпочтение отдавалось самым значительным из них. Как правило, такие базары

формировались вокруг походных или загородных ставок правителей. В XV в. купец из Севильи Перо Тафур отметил крупное торговое место с внешней стороны городской стены, названное им “*lordo bazar*” (калька от двухкомпоненты «*ордубазар*» – «походный базар»)¹⁰. Подробное описание походного базара в районе Таны мы находим у венецианца Барбаро [Барбаро]. Остатки одного из стационарных базаров Солхата середины XVII в. описал турецкий наблюдатель Эвлия Челеби [Эвлия Челеби].

Для нашей темы важно, что основным индикатором базарных обменов в городской среде явились *медные пулы*, чеканившиеся монетным двором Крыма уже с 674 г. х. = 1275/76 гг. Менгу-Тимуром. Для них характерна ограниченная территория обращения и потому медные пулы отражали местный денежный курс, обеспечивали прямой доступ к простым продуктам сельской округи как для владельца тощего кошелька городского маргинала, так и кошелька местного нувориша. Трудно не согласиться со специалистом по европейской урбанистике Э. Энненом, отметившим, что «...не дальняя торговля, но рынок, базар, делают город центральным пунктом хозяйственной жизни» определенного района [Ennen, 1975, s. 74].

Уже в начале 60-гг. XIII в. – одним из первых среди монетных дворов Джучидов в Крыму/Солхате начинает работу монетный двор «*Крым*». В группе медных монет конца XIII – начала XIV вв., выделенной В. П. Лебедевым, обращают внимание два пула времени Менгу-Тимура. Первый из них с легендой по-тюркски «*Кырк сегиз – бир ярмак. 674*» датируется 1275–1276 гг. На оборотной стороне этой монеты изображена тамга дома Бату и выбита надпись: «*Чекан Крыма*». Второй пул на лицевой стороне содержит надпись «... *Менгу-Тимур*» (А. П. Козлов здесь читает «*Падшах Менгу-Тимур*»); на оборотной стороне монеты

¹⁰ [Pero Tafur, 1874, p. 163; перевод на укр. см.: Галенко, 1996]; подробное описание походного базара в Крыму середины XV в. дал венецианец Барбаро (§ 30, 31)].

выбита тамга дома Бату и надпись «Чекан Крыма. 679» Это означает, что около 674–679 г. х. = 1275/76–1281/82 гг. на поселении заканчивается догородской период и с формированием рынка в развитии Солхата наступает этап городской жизни.

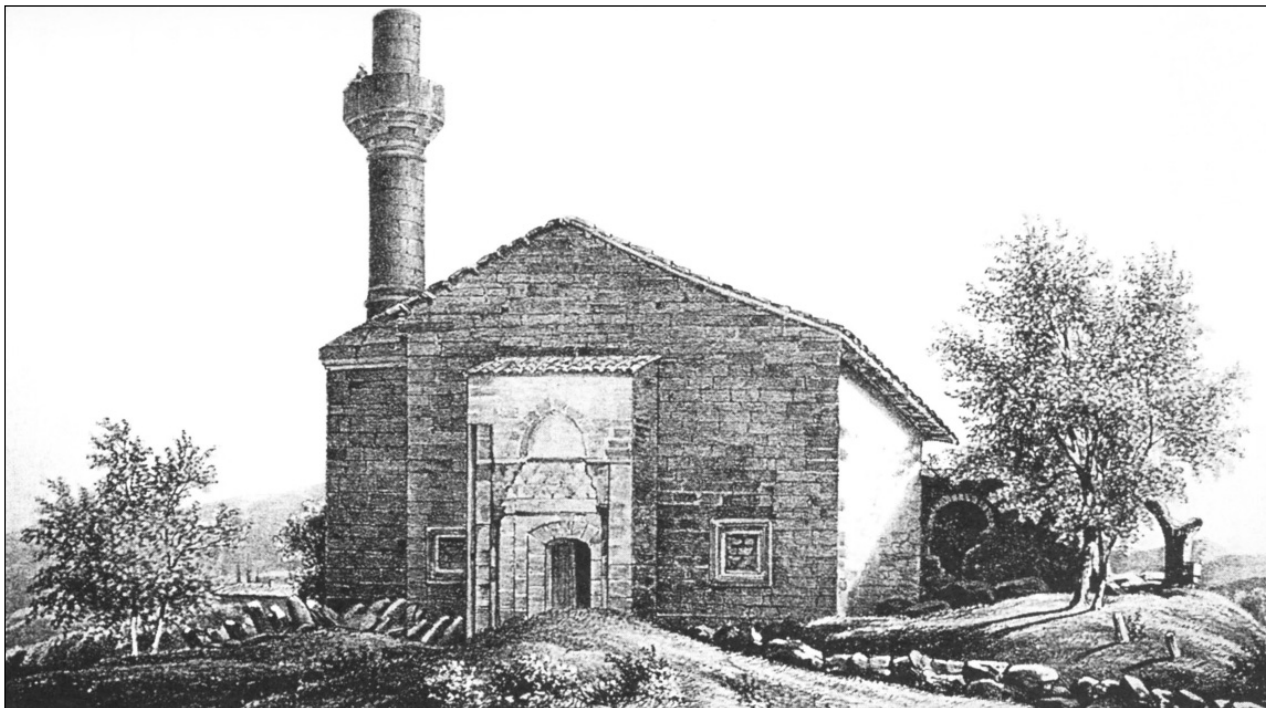
Примерно в это же время или даже немногим ранее в Крыму начинается и чекан серебряных дирхемов. О соотношении монетной меди и серебра мы узнаем из надписи на одном из солхатских пулов «48 один ярмак», где этим словом обозначено название серебряных номиналов. В. А. Сидоренко при исследовании медных монет Крыма обнаружено параллельное существование двух монетных дворов с этим именем для времени правления Менгу-Тимура (965–679 гг. х.), Туда-Менгу (679–685 гг. х.) и Тулабуги (686–690 гг. х.). К его статье приложена таблица распределения монетных типов серебряной чеканки дворов *Крым-Ордубазар* (?), начиная с выпусков эмиров Тука Тимура (656–660 гг. х.=1258–1262 гг.) и Урунг Тимура (661–672 г. х.= 1263–1273 гг.) и монетного двора *Солхат/Крым* [Сидоренко, 2016, с. 85. 86, табл. 1]. Судя по ранним эмиссиям монетных дворов Солхата/Крыма, переход от поселения (карийа) к городу начался уже в конце 1250-х – начале 1260-х годов, когда память о времени монгольского яма еще не выветрилась из сознания старшего поколения горожан.

Нумизматы К. К. Хромов и В. Н. Настич полагают, что в период между 1257 и 1280 гг. в Крыму чеканятся анонимные серебряные дирхемы от имени улусных наместников – без тамги, с легендой «Амир (на лицевой стороне) *Кыры/ма* (на обороте) [Хромов, Настич, 2003, с. 77, 78; Хромов, 2004, с. 15–17]. Нужно думать, что под топонимом «Крым» монетного номинала подразумевается область, а не город. Вероятно, между 1257 и 1267 гг. в городе чеканились серебряные монеты от имени правителя Крымского *тумена* Темир Бука. Эти монеты назывались «*ярмак*»; известно пять таких экземпляров. Монетная легенда (в предварительном чте-

нии В. Н. Настича) гласит: аверс – «*yasa-atimîr / buqâ (tuqâ) yarmâq /qîrîm<...> (?)*» – «По повелению (?) Темир-Буки (-Туки?) ярмак крым[ский?]»; реверс – «*qutluğ bolsû/n. on ikî-sî / bîraltûn*» – «Будь счастлив. Двенадцать этих (монет) – один алтун» [Хромов, 2004, с. 16; см. еще: Хромов, 2007, № 001-006].

По наблюдениям В. А. Сидоренко, чеканка серебряной и медной монеты с лакабом «*Нусрет ад-Дунья ва-ад-дин*» («Помощь (победа), мира и веры») монетным двором «*Крым*» относится к 1262–1266 гг. До 1312 г., времени Узбек-хана, в Крыму выпускаются серебряные монеты с датами: 665 г. х. = 1266/67 гг., 682 г. х.=1283/84 гг., 683 г. х.= 1284/85 гг., 686 г. х. = 1287/88 гг., 687 г. х.= 1288 г, 690 г. х.= 1291 г., 693 г. х.= 1293/94 гг., 695 г. х.=1295/96 гг., 697 г. х.=1297/98 гг., 698 г. х.= 1298/99 гг., 700 г. х.=1300/01 гг., 702 г. х.=1302/03 гг., 704 г. х.= 1304/05 гг., и 707 г. х.=1307/08 гг. [Сидоренко, 1991, с. 46, 47]. Конец работы монетного двора – 825 г. х. = 1421/22 гг.

Выросший из сельского поселения ближневосточного типа Солхат, как и любой город, надолго оставался верен связям с сельской округой. Ф. Бродель одним из первых выдвинул тезис о зависимости города от производительных сил деревни. Как и Э. Эннен, он считал, что город не могла прокормить крупная торговля, а если и могла, то лишь в исключительных случаях. По его наблюдениям, в основе взаимодействия города и деревни лежит симбиоз, при котором один неотделим от другого. «...Всякому городу, – замечает Бродель, – приходилось иметь источник питания у своих ворот». Он же приводит данные о том, что в Европе для выживания центру городского типа с тремя тысячами жителей нужно было опираться на деревенскую территорию 8,5 кв. км, т. е. располагать ресурсами десятков деревень. Едва ли можно сомневаться, что такая парадигма сосуществования соответствует и природным особенностям Крыма. Для контраста отмечу, что на востоке империи в степной части Центральной Азии – в Кара-Коруме,

М. Вебель. Развалины мечети в г. Старый Крым. Конец 1840-х гг.

лишенным сельского окружения, выживание обеспечивалось лишь регулярным подвозом продуктов питания из далеких от столицы хлеботорговых районов.

Солхат 2-й пол. XIII – XIV вв. вырос на торговом тракте, ведущем, как мы уже отметили, из предгорий Северо-Восточного Крыма в степь. Об этом свидетельствует расположение квартальных мечетей, пять из которых вытянуты в цепочку вдоль дороги с юго-запада на северо-восток (см. план-схему 1). Согласно плану военного топографа, созданному около 1783 г., общая площадь средневекового городища к середине XV в. составила около 2,2 кв. км. Это в 4,5 раза меньше площади городища столичного Сарая (около 10 кв. км.). В отличие от Сарая ал-Махруса, где, по свидетельству очевидца, не было садов, Солхат, по нашим наблюдениям, не отличался высокой плотностью застройки. Возможно, это было связано с полуаграрным характером торгового города, насыщенного садами благодаря отлаженной системе водоснабжения, основанной на *кирязной* системе (см. ниже).

В 1263 г. в Солхате появляется первая

квартальная мечеть. Это событие, несомненно, отразило настроения, существовавшие в поволжской столице в окружении хана Берке (1257–1266). Сменивший его Менгу-Тимур, приверженец тенгрианства, уже не мог игнорировать значение исламских общин в торговых городах Джучидов. Он первый среди ханов Золотой Орды чеканит монету от своего имени, но с титулом по-арабски: «*правосудный великий хан*» (с 1267 г.), в том числе и в Крыму/Солхате. Формирование власти Менгу-Тимура в Сарая, продолжавшееся с весны 1266 г. по весну 1267 г., совпало во времени с передачей Солхата в *кормление* освобожденному из византийского плена в 1265 г. Ногаем иконийскому экс-султану Изз-ад-дину Кейкавусу II.¹¹ С начала шестидесятых годов XIII в. в развитии горо-

¹¹ По-видимому, джучид Берке в 1265 г. вынашивал какие-то военно-политические расчеты, связанные с Конией, попавшей в зависимость от Хулагуидов Ирана. Этим объясняется воинская акция Ногай по освобождению из заточения на о. Энос в Эгейском море пленного малоазийского султана-христианина, передача ему феода в Восточном Крыму и женитьба Берке на сестре экс-султана. Планы не были осуществлены, скорее всего, в связи со скорой смертью золотоордынского хана.

да сформировался исламский вектор, определивший его культурное лицо на несколько будущих столетий. Существенно, что вместе с Изз-ад-дином Кейкавусом в район Солхата и Судака пришла значительная группа малоазийских тюрок из Добруджи. Согласно хронике Ибн Биби, «Солхат и Сут(д)ак» были переданы бывшему султану Иконии на правах ленного владения (*икта*), которым он пользовался около восемнадцати лет. После его смерти это право было унаследовано его сыном Масудом. Специалисты предполагают чеканку Масудом в рамках бывшего феода отца собственной серебряной монеты [Хромов, 2006, с. 328–331; Гончаров, 2007, доклад], однако полагать, что эмиссии осуществлялись монетным двором «Крым», пока нет оснований. Отметим противоречие между наблюдением нумизматов о длительности гипотетической крымской чеканки фельсов Масуда II и данными исторических источников о кратковременности его пребывания после смерти отца на северном берегу Черного моря.¹² В 1287 г. мусульмане Солхата получили из Каира на постройку пятничной мечети 2000 динаров (вместе с мастером-камнерезом для высечения титулов донатора – мамлюкского султана Калауна ал-Альфи); мечеть не сохранилась.¹³

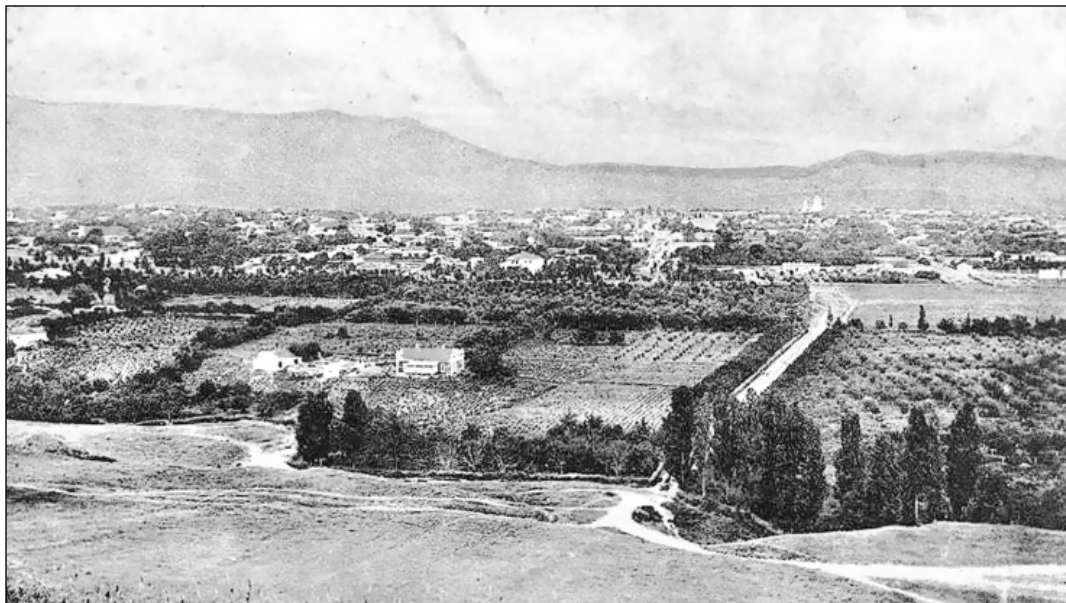
¹² Согласно хронике Ибн Биби, Гийас ад-Дин Масуд II б. Кейкавус вскоре после смерти Изз ад-Дина Кейкавуса II отправился в Малую Азию для возвращения отцовских владений в Иконийском султанате, где вскоре погибает. Многовариантность штемпелей, редукция легенд и падение веса на монетах Масуда II, собранных в Крыму, – объективные наблюдения, свидетельствующие о длительности эмиссии монет Масуда. Этот тезис Е. Ю. Гончарова заставляет меня с осторожностью отнестись к гипотезе автора о местном крымском чекане.

¹³ Султан ал-Мансур Сайф ад-дин Калаун ал-Алфи (1280-1290), как считают некоторые исследователи, принадлежал к группе солхатцев-адыгов. Его имя с черкесского переводится как «...городской дом или башня – бурдж». «Таким образом, – пишет С. Хотко, – черкесский перевод имени этого султана совпадает с арабским названием племени его происхождения. На наш взгляд, совпадение это неслучайно: оно фиксирует адыгское происхождение Калауна...», – см.: Хотко С. Х. Черкесские мамлюки (краткий исторический очерк). Майкоп, 1993, с. 65. Возможно,

Сменивший хана Берке в 1266 г. приверженец тенгрианства Менгу-Тимур (1267–1280) уже не мог игнорировать значение исламских общин в торговых центрах Улуса Джучи. Он первый среди ханов Золотой Орды чеканит монету от своего имени с титулом по-арабски: «*правосудный великий хан*» (с 1267 г.), в том числе и в Крыму. К этому времени в эволюции города прочно утвердился исламский вектор развития, определивший его культурное лицо на будущие столетия.

Местом деловых контактов и встреч горожан из разных кварталов стали, как уже было упомянуто, городские рынки. Здесь, можно предположить, господствовал тюркский язык, что отразилось в надписях на монетах местного чекана, где выделяется четыре варианта *пулов* с фразой «*сорок восемь – один ярмак*». Тюркский уже на раннем этапе городской жизни стал языком межэтнического общения.

Об одной примечательной подробности городского ландшафта сообщает купец из Севильи. В черте города он отметил размещение юрт – деталь характерная для быта ряда городов Золотой Орды, в том числе Гюлистан-Сарая и, возможно, столичного Сарая [Федоров-Давыдов, 1994, с. 59]. Шатровые жилища открыты в Азаке и некоторых городах Северного Кавказа. Изображения юрт/шатров можно видеть на рисунке тушью по штукатурке, обнаруженном Е. П. Мыськовым на городище средневекового Бельджамена. Юрты Бельджамена установлены на площади (?) перед фасадом медресе с двумя минаретами. Близкие к бельджаменским юртам арабские палатки, в которых могли размещаться и походные мечети, можно видеть на миниатюрах Те- что это утверждение не бесспорно. Принято считать, что Бахриты, к которым принадлежали Калаун и его знаменитый предшественник аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарс I ал-Бундукдари (1260–1277), были кипчаками, а Бурджиты – этническими черкесами. Мамлюкские султаны Бахри получили свое прозвище по острову ар-Руад на Ниле (*ал-Бахр*), где находились казармы мамлюкской гвардии. Султаны-Бурджиты получили название по цитадели (*ал-Бурдж*) Каира.

Вид на город с юга. Открытка нач. XX в.

бризской школы из Берлинского собрания (сноска). Их отличительная деталь – наверхия со словом «Аллах», венчающие центральный столб палатки. Ориентируясь на города Ближнего Востока и принимая расчетную цифру в 50 человек на гектар, мы получим оценку численности населения Солхата в пределах до 10 000 – 11 000 человек. Эти цифры можно считать даже слишком завышенными, учитывая неудобья, не допускавшие полной застройки городища. Арабские источники непомерно преувели-

чивают число жителей Солхата в XIV в., называя среди жертв чумной пандемии 1346–1347 гг. 85 000 человек. Но для Таврики Солхат большой город. Для сравнения приведу расчетное число жителей Херсона в XIII–XIV вв. – 3 600 – 5 000 человек. Следует, правда, учесть, что Херсонес, насчитывающий в XII столетии 109 кварталов, после периода угасания и сельджукского (?) погрома в 40-х гг. XIII в. лежал в запустении, а активная жизнь продолжилась лишь в Портовом районе.

Литература и источники

1. Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. Ереван – Симферополь, 2008.
2. Базаров Б. В. Коммуникации и связь в монгольской империи // Власть. 2014. № 10.
3. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.
4. Галенко О. Крым у 1438 р.: (Подорожні нотатки Перо Тафура) // Україна в минулому. Вип. VIII. Київ-Львів, 1996.
5. Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Симферополь, 2010.
6. Гончаров Е. Ю. Новое имя в нумизматике Крыма XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 2007.
7. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. / 2-е изд. М.-Л.: 1950.
8. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб: Университет, 1999.
9. История Казахстана в арабских источниках. Том 1. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из арабских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. Перераб. и дополн. Изд. Алматы, 2005.
10. Карпов С. П. Латинская Романия // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 86–96.

г. Старый Крым. Вид с юга.

11. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012.
12. Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) / А. Н. Насонов; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.; Л., 1940.
13. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. // М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 1957.
14. Сидоренко В. А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь, 2016.
15. Сидоренко В. А. Монетное производство Золотоордынского Крыма // Тезисы докладов научной конференции «Проблемы истории Крыма (23–28 сентября 1991 г.)». Вып. II. Симферополь, 1991.
16. Фёдоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994.
17. Хотко С. Х. Черкесские мамлюки (краткий исторический очерк). Майкоп, 1993.
18. Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Историко-географічні дослідження в Україні. К., 2009.
19. Хромов К. К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел I. Серебряные монеты, чеканенные до правления Токту // Восточная нумизматика в Украине. Часть II. Монеты Джучидов и сопредельных государств. Киев, 2007.
20. Хромов К. К. Новые данные о серебряном чекане Крыма раннего золотоордынского периода // Нумизматика, июль (5). М., 2004.
21. Хромов К. К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел I. Серебряные монеты, чеканенные до правления Токту // Восточная нумизматика в Украине. Часть II. Монеты Джучидов и сопредельных государств. Киев. 2007.
22. Хромов К. К., Настич В. Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода // Тезисы докладов и сообщений XI ВНК. СПб., 2003.
23. Черкас Б. В. Город Золотой Орды (улусы западнее Дона). К вопросу о появлении и локализации. Золотоордынское обозрение. Т. 4(2). 2016.
24. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М. С. Гатина. Казань.: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
25. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008.
26. Spuler B. Die Goldene Horde; die Mongolen in Russland, 1223–1502. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1965.
27. Tafur, Pero. *Andanças É Viajes De Pero Tafur Por Diversas Partes Del Mundo Avidos: (1435–1439)*. Editado por Marcos Jiménez de la Espada. Colección De Libros Españoles Raros Ó Curiosos, T. 8. Madrid: Impr. De M. Ginesta, 1874.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ГОРОДСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ (КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА)

МЕЧЕТИ И МЕДРЕСЕ

В данном разделе приведены сведения обо всех известных мечетях г. Старый Крым, сохранившихся до настоящего времени. Ряд объектов, упоминавшихся в письменных источниках, к сожалению, до настоящего времени не сохранились. В сочинении османского автора XVII в. Эвлия Челеби «Книга путешествий» упоминается, что в городе Эски Кырыме всего «пять михрабов», хотя ранее автор пишет, что до прихода города в упадок их было сто. Два из пяти сохранившихся мусульманских храмов – «соборные мечети, а остальные – квартальные мечети». Сведения османского путешественника, которые можно соотнести с имеющимися на данное время объектами, приводятся в соответствующих разделах. В то же время турецкий автор приводит также несколько тарихов (надписей) о других мечетях: «Возле этого текке стоит квартальная мечеть, и вплотную к вышеупомянутому тариху на квадратной [плите] белого мрамора тонким почерком мустасими написан следующий тарих: «Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да освятит Бог покровительствующее ему со-

звездие. Было это в году восемьсот двадцать пятом (1421/22 г.), в дни месяца джумада уль-ахыра». Она достойна стать большой соборной мечетью. Эта большая мечеть крыта рубиново-красной черепицей, выложена из камня и обладает огромным куполом.

Затем, около Кефинских ворот, над дверями мечети Эль-Хаджи Мухаммеда, следующий тарих: «Построил эту благословенную мечеть в дни правления великого султана и щедрого хакана Шади Герай-хана, да продлит Бог его правление в семи мирах, слабый, нуждающийся и просящий милости Господней раб Мухаммед, сын Эль-Хаджи Байрам Ходжи, в месяце реджебе года 807 (1404/05 г.)».

Далее, рядом с рынком, над дверью мечети Эль-Хаджи Умара, следующий тарих: «Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей Хаджи Умар эль-Бухари, в месяце зюль-када в году 661 (1262/63 г.)».

Затем, на рынке, над высоким сводом мечети Паша-хатун, такой тарих: «Это здание – творение благочестивого шехида и покойной прощенной Паша-хатун, высшее вращение луны (1362/63 г.)».

МЕЧЕТЬ КУРШУН-ДЖАМИ ул. Стамова, 40

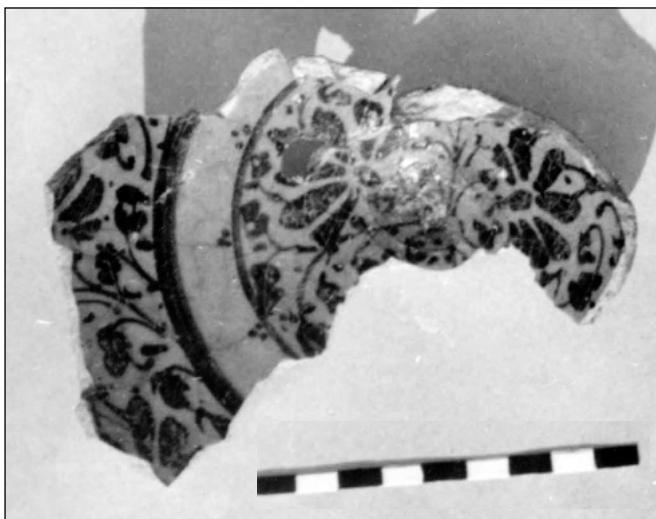
Развалины мечети Куршун-Джами. Открытка нач. XX в.

В северо-западной части Солхатского городища, по адресу ул. Стамова, 38, сохранились руины одной из купольных мечетей *Куршун-Джами* («Свинцовая»). Памятник был поставлен на учет решением Крымского облисполкома № 284 от 22.05.1979 г. под

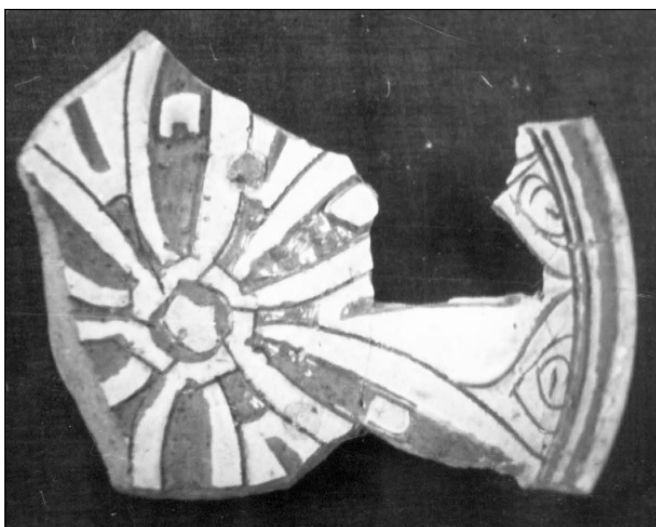
названием Куршум-Джами. Возможно, что в ее названии отразился материал, которым перекрывалась полусфера купола [Засыпкин, 1927, с. 132–134; Крамаровский, 2005, с. 116; Зиливинская, 2011, с. 53]. При раскопках объекта не обнаружены (подобно другим случаям) облицовочные глазурованные изразцы с бирюзовой поливой. По другой версии, подтверждения которой нет, расплавленный свинец использовали для скрепления камней в кладке стен. Вероятно, была допущена ошибка в присвоении имени при постановке объекта на учет (вместо «куршун» использовали «куршум»). В дальнейшем предлагается именовать мечеть – Куршун-

Развалины мечети Куршун-Джами. Фото 20-х гг. XX в.

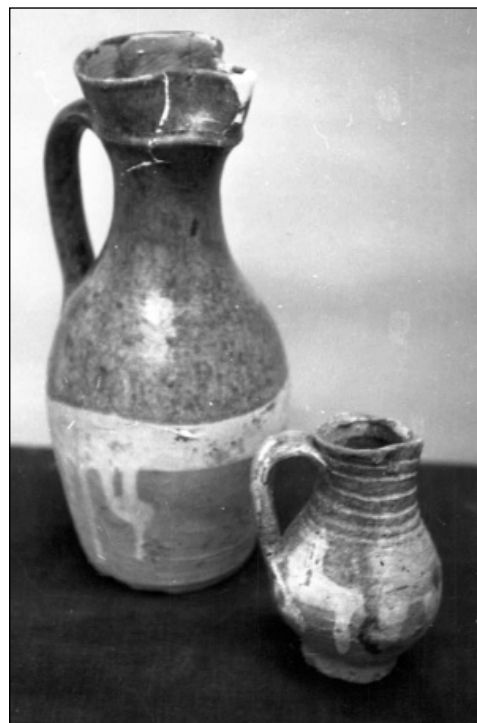

Фрагмент нижней части чаши из кашина, обнаружена при археологических раскопках Курушун-Джами (Свинцовая мечеть) в 1984 г.

Археологически полный профиль тарелки красноглиняной с монохромной светло-зеленой глазурью и орнаментом в технике «сграффито» и «резерв». Обнаружена при археологических раскопках Курушун-Джами (Свинцовая мечеть) на участке 94, в 1984 г.

Джами. Прямоугольное здание (12,5 x 17,7 м) построено из рваного камня на известковом растворе. С севера вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Здание разделено на две неравные части. Прямоугольный северный зал (10,5 x 4,5 м) был перекрыт тремя коробовыми сводами. В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Южный зал (10,5 x 10,6) с михрабом в южной стене

Кувшины, обнаружены при археологических раскопках Курушун-Джами (Свинцовая мечеть) в хозяйственной яме в 1984 г.

перекрывался куполом на парусах. В северо-западном углу северного компартамента сохранилось основание минарета. Распор мощного купола погашался двумя парами контрфорсов у западной и восточной стен. Еще один контрфорс со стороны михрабной ниши на южной стене был расположен по длинной оси сооружения. По основным принципам планировки Курушун-Джами повторяет двухчастную планировку мечети Носа Насап в Конии (XIII в.). Но в отличие от конийского прототипа автор солхатской постройки отказался от трех открытых айванов в северной части здания (вероятно, по климатическим особенностям крымского предгорья), заменив их тремя закрытыми помещениями, из которых центральное расположил по длинной оси с учетом входного проема портала. Другое отличие связано с установкой минарета в северо-восточном углу северного компартамента, в то время как минарет конийской мечети вынесен за лицевую линию восточной стены комплекса.

Мечеть Куриун-Джами. Раскопки. Вид с севера. Фото 2020 г.

Куриун-Джами. Вид с востока. Современное состояние. Фото 2020 г.

*Мечеть Курушун-Джами. Вид изнутри.
Фото 1986 г.*

*Мечеть Курушун-Джами. Раскопки входного портала.
Фото 2020 г.*

Исследователи отмечают, что Куршун-Джами построена в 1396 г. как дервишская обитель благодаря благотворительной деятельности Бай Буглы Хатун [Григорьев, 1974. с. 27]. Об этом пишет Эвлия Челеби: «Далее, над сводом двери текке Тахир-бея, такой тарих: «Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного! Построила это здание с именем султана, величайшего из султанов арабов и неарабов хана, сына Тахир-бей-хана, да будет его правление благословенно и увеличено в мирах, Бай Буглы-хатун, величественная особа и ничтожная рабыня Бога, дочь Тонкатыя, сына Кутлуга, сына Тимура, сына Буга Бая» [Челеби, 2008, с. 1]. Видимо, после тимуровского погрома 1395 г. эта акция имела большое социальное значение для жизни мусульманской общины Солхата. В 1398 г. здание *текке* было обращено в квартальную мечеть и, возможно в это время, получило новую облицовку михрабной ниши в южной стене сооружения.

Состояние объекта неудовлетворительное. Требуется срочных противоаварийных работ.

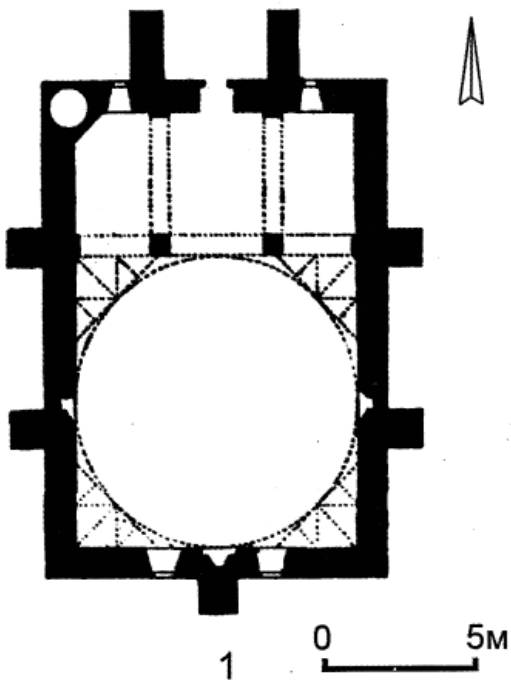
Литература и источники

1. Григорьев А. П. «Книга путешествий» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3.
2. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). М.-Л.: Госиздат. 1927.
3. Зиливинская Э. Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.
4. Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки. СПб., 2005.
5. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь: «Доля», 2008.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

Мечеть Куриун-Джами. Раскопки. Вид с юго-запада. Фото 2020 г.

Куриун-Джами (Свинцовая мечеть). Вид с северо-востока. Фото 2019 г.

План мечети Куриун-Джами (Свинцовая мечеть).

МЕЧЕТЬ «МЮСК-ДЖАМИ» (МУСКУСНАЯ МЕЧЕТЬ)

ул. Садовая, 18

В центральной части современного г. Старый Крым расположена еще одна мечеть, за которой в устной традиции закрепилось название Мюск-Джами (Мускусная мечеть). Под этим названием объект поставлен на учет решением Крымского областного Исполнительного Комитета от 22.05.1979 г. № 284, а также приказом Министерства культуры Украины от 22.11.2012 г. № 1364, объекту присвоен охранный номер 4824-АР. Руинированные останки этой мечети расположены на территории четырех частных домовладений (ул. Садовая, №№ 16а, 18; ул. Котовского, №№ 42, 44) [Гаврилов, 2014, с. 140–143; Ломакин, 2015, с. 201]. Часть стен мечети была разобрана хозяевами, в связи с чем сохранность объекта неудовлетворительная.

Легендарные сведения об этой мечети содержатся в различных письменных источниках. Наиболее обстоятельное описание ее содержится в труде османского путешественника XVII в. Эвлия Челеби, который отмечал: «Когда строился этот древний город, там было множество богатых людей и купцов – обладателей афросиабовых

гробниц товаров. Один богатый купец распорядился построить мечеть у внутренней стороны Кефинских ворот Кырымской крепости. Он собрал много тысяч людей, и кто-то из них занялся рытьем под фундамент, а кто-то месил известковый раствор и глину. В это время мимо проходил караван хатайских пряностей, хотанских, чинских и мачинских купцов, с вьюками по десять кантаров мускуса и амбры. И сказал хозяин мечети: «Брат! Кто возглавляет этот караван? Откуда и куда вы идёте? И что во вьюках, которые на верблюдах?». Купец-хозяин товаров сошёл [с коня] и прошёл мимо хозяина мечети, как будто и не было вопроса. Тогда хозяин мечети разорвал верблюжий вьюк мускуса и амбры в десять кантаров и на глазах хозяина смешал мускус и амбру с грязью [на строительстве] мечети. Они сделали мускусно-амбровую грязь. Купец, увидев это, приложил палец к устам, по-div>дивился чудесам мира и воскликнул: «О горе!». Хозяин мечети тут же привёл купца к себе домой и угостил его тонким кушаньем, а после угощения нагрузил тому на верблюдов по десять кантаров червонного золота и сказал: «Братец! Я тебе равня!». Купец обрадовался, и тот его отпустил.

Вот такие были в этом Эски Кырыме купцы, сказочно богатые, как Карун. А теперь его население не обладает и одним акче. Потом хозяин мечети закончил храм, и его называют мечетью Амбер Чин. Теперь развалины этой мечети находятся у подножия Кефинских ворот города Эски Кырыма. Когда идёт приятный дождь, то развалины стен источают запах мускуса и амбры. Этот бедняк для опыта бросил частицу пыли [от этой мечети] в огонь и почувствовал аромат амбры» [Челеби, 2008, с. 170–171]. Эти легенды также нашли отражение в уст-

Фрагмент стены. Фото 90-х гг. XX в.

ной городской традиции. Следует отметить, что И. Н. Бороздин сомневался, что эти руины можно ассоциировать с Мускусной мечетью [Бороздин, 1926, с. 286]. Подтверждением этого может быть и тот факт, что Эвлия Челеби располагает Мускусную мечеть рядом с Каффинскими воротами, которые, вероятно, были размещены гораздо восточнее. Сохранившиеся кладки стены на известковом растворе свидетельствуют о фундаментальности строения. К сожалению, точных данных о конструктивных особенностях, планировке здания и стратиграфической ситуации нет, поскольку исследования на его территории не проводились. В связи с этим сложно определить дату постройки и функционирования мечети.

Фрагмент стены. Современное состояние. Фото 2018 г.

Литература и источники

1. Бороздин И. Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14.
2. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.
3. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015.
4. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

Остатки стены. Общий вид. Современное состояние. Фото 2018 г.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «МЕЧЕТЬ БЕЙБАРСА» ул. Красноармейская, 5

Руины так называемой «Мечети Бейбарса». Фото нач. XX в.

Вполне вероятно, что на благотворительные средства была построена еще одна из самых ранних соборных мечетей Солхата, с имамом которой в 1333 г. беседовал Ибн Баттута и о которой он сообщает, что мечеть построена *ал-Маликом ан Насиром* [СМИЗО, т. 1, с. 209]. Прозвище «*ан Насир*» («Победоносный») носил сын Бейбарса ас-Са'ид Насир ад-дин Барака (или Берке) – хан (676/1277 – 678/1280), а во времена Ибн Баттуты – мамлюкский султан ан-Насир Насир ад-дин Мухаммад, правивший трижды в 693/1294 г., 698/1299 – 708/1309 гг. (вторично) и в 709/1309 – 741/1340 гг. Современник хана Узбека (1312–1341), он некоторое время даже был зятем золотоордынского хана,¹ но стать инициатором строительства солхатской мечети никак не мог. Из летописи Ибн ал-Фурата известно, что в 1287 г. из Каира в Солхат для строящейся мечети было отправлено множество припасов ценою в 2000 динаров. А на ее портале предполагалось вы-

¹ Речь идет о не слишком счастливом браке ал-Малика ан-Насира с правнучкой Чингисхана княжной Тулунбай (ум. 1364) [см.: Крамаровский, 2012, с. 117–119].

сечь «...прозвища султана *ал-Малика ал-Мансура*», для чего в составе купеческого каравана был отправлен специалист-каменщик для высечения его титулов и краски для тонировки (?) надписи [СМИЗО, т. 1, 2005, с. 266]. Египетский караван стал ответом на ордынское посольство 682/1283–84 гг. от имени хана Тудаменгу (679/1280–686/1287), сообщавшего в Каир о принятии ислама. Выделим также просьбу Сарая прислать золотоордынскому хану мусульманское прозвище и два знамени – халифское и султанское – для борьбы с иноверными [СМИЗО, т. 1, с. 265].

Ал-Малик ал-Мансур из летописи Ибн ал-Фурата – это *ал-Мансур Сайф ал-дин Кала'ун ал-Алфи* (678/1280 – 689/1290). Таким образом, мы узнаем, что одним из благотворителей, способствующих строительству соборной мечети Солхата 1287 г., стал мамлюкский султан Кала'ун. До нашего времени мечеть, однако, не дошла. Но уже с середины XVIII ст. романтическая версия о ее возведении мамлюкским султаном-бахритом из кипчаков *аз-Захиром Рукн ад-дином Байбарсом I ал-Бундукдари* (658/1260 – 676/1277), основанная на догадках о его солхатском прошлом, воспринимается как историческая реалья [Ш. К(ейбулаев), 2001, с. 55]. Легенда расцвечена непроверяемыми подробностями о мраморных стенах и порфировых сводах мечети.² Адептов легенды не смущает, что строительство солхатской мечети неправдоподобно растянулось по меньшей мере на десятилетие (если исходить из даты египетского обоза 1287/87 гг.). Не сму-

² В середине XVIII в. не подвергалось сомнению, что Бейбарс I был уроженцем едва ли существовавшего в 20-е гг. XIII в. Солхата. Легенда о мраморах и порфире, восходящая к труду Дегиня, 1756, воспроизведена П. Н. Кеппенем в издании 1837 г. [см.: Кеппен, 1837, с. 340–34].

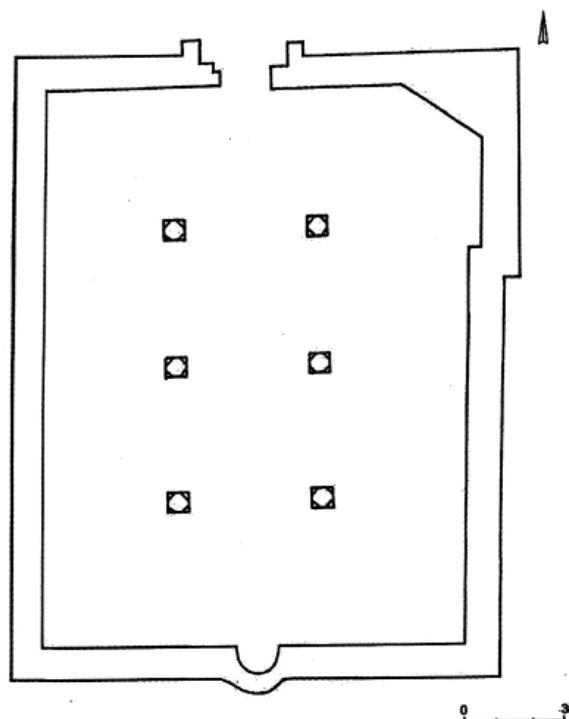
Руины так называемой «Мечети Бейбарса». Современное состояние.

щает и то, что в дипломатических обменах Рукн ад-дина Бейбарса I с Менгу-Тимуром (1267–1280) нет ничего об инициативе Бейбарса в ее строительстве в Солхате. Замечание о том, что мечеть построена «...по воле (выделено мной. – М. К.) египетского султана Бейбарса I» ничем не аргументировано [Кейбулаев, 2001, с. 55].³

Отдельно стоит выделить ложную идентификацию условной «Мечети Бейбарса» с руинами базиличной мечети близ комплекса «Медресе и мечети Узбека»,⁴ датируемой по монетным находкам из-под уровня первоначальных полов последней третью XIV в. [Крамаровский, 1991, с. 69, 70, рис. 2 на с. 128; Крамаровский, 2012, с. 171, 172].

Планировка этой мечети соответствует планировке мечети Узбека. В плане она представляет собой трехнефную базиличную постройку с тремя парами колонн на

восьмигранных базах. Шаг колоннады – 4,1 м, как и у мечети Узбека. Результатами раскопок удалось установить, что колонны аркады располагались на фундаментах, которых было обнаружено три пары. На подушках под колонны сохранились плиты под колонны с отпечатками базы, благодаря чему удалось установить, что размеры баз колонн

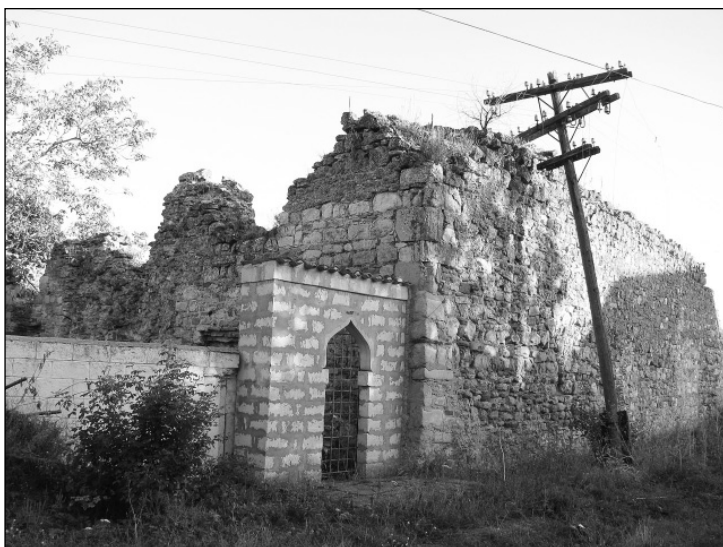
План «Мечети Бейбарса»

³ Для энциклопедического словаря, изданного под эгидой РАН, статья о Крыме содержит слишком много неточностей и ошибок, особенно в обзоре хронологии исламизации полуострова и формирования крымскотатарского этноса, а также характеристик отдельных памятников архитектуры средневекового Солхата – см.: [Кейбулаев, 2001, с. 54–56].

⁴ Сомнительность такого отождествления была отмечена уже И. Н. Бороздиным [см.: Бороздин, 1926, с. 7].

*Руины так называемой «Мечети Бейбарса».
Вид с юга.*

*Руины так называемой «Мечети Бейбарса».
Вид с северо-запада. Современное состояние.*

*Руины так называемой «Мечети Бейбарса».
Северная стена. Вид с юга.*

составили от 0,45 x 0,5 до 0,7 x 0,7 м. В южной стене сохранились остатки михрабной ниши, вход с пилонами портала в северной стене, в северо-восточном углу мечети располагался минарет, вероятно, как и в случае с мечетью Узбека на треугольном цоколе. Внутренние размеры мечети 12,3 x 16,4 м [Зиливинская, 2014, с. 31]. Глубина залегания фундаментов стен мечети – до 1 м. Следует отметить, что мечеть была построена на участке городской застройки, которая функционировала со второй половины XIII до последней трети XIV вв.

Литература и источники

1. Бороздин И. Н. Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Новый Восток, № 13–14, 1926.
2. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество: монография. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
3. Кейбулаев Ш. Э. Крым // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 3. 2001.
4. Кёппен П. И. Крымский сборник. СПб., 1837.
5. Крамаровский М. Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники культуры на территории СССР: сборник научных трудов. СПб., 1991.
6. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., ЕВРАЗИЯ. 2012.
7. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб, 1884.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

МЕЧЕТЬ УЗБЕКА ул. Чанаева, 5

Мечеть Узбек-хана. 1890-е гг. Фото И. Ф. Барцевского.

Сооружение мечети относится ко второму строительному этапу развития комплекса. Речь идет о переносе «старой» мечети 1314 г. с именем Узбека на новое место у северной стены медресе на рубеже XV–XVI вв. Имя золотоордынского хана и дата постройки первоначальной мечети взяты из надписи на портале. Трехнефная мечеть относится к базиличному типу и нет никаких признаков ее купольного перекрытия. В первоначальном варианте аркада центрального нефа с тремя парами колонн (парадная пара с богато украшенными базами у михрабной ниши) должна была поддерживать систему деревянных стропил высокого фонаря, перекрытого двускатной крышей. В северо-восточном углу мечети сохранился фрагмент ствола многократно возобновляемого минарета. Размеры мечети 13,5 x 17,5 м. Ее портал «приставлен» к северной стене без тех-

нологических перевязок и восстановлен на переотложенном слое; восточная и западная стены тоже не имеют перевязок с северной стеной медресе. Конструкции портала и михраба, сохранившиеся от первоначальной мечети почти целиком, являются подлинным украшением памятника.

Дата в надписи на портале – 714 г. х. – свидетельствует о том, что исламская община города поспешила поддержать происламскую политику сарайского хана, пришедшего к власти после переворота в 1312 г. Имя *Ибраима аль-Ирбили*, возможного строителя (архитектора?) новой пятничной мечети, переносит нас на почву древнего Ирбиля (Арбела). Не исключено, что в Солхате как строитель работал и его младший родственник: замковый камень с именем *Махмуда ибн Османа аль-Ирбили* найден нами при исследовании мавзолея

Мечеть Узбек-хана. Фото нач. XX в.

Входной портал мечети Узбек-хана. Фото нач. XX в.

в слое разрушения XV в. Обмеры и графический анализ портала и михраба, их декоративного убранства приводит нас к истокам – художественной традиции, сложившейся в северной части Центральной Анатолии в период сельджукских эмиратов. Михраб мечети (2,60 x 4,83 м) повторяет структуру портала, но украшен еще богаче.

По наблюдениям О. Асланапа, мечеть Узбе-

ка своим удлинненным трехнефным планом продолжает традицию анатолийских мечетей периодов Сельджукидов и Бейликов, однако имеет отличия – восьмигранные колонны и наклонная крыша на деревянных стропилах отличаются от сводчатых и купольных перекрытий [Aslanapa, 1979, p. 5–11]. Портал мечети Узбека наследует структуру классического сельджукского портала. Низкая арка входа, помещенная в глубокую крытую высоким сталактитовым треугольником нишу, фланкируется мощными пилонами, составляющими устой П-образной рамы, пластически разработанной орнаментальными бордюрами различной ширины.

Пилоны портала установлены на высоком профилированном цоколе, и это также традиция, получившая в Анатолии свое развитие. Истоки подобного приема лежат в архитектуре античности (поздний эллинизм), которая стала источником заимствований, по-разному использованных в сельджукских памятниках. Сталактитовая ниша портала окружена широкими бордюрами с пальметтами, трехчастными листьями и плетенками; их переплетения образуют общую композицию декора.

В декоре михраба обращает на себя

внимание широкий бордюр с цветочным декором, а также мастерски выполненная надпись в эпиграфическом фризе: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед посланник его. Бог сам свидетельствует о том, что нет бога кроме бога. Ангелы и люди, одаренные знанием и справедливостью, повторяют: нет бога, кроме бога всемогущего и мудрого. Ислам – религия божья» [Акчокраклы, 1927, с. 14]. Эпиграфическое обрамление солхатского михраба уникально. Надпись насхом на фоне побега со спиральными завитками и сочными пальметтами – редкий пример даже в декоре анатолийских памятников. Этот прием все же встречается в каменной резьбе Анатолии: единственный пример в камне – портал мавзолея Мама-Хатун в Терджане, нач. XIII в.¹ Однако

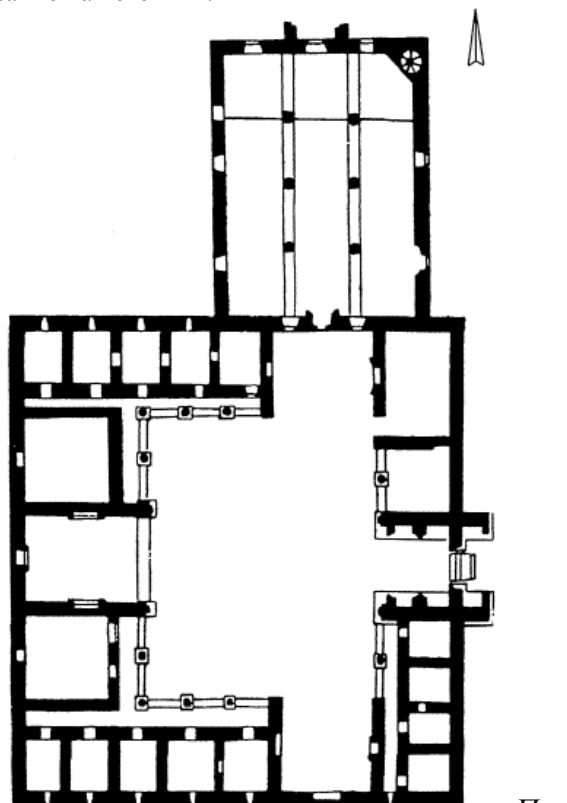
¹ Благодарю Л. И. Сатарову за консультацию и указание на источник.

Глазурованная посуда из раскопок мечети Узбека.

Раскопки внутри мечети Узбека, база колонны. Из археологического отчета 1979 г.

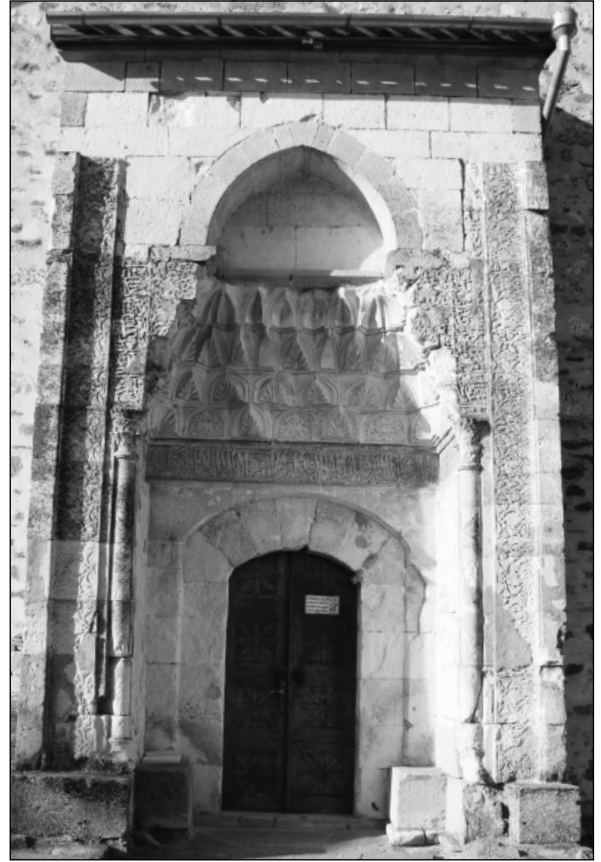

План мечети хана Узбека и медресе. .

0 5 10 м

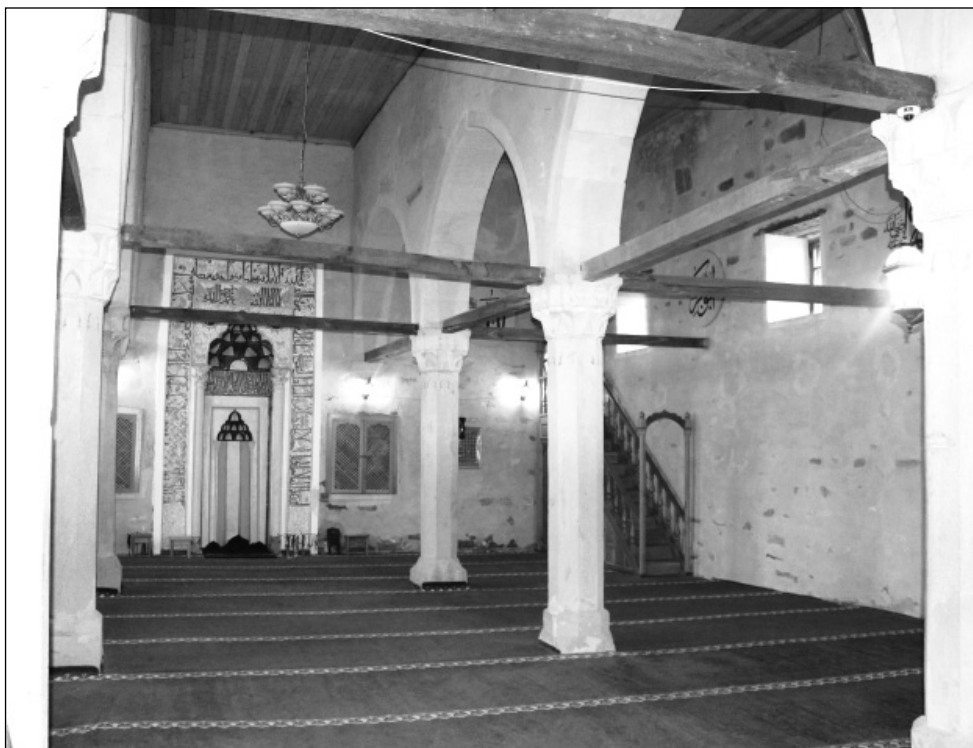
*Мечеть хана Узбека. Вид с севера.
Фото 2018 г.*

*Мечеть хана Узбека. Входной портал.
Фото 2018 г.*

Мечеть хана Узбека. Вид с юго-востока. Фото 2017 г.

Интерьер мечети хана Узбека. Современное состояние. Фото 2018 г.

резьба михраба Солхата заставляет вспомнить более всего сельджукские майоликовые фризы (надписи в михрабе мечети Алааддина, Сырчалы мекджит и Бейхекем мекджит, айванах медресе Сырчалы и медресе Каратай в Конье, Гёк медресе в Токате, барабане купола Гёк Медресе мекджит и в интерьере мавзолея Буруджийе медресе в Сивасе). В азиатской стукковой резьбе наиболее близкий аналог данного фриза находит параллель в декоре михраба мечети Арсланхане в Анкаре (1280-е гг.).

К сожалению, место первоначальной мечети Узбека обнаружить не удалось. Казалось бы, на эту роль подходят руины близлежащей базилической мечети, чья аркада имела тот же шаг колоннады, что и мечеть Узбека. Тем более что в раскопе у порталной стены этой мечети не удалось обнаружить ни одного резного камня из декора ее портала. Но по нумизматическому материалу мечеть датируется началом времени Тохтамыш (1376–1395).

Мечеть хана Узбека. Современное состояние.

Литература и источники

1. Aslanapa O. *Kirim ve Kuzey Azerbaycan'da Turk Eserleri*. Istanbul. 1979.
2. Акчокраклы О. Старокрымские и Отузские надписи XIII–XIV вв. // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», Т. I (58), 1927.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

МЕДРЕСЕ ИНДЖИБЕК-ХАТУН ул. Чапаева, 5

Медресе Инджибек-хатун. Акварель М. М. Иванова. XIX в.

В 1332–1333 гг. в Солхате на средства и при покровительстве Инджибек-хатун, в чем, несомненно, прочитывается манера благотворительности, восходящая к сельджукской традиции, построено четырехъярусное медресе [Яковсон, 1964, с. 106–108; Крамаровский, 2005, с. 112–116; Зиливинская, 2011, с. 51–53]. Как отметил О. Асланапа, это медресе помимо дидактической роли выполняло еще и функцию *муваккитхане* (службы определения времени для свое-временного совершения молитвы) [Aslanapa, 1979, p. 5–11].

Нашими исследованиями 1980–1983 гг. (общая площадь раскопа более 1095 кв. м) установлено, что строительство комплекса, состоящего из медресе и мечети, началось именно с медресе.

В основу его плана был положен прямоугольник со стороной около 28 м (абсолютные промеры имеют следующие результаты: восточная (портальная) стена – 28,7 м;

южная и западная – 28,0 м; северная – 27,0 м; общая площадь медресе – 837 кв. м.). Медресе располагало 14-ю *худжрами*, расположенными по периметру сооружения. По центральной оси открытого двора, обрамленного легкой аркадой, у восточной стены помещения 20 располагался фонтанчик с питьевой водой; на уровне пола двора, вымощенного каменными плитами, – устье поглощающего колодца. План медресе повторяет с некоторым развитием планировочную структуру медресе Бурсийе в Сивасе (1271) (Центральная Анатолия) [Kuran 1981, p. 96; fig. 34]. Это медресе одно из трех, наряду с *Cifte Minareli* и *Gök Madrasa*, чьи порталы выполнены в сельджукском стиле. Медресе Бурсийе и Гек Медресе построены при покровительстве Фахр ал-Дина Али, выдающегося сельджукского филантропа и главы судебной администрации при Кай-Ка`усе II, Кылыч-Арслане IV с 648/1250/51– 657/1258/59 гг., остававше-

гося до самой смерти в 687/1288 г. султанским визиром.

Посетитель, преодолев три ступени парадного крыльца, ведущие к порталному проему в восточной стене медресе, и порог входа, вступал в закрытый дворик с *шадырваном* (фонтаном), мощный известняковыми плитами. Двор обрамляла аркада, от которой сохранились лишь каменные базы колоннады. В центре двора (пл. до 240 кв. м) взгляд посетителя кроме фонтана отмечал устье поглощающего колодца, за которыми следовали три закрытых помещения (№ 14, 15, 16), предназначенные для зимних занятий учащихся (*талибов*). Во двор открывались все четыре крупных айвана, соединенные *реваками* (аркадами), за которыми располагались комнаты медресе. Летние занятия проходили под сводами двух открытых айванов – южного (№ 7) и северного (№ 23, оба – высотой до 7,0 м), обрамленных профилем с сельджукской цепью. В вечерние и ночные часы айваны освещались стеклянными сирийскими лампами, укрепленными на цепях (сохранились железные кольца креплений в перекрытии северного и южного айванов). В северо-восточной части медресе находилось *дюрбе* с криптой, где на постаменте, украшенном изразцами с бирюзовой глазурью и золочением (с деревянной основой), стояло мраморное надгробие с датой 776/1371 года [Бороздин 1926, с. 24–30, рис. 13]. Оно принадлежало основательнице медресе Инджибек-хатун, дочери Кылбурун Бея. Для погребения Инджибек-хатун одно из помещений в северо-западном секторе и было перестроено под дюрбе. При вторичном исследовании склепа дюрбе, очищенного от захоронений еще в 1928 г., мы нашли лишь перстневую вставку из красного сердолика.

Четырехайванный план медресе, как уже отмечено, связывает его с Анатолией. О. Ас-

ланапа отметил нестандартное расположение помещений медресе – айванов и худжр, но ошибался в том, что восточный узел входа и западная часть не имеют связи между собой [Aslanapa 1979, p. 5–11].

Двор обрамляла аркада, от которой сохранились лишь каменные базы колоннады. Аркада и связывала восточный и западный секторы медресе. Глаз наблюдателя не сразу смог бы определить общее количество помещений для проживания учащихся. Всего их четырнадцать. В *худжры* юго-восточного крыла (№ 2–5) вел узкий, не слишком освещенный коридор (№ 6) шириной менее метра. Свет сюда проникал сквозь щель окна в южной стене. Однако неудобство проема, подобного бойнице, компенсировалось отсутствием двери в противоположном конце коридора. Из пяти худжр южного сектора три (№ 8–10) дверными проемами были обращены во двор. Вход к двум другим помещениям (№ 11, 12) лежал через коридор (№ 13). В размещении *худжр* северного фаса зеркально повторяется компоновка южных помещений. Из них в два (№ 18 и 19) можно было попасть только из коридора (№ 17), а в три других (№ 20–22) – со двора. Площадь худжр колебалась от 5,5 до 8,1 кв. м. Возможно, три помещения северо-восточного сектора были предназначены для проживания учителей: помещение № 27 имело площадь

Медресе Инджибек-хатун. Акварель М. М. Иванова. XIX в.

*Медресе
Инджибек-хатун.
Северный айван.
Фото 20-х гг. XX в.*

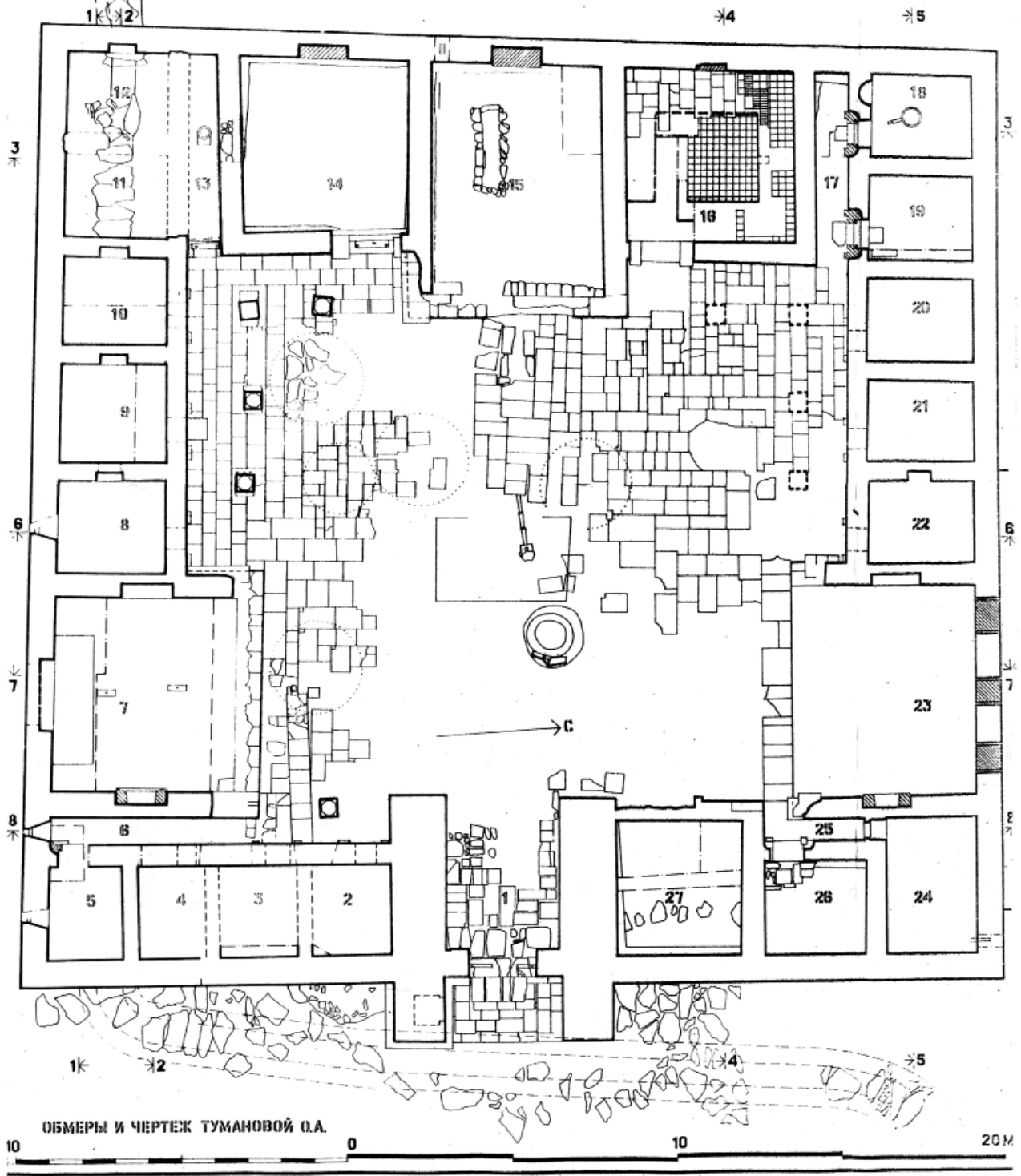
*Медресе
Инджибек-хатун.
Южный айван.
Фото 20-х гг. XX в.*

*Раскопки
на территории
медресе
Инджибек-хатун.
Фото 20-х гг. XX в.*

СОЛХАТ

МЕДРЕСЕ XIV ВЕКА

План медресе Инджибек-хатун.

*Раскопки
на территории
медресе
Инджибек-хатун.
Фото 20-х гг. XX в.*

*Внутренний дворик медресе Инджибек-хатун.
Фото 20-х гг. XX в.*

Медресе. Внутренний дворик. Фото 1983 г.

Медресе. Склеп. Фото 1983 г.

до 12 кв. м; № 24 – до 10 кв. м. Помещение № 26, снабженное небольшим полуподвалом, вероятно, использовалось в хозяйственных целях: его площадь не превышает 7,5 кв. м. В последние два можно было попасть только из коридора (№ 25), освещенного через входной проем. Таким образом, исключая двор, в состав медресе вошло 26 жилых, учебных и вспомогательных помещений. Помещения № 7–10, 12, 14, 16, 22, 23 сохранили ниши для письменных принадлежностей и книг, а южный айван (помещение № 7) – *михрабную* нишу. Квадратные помещения в западной части медресе завершались полусферическими куполами из золотоордынского кирпича.

Данные стратиграфии подтверждают сведения утраченной ныне строительной надписи.

Существует ошибочное мнение, что медресе на 18 лет моложе мечети [Aslanapa, 1979, p. 5–11]. Исследование кладки стен и мест их соединения показывает, что это было бы справедливо для первоначальной «мечети Узбека», но не для той, что оказалась перенесенной к северной стене медресе в конце XV в.

В начале XV в., возможно, не позднее его первой четверти, медресе погибает. Об этом свидетельствует клад из 608 серебряных монет, обнаруженных в одной из *худжр*, превращенной в помещение для сторожа при усыпальнице Инджибек-хатун. Самая ранняя монета клада чеканена от имени хана Токты в Сарае ал-Махруса в 710/1310 г.; самая поздняя – с именем Мухаммада Булака (чекан Орду, 778/1378 г.). Часть монет подверглась контрмаркированию, в том числе 12 экземпляров с надчеканами в виде Генуэзского замка. Следовательно, можно предположить, что время выхода из обращения монет клада состоялось не позднее 1-й четв. XV в. Видимо, в это время медресе уже лежало в руинах [Крамаровский, 1989, с. 141–159].

Портал медресе до нашего времени не дошел. Некоторое представление о нем дают его рисунки акварелью, выполненные русским пейзажистом и военным художником М. М. Ивановым

Океанские раковины, найденные при археологических исследованиях медресе 1333 г. на вымостке участка 87. Заготовка и полуфабрикат.

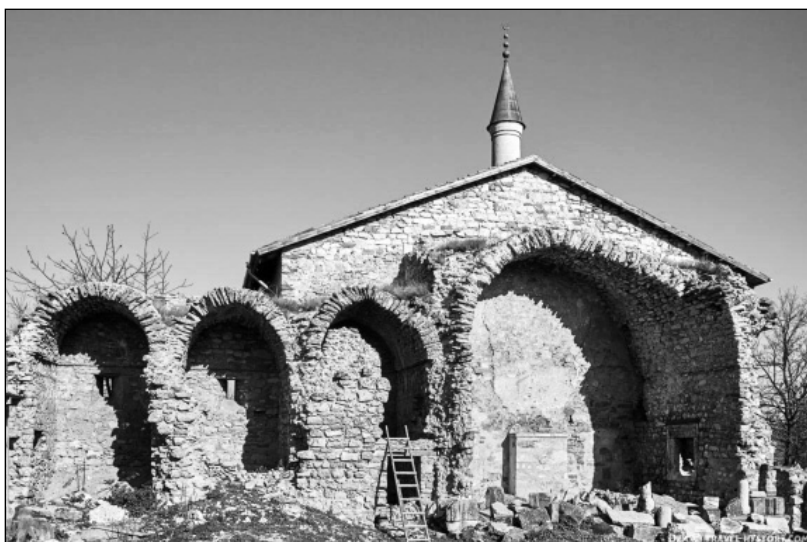
Сфероконус, обнаружен при археологических исследованиях медресе.

Скелп Инджибек-хатун. Фото 1983 г.

*Медресе Индзибек-хатун. Южный айван.
Фото 2010-х гг.*

*Медресе Индзибек-хатун. Северный айван.
Фото 2010-х гг.*

Северо-западный угол медресе.

(1748–1823)¹ и Жаном Бальтазаром де ла Траверсом, парижанином по рождению, но русским художником по судьбе и актером французского Императорского театра (род. 1752).² К сожалению, оба рисунка М. М. Иванова – альбомная акварель и ее станковый вариант (оба ГРМ, 1783 г.)³ дают портал под

слишком острым углом, не позволяющим рассмотреть отдельные детали конструкции. Вид на порталный проем со двора (из южного айвана медресе) есть как на альбомном рисунке М. М. Иванова (ГРМ, № 10188/об. р. 30073), так и на рисунке 1798 г. работы Де ла Траверса [Александрова, 2000, Каталог, № 95]. Не исключено, что этот поздний рисунок сделан Де ла Траверсом не с натуры, а с более ранней акварели М. М. Иванова.

Архитектурные блоки с глубокой трехплановой резьбой, обнаруженные в переотложенном слое, подтверждают наши наблюдения о работе строительной артели из Анатолии.

Предпортальная площадь медресе была вымощена плоскими плитами песчаника, но под вымосткой нами на отрезке около 70 м прослежен ливневый сток с сечением 50 x 50 см. Канал стока под полом медресе вдоль южной стены пронизывал сооружение в направлении с за-

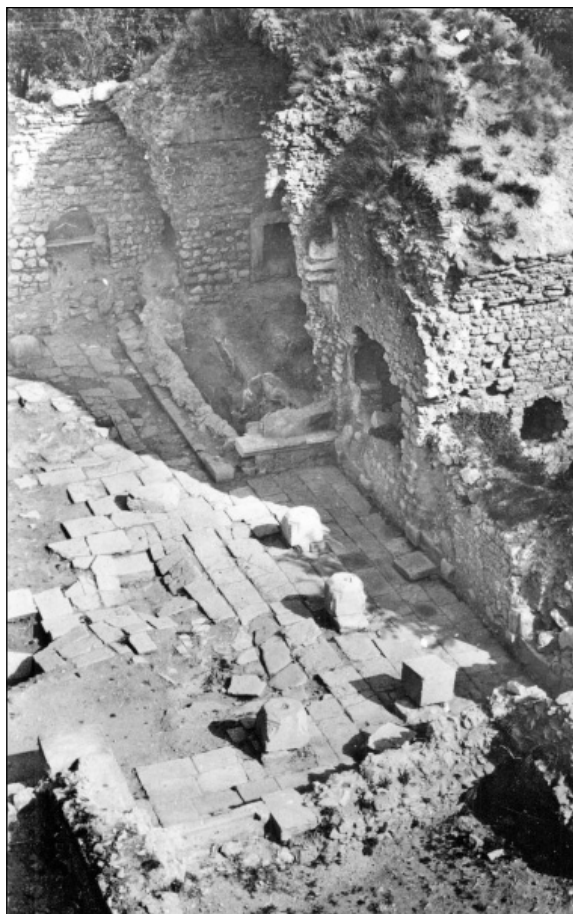
¹ Анализ сведений о жизни и творчестве И. И. Иванова – [см.: Капарулина, 2005, с. 1–21].

² Сведения о Де ла Траверсе – [см.: Александрова, 2000, с. 8, 9, и др].

³ На рисунок портала медресе (альбомная акварель) в археологической литературе первым обратил внимание А. Л. Якобсон [Якобсон, 1964, табл. XXVI, 1].

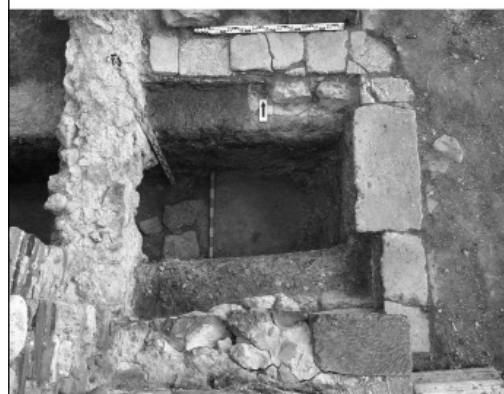
Внутренний дворик медресе. Фото 1982 г.

Раскопки медресе. Фото 1983 г.

Медресе. Портальная часть.

Вход в склеп Инджибек-хатун.

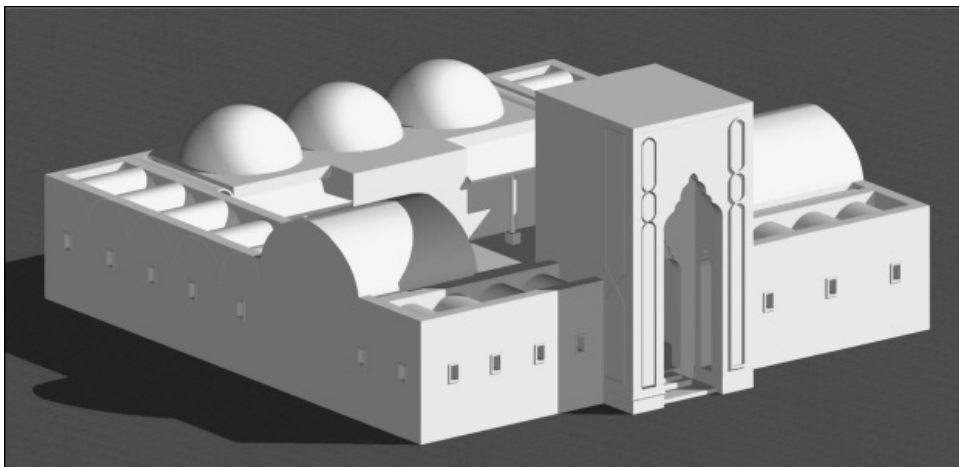
Медресе. Постройки за южной стеной.

*Медресе.
Вид с юго-запада.*

Медресе. Южный айван. Фото 90-х гг. XX вв.

Реконструкция медресе. 3d-модель.

Медресе. Северный айван. Современное состояние. Фото 2019 г.

Медресе. Южный айван. Современное состояние. Фото 2019 г.

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением птицы, обнаружена при археологических раскопках медресе.

Медресе. Пол в южном айване.

Раскопки медресе. Фото 1983 г.

Медресе. Водовод.

Медресе. Хозяйственный комплекс под полом южного айвана

пада на восток; при выходе на площадь он с поворотом на север вначале шел вдоль порталной стены, а потом уходил к ближайшей улочке в сторону востока. Стены и пол канала оказались выстланы хорошо подогнанными плитами известняка. Выбор технического решения по прокладке водостока в полутора метрах от фундамента и нижних кладок южной стены медресе, а не извне вдоль улицы, говорит, скорее всего, о сложившейся еще до строительства медресе квартальной застройке, с которой пришлось считаться архитектору.

Литература и источники

1. Aslanapa O. *Kirim ve Kuzey Azerbaycan'da Turk Eserleri*. Istanbul. 1979.

2. Акчокраклы О. Старокрымские и Отузские надписи XIII–XIV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, Т. I (58), 1927.

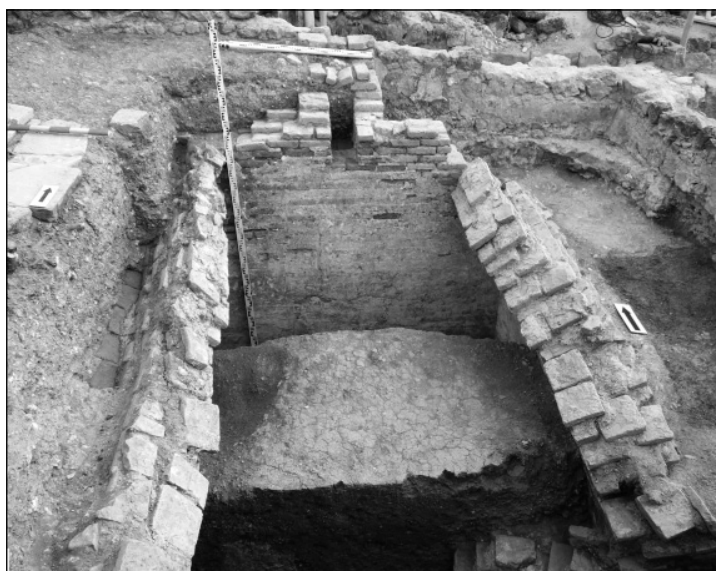
3. Александрова И. Н. Жан Балтазар де ла Траверс: путешественник по России живописец. М.: «Жираф», 2000.

4. Бороздин И. Н. Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Новый Восток, № 13–14, 1926.

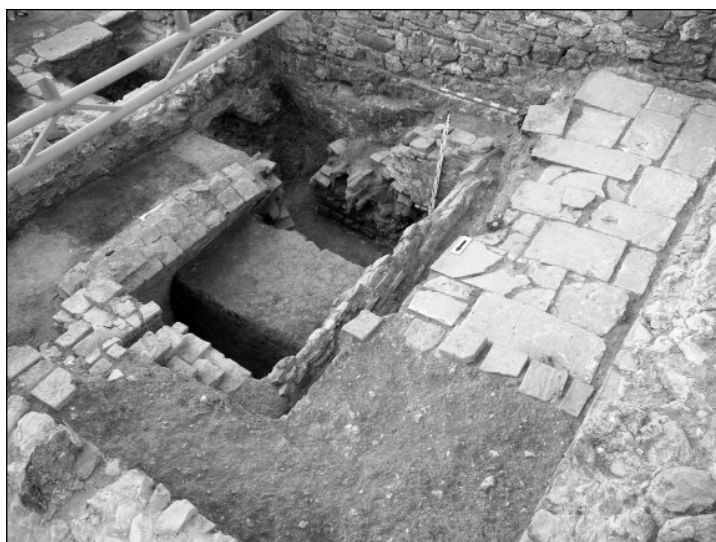
5. Капарулина О. А. «М. М. Иванов и пейзажная графика в России во второй половине XVIII века». СПб., 2005 [Автореф. канд. дисс.].

6. Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л.: Наука. 1964.

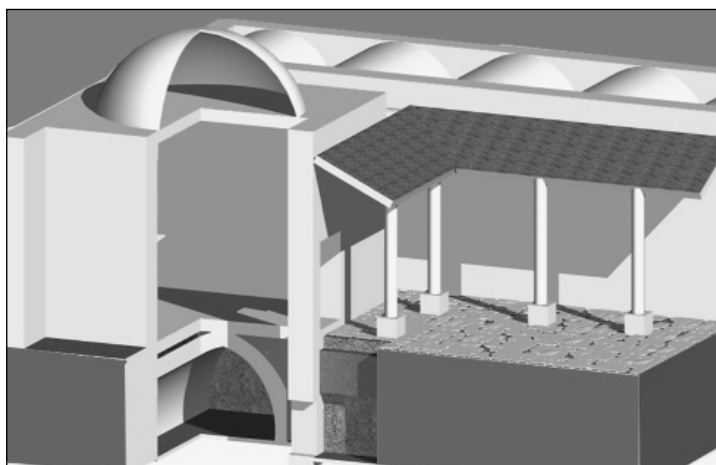
М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

Дюрбе Инджибек-хатун.

Дюрбе Инджибек-хатун. Общий вид.

3d-модель склепа (модель – Д. В. Иожица).

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ г. СТАРЫЙ КРЫМ

Мусульмане Крымской АССР в межвоенное двадцатилетие пережили один из самых сложных периодов в истории ислама на полуострове. Советская власть установила новые правила функционирования культовых зданий и организации при них общин. Всё религиозное имущество было национализировано и передавалось в аренду на основании соответствующего договора с так называемой «церковной двадцаткой». Обязательной являлась постановка на учёт устава каждой местной мусульманской общины и составление описей движимого и недвижимого имущества. Описи недвижимого имущества дают представление о техническом состоянии здания мечети, параметрах, окружающей местности, потребностях в проведении ремонта.

28 октября 1922 года в отдел Управления при Феодосийском райисполкоме обратилась группа крымских татар с просьбой «передать нам предназначенное для религиозных целей имущество Старо-Крымской мечети в бесплатное пользование для отправления богослужения под нашу ответственность» [1, л. 2]. В заявлении содержались подписи двадцати прихожан Соборной мечети Старого Крыма. Из своего числа они избрали Юнуса Казиева уполномоченным, для решения текущих вопросов с советскими органами власти и управления Ю. Казиев должен был подписать также договор о передаче имущества в аренду общине. Он был постоянным жителем города, проживавшим в принадлежащем ему доме. Юнус Куртнабиев Казиев от имени общины заключил договор Феодосийским Окружным исполнительным комитетом. В договоре, в частности, указывалось, что община приняла от исполкома «в бессрочное бесплатное пользование находящиеся в Старом Крыму Старо-Крымского района здание Соборной мечети с богослужебными предметами» [2, л. 3].

10 июля 1925 года в описи Старо-крымской соборной мечети указывалось, что здание мечети каменное, с двором порядка тысячи саженей [3, л. 4]. В описи движимого имущества мечети фиксировалось наличие трёх шерстяных ковров, пяти войлоков, девяти цыновок, двух подсвечников и одной люстры [4, л. 6]. В дополнение к описи имущества мечети был составлен акт-оценка. Один каменный мераб был оценен в 30 рублей. Люстра из меди и фарфора в 25 рублей, ковры в 50 и остальное имущество едва доходило до 35 рублей [5, л. 10]. Прихожане пользовались мечетью до начала 1930-х годов. Сталинское десятилетие принесло ужесточение государственной антирелигиозной политики. Закрытие мечетей было тесно связано с общегосударственными кампаниями, в частности, по введению всеобщего обучения и коллективизации. Инициатором закрытия должно было выступить само население. На помощь приходили комсомольцы, инициировавшие «общественную инициативу». 26 октября 1931 года в Старом Крыму состоялось общее собрание крымских татар, на котором присутствовало, однако, всего 47 человек. Первый доклад Ильмиева был посвящён закрытию мечети, а второй и третий подготовке к четырнадцатой годовщине Октябрьской революции и проведению кампании всеобщего обучения и ликвидации неграмотности. Первый докладчик в своём выступлении указывал: «1930 год я помню общее собрание мы татарское население категорически отказались от мечети и отдали под музей ну почему то до настоящего времени ни существует...предполагаю ещё раз подтвердить закрытие мечети и отдать под музей т.к. она является древностью старины» [6, л. 9] (*сохранены орфография и пунктуация документа. – Авт.*). В прениях остальные присутствующие говорили, что мечеть по прямому назначению не функционирует уже три года

и создание музея – настоятельная задача. Собрание приняло следующую резолюцию: «Мы население Старого Крыма считаем что не за что платим всякие налоги для помещения мечети т.к. она считается совершенно бесполезной единогласно отдаём здание мечети под помещение музея и вызываем другие нации последовать нашему примеру» [7, л. 9 об.]. Была создана тройка по сбору подписей под решением общего собрания, обратиться в органы советской власти о закрытии мечети. За собранием, 17 ноября 1932 года, последовало заседание президиума Старо-Крымского городского Совета. Под председательством Каскова было принято постановление «С ходатайством татарского населения о закрытии мечети согласиться и просить КрымЦИК в срочном порядке утвердить протокол граждан и протокол Президиума горсовета о закрытии мечети. С заключением технической комиссии о сносе деревянного верха мечети, как пришедшего в полную негодность, – согласиться. Верх снести, передав мечеть в ведение ОХРИСа с отнесением капитального ремонта за его

счёт» [8, л. 8]. Далее документ был направлен в вышестоящую инстанцию. 25 ноября 1931 года состоялось заседание Президиума Феодосийского районного исполнительного комитета. В постановлении фиксировалось: «Просить КрымЦИК утвердить ходатайство Старо-Крымского горсовета о закрытии старой Татарской мечети, как пришедшую в негодность. Предложить Старо-Крымскому горсовету весь материал, постановления общих собраний граждан с их подписями о закрытии мечети, направить в КрымЦИК» [9, л. 6]. 20 марта 1932 года на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР было принято решение, что «мусульманскую мечеть в г. Красный Крым ликвидировать ввиду требования трудящихся масс и заключения технической комиссии и непригодности здания. Помещение мечети предложить райисполкому при установлении, что последнее не является на учёте ОХРИСа – снести» [10, л. 2]. Место расположения мечети не определено, идентификация объекта с существующими и сохранившимися на территории города объектами затруднительна.

Литература и источники

1. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1247, л. 2.
2. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1247, л. 3.
3. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1247, л. 4.
4. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1247, л. 6.
5. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1247, л. 10.
6. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1701, л. 9.
7. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1701, л. 9 об.
8. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1701, л. 8.
9. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1701, л. 6.
10. ГАРК. Ф. Р.-663, Оп. 10, д. 1701, л. 2.

Г. Н. КОНДРАТЮК

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ КЛАДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕРКВИ

Из акта об осмотре и обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму, проведенных совместно О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, Э. Я. Бэром и Б. Н. Засыпкиным 24 августа 1926 года: «Ограда русской церкви и территория. В северной части двора у полукруглой калитки следы древней кладки из тесаного камня высотой до 2,00 м. Сама калитка сложена из древнего материала. На территории двора в различных местах в земле плиты,

капитель, фрагмент с профилями, в стене мусульманская капитель. Под северным фронтоном в полу фрагмент с изображением лампы. На главных воротах икона Божьей матери, написанной на плите с латинскими надписями и генуэзскими гербами. Там же два фрагмента в кладке стены. Существует предположение, что церковь построена на месте древней мечети. Необходимо охранять как место исторического значения» [Мусаева, с. 148].

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

МАВЗОЛЕИ

МАВЗОЛЕЙ У МЕЧЕТИ УЗБЕКА (Мавзолей № 1)

Мавзолей расположен на территории предпортальной площади мечети Узбека. Объект был обнаружен в 1985 году в ходе исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа.

Сооружение было скрыто земляным холмом. В ходе раскопок была вскрыта общая площадь в 100 кв. м. В результате было обнаружено каменное сооружение прямоугольной формы, вытянутое по оси восток-запад. Протяженность восточной и западной стен составила 7,40 м, северной и южной – 6,30 м. Вокруг сооружения был выявлен мусульманский грунтовый могильник. У северной стены (шурф № 2) была выявлена полуземлянка более раннего времени. Строительство основного сооружения (дюрбе) относится ко второму пе-

риоду жизнедеятельности на исследуемой территории. Стены постройки лежат на предматериковом слое. Основание южной стены не ровное, а уступчатое, что связано с ранее существовавшими здесь хозяйственными ямами. Зафиксированы следы трех ям, связанных друг с другом. Для увеличения прочности стены над центральной ямой (№ 2) была сделана полукруглая арка-свод. Сверху ямы были перекрыты плитами поздней вымостки XV–XVI вв., вплотную подходящими к южной стенке сооружения. Под плитами с востока на северо-запад протянута керамическая водопроводная труба.

Центральное сооружение представляет собой прямоугольный в плане объем с каменными стенами, кладка которых сохранилась в высоту на 0,70–1,25 м. Толщина стен – 0,85–0,9 м, протяженность восточной и за-

Мавзолей у мечети Узбека. Вид с юго-запада. Современное состояние. Фото 2019. г.

*Территория перед мечетью хана Узбека.
Раскопки 1985 г.*

*Мавзолей перед мечетью хана Узбека.
Раскопки 1985 г.*

падной стен – 6,30 м, южной и северной – 7,4 м. Внутренние размеры основного объема – 4,4 x 5,4 м. К западу от основного объема, северная и южная стена продолжают в виде пилонов, длиной около 2,25 м. В центральной части основного объема была обнаружена известняковая плита размерами 2,00 x 0,76 м,

с выемками, в которых, по-видимому, были укреплены части первоначально существовавшего надгробия. Под плитой было выявлено могильное пятно центрального погребения. Это труположение, совершенное на спине с вытянутыми вдоль туловища руками по линии запад-восток, головой на запад, лицом на юг. По периметру погребальной камеры были обнаружены железные гвозди. Инвентаря нет. Параллельно центральному погребению с севера расчищено еще одно погребение, а в юго-восточной части – погребение ребенка.

Пол внутри помещения вокруг известняковой плиты был перекрыт конструкцией из сырцовых кирпичей в 4 ряда. Кирпич-сырец уложен по линии запад-восток и вплотную прилегает к западной стенке. Вдоль западной стены также удалось уловить следы кирпичей первоначально лежавших в пять рядов. Под сырцовыми кирпичами подсыпка из довольно мощного слоя гальки (20–30 см.). Размеры сырцовых кирпичей, сохранившихся целиком, около 23,5 x 23,5 см. Толщина кирпича – 3–4 см. На одной стороне всех кирпичей процарапана полоска по еще сырой глине.

Наличие центрального погребения с надгробной плитой во внутреннем помещении позволяет предположить, что исследуемое сооружение-мавзолей по характеру материала (керамика и монеты) относится к концу XV – началу XVI вв. Первоначальный вид сооружения реконструируется с трудом, в связи с тем, что сохранилась лишь нижняя часть стен, следы верхних перекрытий уловить не удалось. Территория вокруг мавзолея в позднее время использовалась как кладбище – тут зафиксировано 15 погребений. Вокруг погребений обнаружены следы гробовины и гвоздей по периметру, что неоднократно встречалось при раскопках городища.

Мавзолей и мечеть Узбека, стоящая рядом и объединенная с ним общей вы-

мосткой (часть ее была локализована под слоем дерна), вероятно, в XVI в. представляли единый культовый комплекс.

Наличие хозяйственных ям, полуземлянок, погребения в материке свидетельствуют о том, что мавзолей был построен на территории, которая в XIII–XIV вв. была густо заселена, но ко времени строительства жизнь на этом участке, по-видимому, прекращается (улавливается незначительный слой запустения). Территория осваивается только в XVI в., но уже как кладбище.

Руины мавзолея были музеефицированы, кладки закреплены раствором. Состояние объекта удовлетворительное.

Литература и источники

1. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество: монография. Казань: Отечество, 2014.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

Общий вид мавзолея на предпортальной площади мечети хана Узбека. Раскопки 1985 г.

Лapidарные памятники, собранные у мавзолея. Фото 2019 г.

МАВЗОЛЕЙ НА ВОЗВЫШЕННОСТИ НОГАЙЛЫ-ОГЛУ-ОБА (Мавзолей № 2)

Мавзолей расположен в северной части города Старый Крым, на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш. Был обнаружен в ходе исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1991 г. и исследовался в 1992 и 1993 гг.

Раскоп XIII-91б заложен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш в северо-западном секторе городища Солхат. Горный отрог расположен параллельно оврагу, именуемому на карте города последней четверти XVIII века «Кемаль-Ата-дере». Общая площадь раскопа составила 225,75 кв. м. В результате раскопок, проведенных экспедицией Государственного Эрмитажа, был обнаружен не известный ранее архитектурный объект, сохранившийся на уровне нижних кладок, не превышающих в высоту 1,25 м от уровня древней дневной поверхности.

Объект представляет собой постройку прямоугольную в плане и ориентированную длинной стороной по линии север-юг. Сооружение состоит из двух замкнутых объемов: первый – в северной части – размером 10,0 x 10,7 м, второй – в южной части – размером 9,0 x 5,0 м. Общая площадь сооружения составила около 159,5 кв. м. Каждый из объемов включает замкнутое пространство: северный площадью около 36 кв. м (6,0 x 5,9 м); южный – 18 кв. м (4,0 x 4,5 м). Между северной и южной камерами мощная глухая перемычка толщиной 2,5 м. Толщина стен около 2,5 м, характерна для всего северного объема. В западной стене этого помещения был сделан вентиляционный канал длиной 1,5 м и шириной 30 см. Стены южного помещения имеют следующие толщины: западная – 2,35 м, восточная – 2,15 м, южная не превышает 1,1 м. Кладка стен

Раскоп XIII-93, общий вид мавзолея. Фото 1993 г.

Мавзолей на холме Ногайлы-оглу-оба. Современное состояние. Фото 2019 г.

велась из крупных блоков известняка по внешним контурам с заполнением рваным бутом на известковом растворе – то есть методом панцирной кладки. Снаружи к входу вела каменная лестница из 5 ступеней общей высотой 1,45 м и шириной 2,85 м. В северном объеме уровень пола выявлен на отметках 2,34–2,52 м. В южной части дюрбе не было подземного помещения – здесь уровень пола совпадает с выходом материка. В северном объеме было выявлено подземное помещение, представляющее собой склеп со сводчатым перекрытием. В склеп вел подземный корридор – дромос, который начинался в 2,3 м к востоку от восточной стены и проходил сквозь нее. Ширина дромоса – 1,25 м, длина – 4,8 м. В склепе были обнаружены останки 14 погребенных. Пол склепа частично был выложен обожженным кирпичом.

Сохранность стен различна: наиболее пострадала северная стена, где по центральной оси вырван значительный объем кладки. Во внешнем

Часть северной стены мавзолея.

фасе восточной стены (на линии бровки) обнаружен проем не шире 1,2 м.

При расчистке сооружения в основном были обнаружены фрагменты изразцов двух типов: с бирюзовой поливой и полихромной подглазурной росписью со следами эпиграфического узора. Для этих изразцов в качестве основы использована полужелтая масса (кашин). Изразцы этого типа найдены в Солхате впервые. Изразцы с бирюзовой поливой встречались при раскопках дюрбе Инджи-

Раскоп XIII-91, общий вид. Фото 1991 г.

бек-хатун на территории медресе Солхата. Сохранность объекта неудовлетворительная. Датируется мавзолеем 50–60 гг. XIV в. [Зиливинская, 2014, 133].

Литература и источники

1. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культурное зодчество : монография. Казань: Отечество, 2014.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

Мавзолей на холме Ногайлы-оглу-оба. Современное состояние. Фото 2019 г.

МАВЗОЛЕЙ С ПЛИНФОВЫМ СВОДОМ (Мавзолей № 3)

Раскопки мавзолея. Общий вид. Фото 2019 г.

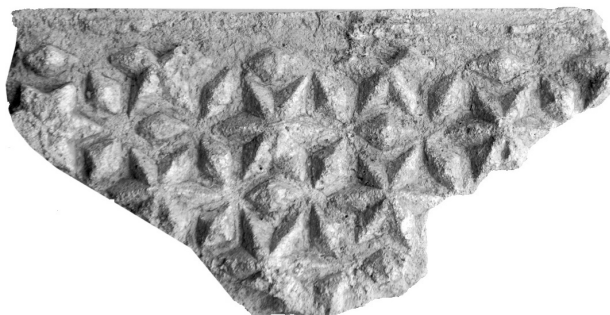
На окраине г. Старый Крым, в 200 метрах к юго-востоку от восточного края плотины Старокрымского водохранилища в ходе археологических разведок, выполненных на базе Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2018 г. были выявлены остатки дюрбе (мавзолея). Настоящая публикация является предварительной и содержит лишь основные краткие результаты исследований. Краткая информация об исследованном объекте также содержится в монографии А. В. Гаврилова и В. В. Майко. Авторами объект, вероятно, ассоциируется с развалинами склепа с плинфовым сводом, изображенным на рисунке М. Вебеля (вт. пол. XIX в.) [Гаврилов, 2014, с. 58–59]. В то же время предварительные результаты исследований 2018 и 2019 годов не позволяют подтвердить это предположение. Археологические исследования 2019 года позволяют сделать следующие пред-

варительные выводы. Размеры постройки по внешнему периметру 12,9 x 8,1 м. Таким образом исследуемый объект представляет собой прямоугольное строение, ориентированное длинной стороной по оси северо-восток – юго-запад. Дюрбе разделено поперечной стеной на два объема – северный и южный. Ширина траншеи под фундамент стен 1–1,1 м. Толщина сохранившихся кладок фундаментов стен: северного объема (в т. ч. поперечной стены) 1,1 м, южной стены южного объема – 0,95 м. Размеры объемов строения по внутреннему периметру траншей: северный объем – 6,1 x 6,1 м; южный объем – 6,1 x 3 м.

Северную и южную часть строения разделяет стена, кладка которой частично сохранилась в центральной части. Стена сложена из местного бутового камня на известковом растворе. На стене сохранились фрагменты кирпичной кладки – вероятно, обрамление входа в северный объем. Кирпичи и отпечат-

Погребение № 2. Фото 2019 г.

0 5 см

Фрагменты декоративной плитки.

Фрагменты декоративного фриза из известкового раствора с эпиграфикой.

ки их в растворе фиксируются в 0,6 м от середины этой поперечной стены.

Толщина поперечной стены ок. 1,1 м, ширина траншеи под стену 1,2–1,3 м., глубина траншеи \approx 0,35–0,4 м. В северной части мавзолея было локализовано и изучено два погребальных комплекса. Вероятно, к югу от них может быть расположено третье погребение, до настоящего времени не обнаруженное и не изученное. Погребение № 1 представляет собой прямоугольную в плане яму в подпольной части мавзолея.

Стенки и пол могильной ямы выложены из квадратного золотоордынского кирпича. Учитывая заполнение могильной ямы, погребение было ограблено в эпоху Средневековья или в Новое время. Кости скелета в заполнении были перемешаны с грунтом и фрагментами археологического материала. Сопутствующий инвентарь из могилы вынут, сохранились лишь фрагменты изделий неясного назначения из желтого металла и две парные серьги с полупрозрачным камнем, также обрамленным в желтый металл. В заполнении также содержатся фрагменты архитектурных деталей, кирпича, глазурованной плитки и монеты. Погребение, вероятно, принадлежало женщине. Погребение № 2 также представляет собой прямоугольную в плане яму, впущенную в подпольное про-

странство дюрбе. Стенки ямы выложены из плоского бутового камня на растворе. Пол выложен из квадратного кирпича. Заполнение могилы представляет собой грунт, перемешанный с археологическими находками; вероятно она также была ограблена. Кости погребенного также значительно перемещены. В заполнении содержатся фрагменты архитектурных деталей, кирпича, глазурованной плитки и монеты. Судя по размерам костей скелета и черепа, в погребении был похоронен мужчина.¹ Предварительно объект может быть датирован XIV–XVI вв. и относится к средневековой мусульманской культуре Крыма.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

¹ В данном случае все определения половой принадлежности погребенных предположительные. Окончательные данные возможны лишь после проведения антропологического анализа.

Серьги из желтого металла со вставками.

Архитектурый фрагмент декоративного оформления дюрбе.

Раскопки мавзолея. Фото 2019 г.

РАЗВАЛИНЫ ДЮРБЕ ВО ДВОРЕ ГРЕКА МОРАНКАЛИ

(Местонахождение не установлено)

Остатки каменного склепа со сводом размерами 7х4 аршина (4,9784 x 2,8448 м) были выявлены в 80-е годы XIX в. в результате земляных работ, проводившихся одним из жителей Старого Крыма. Сообщение о находке было опубликовано на заседании комиссии ИТУАК 15 апреля 1888 г., где член комиссии Юскевич-Красковский заявил по этому поводу следующее: «В Старом Крыму одним из жителей – греком, при рытье канавы, найдена пещера со сводами и в ней на каменных плитах три деревянные гроба, обшитые кожей, и что полицейская власть, будучи извещена об этом открытии, распорядилась заделать вход в пещеру, чтобы сохранить означенные гробы от порчи или разграбления».

Первое исследование найденного склепа было осуществлено Маркевичем А., краткое описание которого опубликовано было им по результатам его поездки в Старый Крым в 1888 году в статье «Поездка в г. Старый Крым»: «Расчистив заваленный мусором вход в погреб или склеп и вошедши в него, я, к удивлению своему, вместо гробов увидел перед собой страшную массу сгнившего дерева, почти совсем истлевших человеческих костей, кожи и шелкового тряпья. Все это

было страшно перемешано и покрыло пол склепа, по крайней мере, на четверть аршина. В массе костей я начал искать черепа, но, несмотря на все старания, не нашел ни одного хоть кое-как сохранившегося черепа. Измерив величину склепа (7 арш. ширины и 4 длины), я расчистил в нескольких местах кучи и увидел пол, состоящий из каменных плиток, соединенных известью. Выломали несколько плиток, и оказалось, что они лежат на твердой почве (грунте). Больше копать не было надобности, и я приступил к расспросам очевидцев, что представлял этот склеп, когда его только открыли. Из расспросов выяснилось следующее: в склепе было до 20 деревянных гробов, из которых часть, будто бы, стояла на полу, а другая на нижних гробах. Все гробы стояли головой к востоку, против входа, и только один гроб, больших размеров, стоял поперек склепа, с севера на юг. Все гробы были зашиты в кожу. Пока дали знать полиции, в склепе перебивало почти все население Старого Крыма. Любопытные разрывали и разрезали кожу, а гробы и кости превращались в прах».

Место расположения каменного склепа на местности не установлено.

Литература и источники

1. ИТУАК Протокол заседания Таврической Ученой Архивной Комиссии 15 апреля 1888 г. Т. 4.
2. Маркевич А. Поездка в Старый Крым. ИТУАК № 6. Симферополь. 1888.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

СКЛЕП НА БЫВШЕЙ ЗЕМЛЕ АРМАНОВА

На севере за городским валом
(Местонахождение не установлено)

Склеп на земле гражданина Арманова был выявлен и осмотрен директором Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинским совместно с О. Акчокраклы во время совместной их поездки по маршруту «Бахчисарай – дер. Коккоз – Ай-Петри (пешком) – Кореиз – Ялта – Алупка – Ливадия – Алушта – Кучук-Узень (Куру Узень) – Туак (пешком) Ускут – Кансхор – Кутлак – Судак – (Таракташ) – (морем) – Феодосия – Старый Крым», длившейся с 13 августа по 6 сентября 1924 г. Осмотрев курган при помощи местного ценителя древностей и истории Старого Крыма Сеид Джемиля Мамутова, они обнаружили «пролом на вершине купола склепа», через который можно было проникнуть внутрь погребального сооружения. На дне склепа был обнаружен, по их мнению, «сброшенный сверху скульптурный фрагмент от саркофага», с датой 790 г. по хиджре¹, высеченной прописью на арабском языке [У. Боданинский, с. 91]. Однако в действительности текст на арабском языке обозначал дату 690 год по хиджре. Эта ошибка была исправлена в отчете по итогам археологических раскопок в Старом Крыму за 1928 г., где данный фрагмент был указан как самый старый памятник среди найденных в этом году.

Фрагмент саркофага с датой 690 г.
Фото 20-х гг. XX в.

«Самая ранняя дата среди находок 1928 г. принадлежит фрагменту надгробия, найденному в склепе на бывшей земле Арманова за городским валом на севере (№ 191), указывающей на 690 г. хиджры (1291)». [Акчокраклы О.-Н., с. 156]. (Подробнее о фрагменте саркофага см. на стр. 75–76).

Место расположения склепа не установлено. Фрагмент саркофага хранится в Старокрымском литературно-художественном музее.

Литература и источники

1. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
2. Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Симферополь, 2018. Т. II. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

¹ Описка У. А. Боданинского, дата на памятнике записана арабицей словами, в цифрах это – 690 г. х. = 1291 г.

МАВЗОЛЕЙ ХИАЗЕДИН-СУЛТАНА, СЫНА КИЛАЙ-ТЕМИР-ХАНА. 1454 г.

(Местонахождение не установлено)

По сообщению Палласа П. С., немецкого учёного-энциклопедиста, совершившего в конце XVIII в. поездку на Керченский полуостров, при выезде из Старого Крыма в сторону села Карагёз он заметил следы мусульманского кладбища с *«остатками одного могильного памятника, выстроенного из тесанных камней, с готическим сводом и татарскою надписью 868 года (1454)»* [Паллас, 1883, с. 46] согласно которой в дюрбе был похоронен некто Хиазедин-султан, сын Килай-Темир-хана. Каменное надгробное сооружение и кладбище располага-

лись, со слов исследователя, в районе горы Агармыш, у древнего вала, окружавшего некогда Старый Крым.

Точное место расположения описанного Палласом памятника на сегодняшний день не установлено, *«часть из упомянутых им памятников старины вскоре навсегда исчезли. Участники дальнейших научных экспедиций не только не могли их обнаружить, но даже застать каких-либо следов от них»* [Ломакин, 2012, с. 30].

Сведений об исследовании объекта не имеется.

Литература и источники

1. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. / Пер. с нем. М. С. [лавич]; Ред. Ф. К. Бруна и Г. Э. Караулова // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. 12.
2. Ломакин Д. А. К истории становления научного подхода в исследовании комплекса мусульманских памятников XIII–XV века в Старом Крыму // Праці центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 22.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

РОТОНДА С НАДГРОБИЕМ САЛИХА-СУЛТАНА ДОЧЕРИ ДЕВЛЕТ ГЕРАЙ ХАНА, 1176 г. х. (1762/63 гг.)

с. Учъ-кой (Учъ-кую?)

Местонахождение не установлено

Надгробный памятник дочери крымского хана Девлет-Герая Салиха-султана был найден, по сообщению Г. И. Спасского¹, на общем кладбище «поблизости Старого Крыма в д. Учъ-Кий».² [Спасский, 1858, с. 95].

Сообщение и описание надгробия было опубликовано на страницах Записок Одесского общества истории и древностей (ЗООИД) в 1858 г. Находка на местном кладбище надгробного камня, установленного в память ханской дочери, послужила для автора сообщения Спасского Г. основанием сделать вывод, что оно служит «некоторым удостоверением пребывания ханов в Старом Крыму» [Спасский, 1858, с. 94]. Высеченный на надгробном памятнике текст, согласно переводу, сделанному А. А. Борзенко³, действительного члена Одесского общества истории и древностей, гласил: «Благороднейшая Салиха султанша, дочь милостивейшего Хана Девлет-Гирей-Хана⁴ (которого да возвеличит Бог своей милостью до конца его дней),

скончалась 1176 года. Моля Бога, да успокоит душу ее в своих селениях, и да будет милостив к ней Тот, кто создал мир. Надпись эту велела изобразить на мраморе жена Ак-Мурзы-Бая, да видят все, и да читают фатиха (первую молитву Корана) об успокоении души ее мужа» [Спасский, 1858, с. 94–95]. Могила дочери хана отличалась от других надгробий сельского кладбища «выстроенною над нею красивою беседкой» [Спасский, 1858, с. 95]. Согласно сообщению, в селе, где был найден надгробный камень представителей ханского рода Гераев, некогда находился ханский загородный дворец.

Нахождение в районе Старого Крыма надгробного сооружения Салиха-султана расширяет географию ханских загородных дворцов и мест захоронений членов семьи правящей династии. В научной литературе и записках путешественников сведений о ротонде с надгробием Салиха-султана найти не удалось.

Литература и источники

1. Спасский Г. И. Старый-Крым: из путевых записок о Крыме // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1.
2. Ломакин Д. А. К истории становления научного подхода в исследовании комплекса мусульманских памятников XIII–XV века в Старом Крыму // Праці центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 22.

¹ Григорий Иванович Спасский (1783–1864) – историк, археолог, востоковед, горный инженер и издатель.

² На то время, когда было опубликовано сообщение, в окрестности Старого Крыма населенного пункта Учъ-кой не существовало, севернее города на расстоянии приблизительно 25 км располагалось близкое по звучанию село Учъ-кую. Возможно, Г. Спасский в статье по ошибке указал не Учъ-кую, а Учъ-кой.

³ Борзенко Александр Алексеевич (1806–1867) – переводчик восточных языков при М. С. Воронцове, корреспондент и действительный член Одесского общества истории и древностей.

⁴ В XVIII в. на ханском престоле находились два Девлета: Кара Девлет III, скончался в возрасте 70 лет в 1717 году, и Девлет IV (1730–1780).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

КЛАДБИЩА

КУРГАН КЕМАЛЬ-АТА

В восточной части Солхатского городища расположен курган Кемаль-Ата. Устная городская традиция связывает с ним могилу святого – азиз. Указания на это встречаются в источниках XVII в. Эвлия Челеби сообщает, что у Каффинских ворот: «Затем, опять же на рынке, возле благородной могилы святого Кемаль-Ата-султана, тарих на источнике живой воды: «Из воды – всё живое», а также: «Для души Кемалья Ата – фатиха, год 1057 (1647 г.)» [Челеби, 2008, с. 169, 171]. Итальянец Эмиддио Д'Асколи пишет про Солхат, что он «красиво расположен на небольшом возвышении, пользуется прекрасным воздухом и обильно снабжен чистой водой. Поблизости находится могила татарина, слывущего святым» [Описание, с. 107].

Археологическое исследование кургана

Кемаль-Ата впервые было начато Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа М. Г. Крамаровского в 1994 г. и продолжалось до 1996 г. В ходе исследований на территории могильника в юго-восточном секторе кургана был заложен раскоп XV-94. В полевом сезоне 1994 г. было исследовано 8 погребений, предварительно датированных XIII–XVI вв. В 1995 г. в ходе раскопок было открыто еще 65 погребальных сооружений, а также начаты исследования наземного сооружения – мазара. В полевом сезоне 1996 г. было исследовано еще 22 погребения и доследовано 2. В ходе исследований автором раскопок М. Г. Кра-

Курган Кемаль-Ата. Вид с юго-востока. Фото 2019 г.

маровским были сделаны следующие предварительные выводы: погребения в кургане начинают совершать в эпоху энеолита и продолжают в эпоху бронзы. Средневековые погребальные комплексы на памятнике начинают появляться в XIV в., а далее курган и прилегающая территория используются как мусульманское кладбище вплоть до XVII в. В ходе исследований СКАЭГЭ было обнаружено средневековое погребение, которое, по предположению М. Г. Крамаровского, было определено как погребение беклярибека Золотой Орды Маая, в пользу чего говорит и второе, исторически сложившееся, название насыпи: «курган Маая». В 2013 г. Старокрымский городской Совет начал подготовку историко-архитектурного опорного плана городской территории. В связи с этим археологическая экспедиция Института археологии Крыма провела обследование археологического культурного слоя средневекового городища, была выполнена топографическая съемка участков, прилегающих к средневековым архитектурным памятникам города Старый Крым, сделала археологическую шурфовку на свободных от застройки участках с целью определения границ археологического культурного слоя. Соответствующая документация по итогам работ была передана в городской Совет и государственный орган охраны культурного наследия. На плане города были указаны места расположения архитектурно-археологических памятников, в том числе и курган Кемаль-Ата с примыкающим могильником и с указанием границ археологического культурного слоя. Тем не менее работы по прокладке водопровода проводились по проекту, не предусматривающему нахождения на указанной территории объекта и не согласованному с археологами. Это и послужило причиной разрушения объектов культурного наследия. Спасательные археологические работы не были предусмотрены проектом, и из-за отсутствия финансирования более полугодия работы не начинались. В конечном итоге работы были проведены за счет администрации г. Старый Крым, согласно Договору

Саркофаг с датой Раби-уль-авваль, 851 г. х. = (май-июнь 1447 г.), обнаруженный в ходе археологических исследований на кургане Кемаль-Ата.

№ 7 от 27.08.2015 г., заключенному между Администрацией города Старый Крым Кировского района Республики Крым и ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

В ходе работ было выявлено и исследовано 32 могильных сооружения в 31 прирезке и в самой траншее. Обнаруженные в ходе исследований нумизматические материалы были сданы в Старокрымский литературно-художественный музей, а антропологический материал после проведения анализа передан мусульманской общине г. Старого Крыма «Ветан» и перезахоронен на мусульманском городском кладбище. По

*Вершина кургана Кемаль-Ата.
Фото 2019 г.*

*Надгробие с кладбища
на кургане Кемаль-Ата.
Фото 2017 г.*

предварительным результатам исследований можно сказать, что могильник принадлежит мусульманскому населению Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства и может быть датирован в рамках XIV–XVII вв.

Все погребения, вероятнее всего, были совершены по мусульманскому обряду. В случаях, когда костяк сохранился более-менее полно, удалось уста-

новить, что погребенный уложен был в вытянутом положении на спине, с доворотом головы на юг или юго-запад (в сторону кыблы), отклонения в ориентировке погребенных и направления поворота головы объясняется сезонными отклонениями в ходе определения сторон света в момент совершения погребения. В некоторых погребениях фиксируется одна или две согнутые верхние конечности, иногда расположенные в районе живота, на тазовых костях или под ними. Археологических находок в могилах не обнаружено за исключением монет в погребении 18 и погребении 23. Одно из погребений было не идентифицировано в ходе работ, но кости из него были переданы при первичном обследовании траншеи представителями местной мусульманской общины для проведения антропологического анализа. Это погребение получило наименование «Могила 32». Местоположение могилы в траншее установить не удалось.

По результатам исследований удалось определить, что могильник принадлежит мусульманскому населению Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства и может быть датирован XIV–XVII вв.

Литература и источники

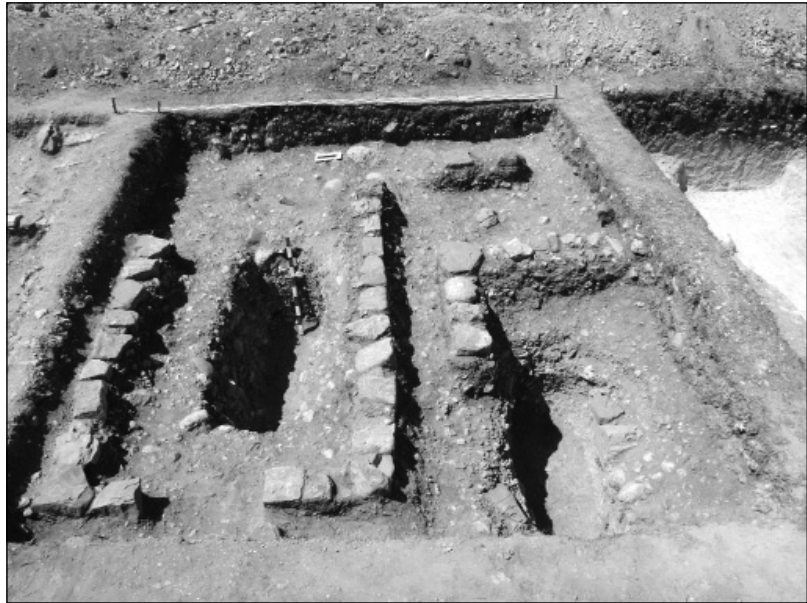
1. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // Записки Одесского общества истории и древностей. Том XXIV. 1902.
2. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории объекта археологического наследия «Средневековый некрополь в районе кургана Кемаль-Ата» в г. Старый Крым Республики Крым. – Симферополь, 2017. .
3. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

КЛАДБИЩЕ РЯДОМ С МАВЗОЛЕЕМ И КРЕПОСТНОЙ СТеной НА НОГАЙЛЫ-ОГЛУ-ОБА

В 2011 году в ходе археологических исследований оборонительной стены средневекового Солхата/Крыма на участке между городской стеной и мавзолеем № 2 (информацию см. на стр. 48–50) были локализованы погребальные комплексы. Участок исследований был обозначен как раскоп 36. Раскоп был вытянут в направлении север-юг и состоял из трех квадратов А, Б, и В (где А самый северный квадрат) размерами 5 x 5 м, разделенных бровками. Квадрат Б исследовался в 2-х условных уровнях. На втором были выявлены прямоугольные конструкции из положенного в один ряд плоского камня, оказавшегося впоследствии оградой погребальной конструкции. В их границах в квадрате Б было выявлено и зачищено два погребения № 1 и № 2, в подпрямоугольных ямах, вытянуто на спине, головой на запад, погребальный инвентарь отсутствует. Могилы впущены в желто-коричневый стерильный грунт.

Квадрат В был раскопан в 3-х условных уровнях напластований. На третьем уровне было выявлено и зачищено погребение

*Раскопки мусульманского некрополя.
Фото 2011 г.*

№ 3, находившееся в пределах прямоугольной каменной загородки. В заполнении могилы найдена монета и множество металлических фрагментов. Металлические скобы и гвозди лежали также на дне могилы и в углах, возможно остатки гроба. Костяк ориентирован головой на запад.

Учитывая характер погребального обряда и близость могильника по отношению к мусульманскому мавзолею, есть основания считать этот некрополь мусульманским.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

КЛАДБИЩЕ НА «ЗЕЛЕННОЙ ПЛОЩАДИ»

Цилиндрические надгробия, раскопки на «Зеленой площади» г. Старый Крым. Фото 1928 г. (Из фондов БИКАМЗ).

Женское надгробие. Раскопки на «Зеленой площади». Фото 1928 г. (Из фондов БИКАМЗ).

В 1928 году археологической экспедицией под руководством И. Н. Бороздина было обнаружено и исследовано мусульманское кладбище на так называемой «Зеленой площади». О. Акчокраклы в своей статье отметил, что на большом пустыре «...на поверхности земли виднелись лишь верхушки некоторых памятников, по которым и ориентировались участники экспедиции». В ходе раскопок были обнаружены 18 мусульманских

надгробий XIV – нач. XV вв. Большинство надгробий было выявлено в земле, на глубине около одного метра.

У. Боданинский отметил высокую технику мастеров-камнетесов, разнообразие форм надгробий, богато украшенных рельефным орнаментом и со стилистически хорошо скомпонованными надписями. После 1928 г. эта территория не исследовалась.

Кладбище на «Зеленой площади» располагалось в южной части города, на территории, ограниченной прямоугольником современных улиц Шевченко, Островского, Суворова, и Грина.

На сегодняшний день эта территория полностью застроена частными домовладениями. Изредка в ходе земляных работ на ней по-прежнему находят фрагменты надгробий.

Литература и источники

1. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.

М. А. УСЕЙНОВ

КЛАДБИЩЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Обширное мусульманское кладбище располагалось в северо-восточной части современного города, в районе торгового комплекса «Солхат» и на прилегающей территории. На карте конца XVIII в. на этой территории обозначено кладбище. Подтверждают это и случайные находки надгробий, и следы от захоронений, обнаруженные в ходе земляных и строительных работ [Гаврилов, Майко, 2014, С. 55–56].

Одним из памятников, найденных во время земляных работ около торгового комплекса «Солхат», является восьмигранное надгробие Абдурахмана ибн-Хасана аль-Кырыми хранящееся в частном музее «Солхат» (см. подробнее на стр. 82).

Точные границы кладбища установить не представляется возможным.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

М. А. УСЕИНОВ

УРОЧИЩЕ ТАТ-АЙВАС — НЕСКОЛЬКО МОГИЛЬНЫХ ПЛИТ

Из акта об осмотре и обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму, проведенных совместно О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, Э. Я. Бэром и Б. Н. Засыпкиным 24-го августа 1926 года:

«Урочище ТАТ-АЙВАС. В настоящее время сохранилось только несколько надгробных плит без надписей. Подлежит охране как место археологического значения» [Мусаева, 2007, с. 149].

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

АЗИЗ-ОГРАМА — ЧАСТЬ КЛАДБИЩА С НАМОГИЛЬНЫМИ ПЛИТАМИ

Каменная ограда на территории нового татарского кладбища. Сотрудники экспедиции изучают надгробие 709 г. х. Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие» Т. II. с. 346)

Средневековые надгробия в каменной ограде «Азиз-ограма». Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие». Т. II. с. 425, 427)

Из акта об осмотре и обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму, проведенных совместно О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, Э. Я. Бэрм и Б. Н. Засыпкиным 24 августа 1926 года: «АЗИС-ОГРАМА, часть кладбища с намогильниками. Подлежит охране как место археологического значения» [Мусаева, 2007, с. 149]. Объект представлял собой огражденный каменной стеной участок территории мусульманского кладбища с фрагментами надгробий золотоордынского времени. Одно из надгробий – памятник с датой 709 г. х. (см. подробнее на стр. 68, 77). Предположительно каменная ограда находилась в северной части города, северо-западнее пересечения современных ул. Чапаева и ул. Советской, у въезда на территорию современного христианского кладбища.

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Библиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

МОГИЛА С ДРЕВНЕЙ НАДГРОБНОЙ ПЛИТОЙ.

Центральная часть средневекового города (?)

ул. Халтурина/Ленина, № 44

Могила с надгробной плитой и старым тутовым деревом¹ располагалась в мусульманском квартале средневекового Солхата, недалеко от развалин мечети Бейбарса.

Памятное место было осмотрено и коротко описано 24 августа 1926 года во время совместного обследования О. Акчокраклы, У. Боданинским, представителем Крым-ОХРИСа Э. Я. Бэром и архитектором Б. Н. Засыпкиным, представлявшим ЦГРМ (центральные государственные реставрационные мастерские) исторических мест и памятников Старого Крыма.

Из акта об осмотре и обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму говорится следующее: «...Огороженное место с древней надгробной плитой над могилой, недалеко от руин мечети № 2 (через дорогу). Над могилой старое тутовое дерево в обхвате 2,70 м, подлежащее охране. Меры охраны: провололочное ограждение в 15 м с 8-ю стойками» [Мусаева, 2007, с. 146].

Согласно акту под вторым номером были обследованы руины мечети Бейбарса.

¹ В «Путешествии по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа» (Паллас, 1883, т. 13.) немецкий исследователь сообщает о многочисленности тутовых деревьев Эски-Крыма: «Лучшие сады здесь все вырублены, и только остались негодные для столлярной работы тутовые деревья, которых было прежде здесь очень много. Это множество тутовых деревьев в Эски-Крыме поддало мысль князю Потемкину устроить здесь школу для шелководства и шелковичный завод».

Старое тутовое дерево на территории школы № 2. Фото 2018 г.

По результату обследования каких-либо подробностей о древнем надгробном памятнике в акт внесено не было.

На сегодняшний день сохранилось только старое тутовое дерево, в обхвате равное 3,80 метра. Находится в центре двора Старокрымской школы № 2, рядом со спортивной площадкой.

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 9).

2. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. / Пер. с нем. М.С. [лавич]; Ред. Ф.К. Бруна и Г.Э. Караулова // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. 12.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

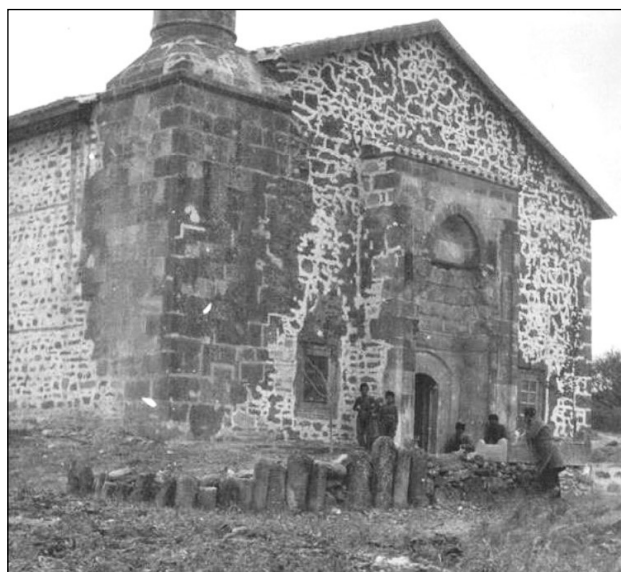
МУСУЛЬМАНСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТАРОГО КРЫМА (XIII–XV вв.)

(Общие сведения)

Наряду с письменными и археологическими источниками определенную ценность в изучении истории города Кырым/Солхат представляют эпиграфические памятники. Среди эпиграфического материала (надписи на металле, тканях, керамике, дереве) значительное количество составляют лапидарные¹ памятники. В статье будут рассмотрены лапидарные памятники, обнаруженные на территории города Старый Крым и относящиеся к периоду Золотой Орды и раннего Крымского ханства (XIII–XV вв.).

Исследование эпиграфических памятников дает возможность расширить наше представление о жизни средневекового города Солхат/Кырым, позволяет пролить свет на многие аспекты жизни средневекового города, узнать некоторые обычаи и традиции, особенности религиозных воззрений, торговые и культурные связи населения города. Определить отношение жителей к тем

¹ Лапидарный – (от лат. lapidarius), каменный, высеченный на камне.

Надгробия возле мечети хана Узбека.
Фото начала XX века.

или иным событиям, к извечным вопросам жизни и смерти, к знаниям и богатству и т. п. Наличие большого количества изящно изготовленных образцов лапидарных памятников, свидетельствует о развитии в городе искусства каллиграфии, и об искусных мастерах-камнетесах.

Эпиграфика позволяет проследить как за судьбой известных исторических личностей, ханов, наместников, выявить имена влиятельных жителей города, меценатов, воинов, ученых, религиозных деятелей, так и проследить за жизнью простых жителей города, чьи имена остались не отображенными в других источниках.

Большую ценность также представляют памятники, имеющие датировку. Они позволяют установить хронологическую связь с определенными событиями в истории города.

Первые упоминания об эпиграфических памятниках Старого Крыма мы находим еще у Эвлия Челеби. В 1666–1667 гг. при посещении города он записал несколько посвященных надписей (*китабе*²) на постройках Старого Крыма. Одна из них – самая древняя известная нам на сегодняшний день в Крыму арабская надпись на камне. Это надпись над дверью мечети, находившейся рядом со средневековым городским рынком. Текст надписи гласил:

«Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей Хаджи Умар аль-Бухари, в месяце Зуль-када в году 661 (=сентябрь-октябрь 1263 г.)» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

Таким образом, уже в 1263 г., еще за не-

² Китабе (араб. *كتابة* – надпись, письмо, письменна) – прямоугольная или фигурная панель с надписями арабской графикой на стене здания, сообщающая о заказчике строительства или строителе и дате постройки.

сколько лет до прихода сюда из Анатолии со своими людьми султана Изз-ад-дина Кейкавуса II, с которым также связано активное распространение ислама и сельджукских традиций, в городе уже были мечеть, построенная выходцем из Бухары, и мусульманская община. Как отмечает большинство исследователей истории города, несомненно, это результат влияния деятельности хана-мусульманина Берке.

*Надгробия возле мечети Узбека.
Фото конца XIX века.*

Эвлия Челеби приводит в своем сочинении девять старокрымских надписей (тарихов) с мечетей, медресе, теплые и фонтана, указав также на их бессчетное количество на развалинах города. Вот некоторые из них:

«...над дверью медресе Инджи-бей-хатун написан следующий тарих: **“Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бей Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733 =(1333 г.)»** [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

«Построил эту благословенную мечеть в дни правления великого султана и щедрого хакана Шади Герай-хана, да продлит Бог его правление в семи мирах, слабый, нуждающийся и просящий милости Господней раб Мухаммед, сын Эль-Хаджи Байрам Ходжи, в месяце Реджебе, года 807 =(1404/05 г.)» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

«...на квадратной [плите] белого мрамора тонким почерком мустасими написан следующий тарих: “Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да освятит Бог покровительствующее ему созвездие. Было это в году восемьсот двадцать пятом (1421/22 г.), в дни месяца джумада уль-ахыра» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

И более поздняя, относящаяся ко време-

ни Крымского ханства, надпись на фонтане: **«Из воды – всё живое»,** а также: **«Для души Кемаля Ата – фатиха, год 1057 =(1647 г.)»**. [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

Приводится в сочинении Эвлия Челеби и надпись на портале мечети хана Узбека, сохранившаяся до наших дней и переданная им достаточно достоверно (о надписи на портале мечети хана Узбека см. подробнее, на стр. 96).

Даты приведенные на тарихах у Эвлия Челеби: 661 г. по Хиджре =(1262/63 г.), 733 г. х. =(1332/33 г.), 763 г. х. =(1362/63 г.), 807 г. х. =(1404/05 г.), 825 г. х. =(1421/22 г.), 918 г. х. =(1512/13 г.), 1057 г. х. =(1647 г.) [Эвлия Челеби, 2008, с. 167–168] показывают активное строительство культовых сооружений в городе на протяжении второй половины XIII в. и до начала XVI в. Самая поздняя надпись относится к XVII в., ко времени, когда город, по словам современников, уже пребывал в запустении.

Эпиграфические памятники Старого Крыма упоминали в своих работах исследователи конца XVIII–XIX вв. – П. С. Паллас, П. И. Кёппен, Н. Н. Мурзакевич, Г. Спасский, В. Д. Смирнов, А. И. Маркевич, Ю. А. Кулаковский и др. Все авторы отмечали варварское разграбление и уничтожение памятников Старого Крыма, плачевное состояние сохранившихся развалин, подчеркивали важность более детального изучения еще сохранившихся памятников города,

Саркофаг с датой 709 г. по хиджре. Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие». Т. II. с. 439)

в том числе и эпиграфического материала [Маркевич, 1892, с. 124; Смирнов, 1886].

Внимание исследователей, конечно же, в первую очередь привлекал великолепный портал мечети хана Узбека, с сохранившейся датой 714 г. по хиджре (1314 г.), свидетельствующий о былом величии города и являвшийся своего рода важной вехой и доминантой в истории города. Ученые и путешественники также обращали внимание на «коллекцию» надгробных камней, собранных у мечети Узбека, которая, по заметкам исследователей, значительно уменьшилась к концу XIX века.

Отмечали исследователи и другие отдельные эпиграфические памятники, многие из которых не сохранились до наших дней. Например, П. С. Паллас упоминает надпись на дюрбе «...построенном из тесаных камней с готическим сводом и татарской надписью 868 года (1464 г.) о том, что в дюрбе похоронен Х(Г)ияз-ад-дин султан сын Килай-Темир-хана» [Паллас, ЗООИД, 1883, с. 46]. (См. подробнее на стр. 56).

В. Д. Смирнов, среди прочего, отмечал плохо сохранившиеся к тому времени многочисленные надгробия с именами шейхов и остатками фундаментов дюрбе на кургане Кемаль-Ата. А также фрагмент мраморного надгробия с датой 1341 г. обнаруженный им у какого-то лавочника.

С XIX века известен и саркофаг с аятами из Корана и с датой 709 г. по хиджре =(1310 г.) к сожалению, не сохранившийся до наших дней.

А. И. Маркевич приводит интересный пример вторичного использования эпиграфического памятника, мраморной плиты с надписями. На одной стороне камня – текст на арабском языке, на другой стороне – на караимском. Текст на арабском языке оказался посвятителем тарихом для возобновленной мечети, с датой 709 г. х. =(1309/10 г.).

А караимский текст говорит о надгробии «почтенного старца Мардохея», с датой 5277 г. =(1417 г.) [Маркевич, 1892, с. 128–129]. Недостаточно проработанные буквы арабской надписи наводят на мысль, что это была забракованная заготовка для китабе мечети. Видимо, поэтому она уже спустя сто лет была использована в качестве надгробия для караимского захоронения. Но ценность представляет датированный текст, показывающий наличие мечети, которая в 1309 г. была восстановлена, т. е. существовала до этого уже определенный период времени. Этот памятник сохранился и находится в Центральном музее Тавриды в г. Симферополе.

Начало системных исследований эпиграфики Старого Крыма связано с деятельностью крымскотатарских исследователей Усеина

Боданинского и Османа-Нури Акчокраклы. Ознакомительная их поездка в Старый Крым состоялась в 1924 г. [Боданинский, 2018, с. 90–91]. А системная работа была начата археологической экспедицией 1925–1926 гг. под руководством И. Н. Бороздина. В экспедиции принимали участие А. С. Башкиров, У. Боданинский, О.-Н. А. Акчокраклы, П. И. Голландский, Н. Л. Эрнст и др. Параллельно раскопкам велась работа по сбору эпиграфического материала. Экспедицией 1925–1926 гг. на территории города были собраны 145 экземпляров эпиграфических памятников [Акчокраклы, 1927, с. 5], в том числе были исследованы надгробия, хранившиеся возле мечети хана Узбека. В 1928 г. было собрано 175 экземпляров лапидарных памятников [Акчокраклы, 1929, с. 152]. Часть из них в количестве 18 надгробий с надписями, относящимися к XIV – нач. XV века была обнаружена в результате раскопок на древнем мусульманское кладбище, в южной части города, на так называемой «Зеленой площади» [Акчокраклы, 1929, с. 152].

Археологические экспедиции 1925–1928 гг. собрали богатейший эпиграфический материал. Членам экспедиции удалось прочитать и расшифровать почти 150 обнаруженных эпиграфических памятников. Большинство обнаруженных лапидарных памятников (в списке О.-Н. Акчокраклы насчитывалось 319 единиц) были собраны и перенесены на территорию музейного хранилища древностей, располагавшегося недалеко от мечети хана Узбека. Был выявлен огромный пласт материальной культуры связанный с мусульманской историей города в золотоордынский период. Собранные материалы показали Крым/Солхат как богатый и процветающий город, с развитым ремеслом, торговлей и культурой. Результаты работы по прочтению и переводу надписей были опубликованы Османом Нури Акчокраклы в двух статьях [Акчокраклы, 1927; Акчокраклы, 1929]. И на сегодняшний день о многих наиболее интересных старокрымских эпиграфических памятниках мы знаем благодаря работе этих экспедиций.

Репрессии 30-х гг. XX в. положили конец этим исследованиям. Большинство членов экспедиций были репрессированы, а У. Боданинский и О.-Н. Акчокраклы, обвиненные в участии в националистической партии, в 1938 г. расстреляны. В эти годы работа по изучению истории средневекового города замирает, а после выселения крымских татар в 1944 г. и вовсе попадает под запрет, а памятники на долгие годы предаются забвению. В эти же годы теряются следы большей части экспонатов эпиграфической коллекции.

В 1978 году с началом работы в городе Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (СКАЭГЭ) под руководством Марка Григорьевича Кра-

Мраморная плита с арабской надписью и датой 709 г. х. (1309 г.) и караимской надписью на обороте. (Центральный музей Тавриды, г. Симферополь).

Лапидарные памятники на территории мечети Узбека (г. Старый Крым).

маровского исследование истории города Кырыма/Солхата получает новый импульс. В первый же год раскопок экспедиция находит и извлекает из-под земли в северном айване медресе Инджибек-хатун более 80 экземпляров эпиграфических памятников из коллекции, собранной в 20-е гг. XX в. Когда и кем эти памятники были спрятаны на территории медресе и таким образом спасены для истории, остается неизвестным.

Систематические раскопки экспедиции СКАЭГЭ за более чем 40 лет работы дали в том числе богатый эпиграфический материал. За это время в результате раскопок на территории мечетей, медресе, древних кладбищ были обнаружены десятки эпиграфических памятников.

Коллекция эпиграфических памятников постоянно пополняется и местными жителями, которые находят фрагменты надгробий и архитектурных фрагментов во время земляных и строительных работ, при разборе ветхих строений. Многие из этих памятников переносятся жителями к мечети хана Узбека, где за годы сформировался импровизированный «лапидарий» под открытым небом.

На сегодняшний день нам известно более 350 памятников и фрагментов, относящихся к периоду Золотой Орды и раннего Крымского ханства. Около 220 из них име-

ют надписи или фрагменты текстов. Большую часть памятников составляют надмогильные камни различных типов (более 200), значительное количество архитектурных фрагментов с эпиграфикой (около 100), несколько фрагментов закладных камней от культовых зданий и представляющие огромную ценность надписи на портале и михрабе мечети хана Узбека.

Данные о местах обнаружения большинства лапидарных памятников весьма скудны. Достоверно известно о местах обнаружения лишь части надгробий, найденных во время

раскопок экспедицией 20-х гг. XX в. и экспедицией СКАЭГЭ. Это памятники, которые были доставлены с кладбищ на «Зеленой площади» [Акчокраклы, 1929, с. 153], с кургана Кемаль-Ата [Крамаровский, 2012, с. 138–139], с северо-восточных кварталов города и найденные при раскопках около мечети Узбека (см. подробнее на стр. 58, 63). Стоит также отметить, что мусульманские эпиграфические памятники фиксировались не только на территории города Кырым/Солхат, но и в окрестностях, в селениях Отузы и Шах-Мурза. (см. подробнее на стр. 178, 189).

Хронологические рамки памятников, имеющих дату, – конец XIII – XV вв. Значительная часть датированных памятников сконцентрирована в рамках второй половины XIV – пер. пол. XV вв.

До наших дней дошла лишь малая часть эпиграфики Кырыма/Солхата. К сожалению, как отмечали еще исследователи XIX в., тысячи надгробных камней с кладбищ города были уничтожены местными жителями. Надгробия использовались для строительства домов, хозяйственных построек, лестниц [Маркевич, 1892, с. 125; Смирнов, 1886, с. 278]. Хищническое разграбление памятников Старого Кырыма местным населением продолжалось и в XX веке, как писал

О. Акчокраклы: «Тысячи надгробий с датами и надписями пошли на постройку заборов, лестниц, клозетов и в самое последнее довоенное³ время на шоссирование феодосийского почтового тракта» [Акчокраклы, 1927, с. 8].

Характерен текст из акта обследования исторических мест и памятников Старого Крыма от 24 августа 1926 г., подписанный архитектором Б. Засыпкиным, проф. П. Голландским, членами научной экспедиции О. Акчокраклы и У. Боданинским и председателем КрымОХРИСа Э. Бэрм. В заключении акта ученые констатируют: «Общие впечатления от всех памятников, это невиданное хищничество местных жителей, которые до сих пор продолжают разбирать древние здания и увозить с кладбища надгробия...» [Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР, 2008, с. 137–138].

На момент подготовки статьи основная масса лапидарных памятников, найденных на территории города, находилась на территории мечети хана Узбека и в фондовом хранилище «Музея истории и археологии» (на правах отдела ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»).

Значительные коллекции хранятся в Литературно-художественном музее (г. Старый Крым), в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), в частном музее «Солхат» (г. Старый Крым). Немногочисленные, но достаточно ценные экземпляры старокрымских эпиграфических памятников хранятся в Феодосийском краеведческом музее (г. Феодосия), Центральном музее Тавриды (г. Симферополь), в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике (г. Бахчисарай). Единичные экземпляры зафиксированы в музеях других городов, при мечетях в городе Старый Крым и в частных коллекциях. В 2020

³ Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

Часть экспозиции лапидарных памятников из Старого Крыма в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

году большинство коллекций, хранившихся в Старом Крыму, были переданы созданному в городе «Музею истории и археологии в г. Старый Крым» (отделу ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»), который находится на ул. Осипенко, 74. В дальнейшем планируется создание на территории музея полноценного лапидария.

К сожалению, наряду с новыми находками продолжают происходить процессы разрушения и потери памятников. Так как до сегодняшнего дня большая часть памятников хранилась под открытым небом возле мечети хана Узбека, процесс

Лапидарные памятники из Старого Крыма на выставке «Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи» г. Казань. 2019 г.

выветривания памятников сделал многие из надписей уже нечитаемыми. Надеемся, что открытие в Старом Крыму полноценного лапидария, остановит эти негативные процессы.

В заключение хотелось бы отметить, что в последние годы процесс обнаружения и изучения лапидарных памятников в Крыму значительно активизировался. В ходе архе-

ологических исследований на территории города регулярно обнаруживаются новые эпиграфические памятники золотоордынской эпохи.

Дальнейшая работа по выявлению, систематизации и изучению эпиграфических памятников, будем надеяться, даст новые сведения по различным аспектам истории средневекового города.

Литература и источники:

1. Акчокраклы О. [-Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58).
2. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
3. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.
4. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012.
5. Маркевич А. И. Старокрымские древности // Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., 1892. № 17
6. Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов. Т. 1. 2016.
7. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; Под ред. А. А. Непомнящего; Вступ. ст. Н. О. Гриненко; Комм. Н. В. Кармазина и др. Симферополь: ОАО Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 11).
8. [Паллас П. С.] Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение). / П. С. Паллас // ЗООИД. 1883. Т. 13.
9. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Зап. Вост. отделения РАО. 1886. Т. 1. Вып. 4.
10. Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
11. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008.

М. А. УСЕИНОВ

МУСУЛЬМАНСКИЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СТАРОГО КРЫМА ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И РАННЕГО КРЫМСКОГО ХАНСТВА (XIII—XV вв.)

ТИПОЛОГИЯ

Большую часть эпиграфических памятников Старого Крыма составляют надмогильные камни и их фрагменты (около 300 экземпляров). Надгробия представляют собой памятники различных форм, размеров и степени обработки. От грубо обработанных известняковых блоков, имеющих лишь наброски декора, нередко спешно и слабо проработанную надпись, до искусно и тщательно обработанных памятников, богато украшенных орнаментами, с изысканными каллиграфическими композициями, на которых продумано расположение буквально каждой буквы, показывающее высокий уровень развития в городе искусства каллиграфии. Причины такой градации крылись, скорее всего, в стоимости материала и работы мастеров-камнетесов. Богато оформленные и проработанные памятники были доступны более состоятельным жителям. Различается и материал памятников: большая часть надгробий изготовлена из известняка различной степени плотности, от более рыхлых и быстро выветривающихся до плотных и мягких известняков сохраняющих форму даже мелких деталей. Небольшая часть надгробий – из песчаника, немногочисленны памятники из дорогого привозного мрамора.

Выделяются несколько основных типов надгробий:

I. Восьмигранные тумбы (мужские надгробия).

Имеют два подтипа, различаются формой памятника и содержанием надписи:

- 1) с навершием, чаще всего текст содержит только имя погребенного;
- 2) без навершия, текст содержит только дату;

II. Цилиндрические тумбы (мужские надгробия)

Подтипы различаются формой навершия в форме полусферы и без него;

III. Плоские стелы со стрельчатым верхом (в основном женские надгробия).

Подтипы различаются содержанием надписи:

- 1) текст содержит имя (памятник устанавливался в изголовье погребенной);
- 2) текст содержит только дату (памятник устанавливался в изножье погребенной);

IV. Саркофаги. Подтипы – «двурогие» и «безрогие»;

V. Составные надгробия.

Подтипы:

- 1) плоские стелы, скрепленные боковыми плитами, поставленными на ребро;
- 2) плоские стелы, прикрепленные с торцов к саркофагу.

В дневниках и на рисунках У. Боданинского встречаются крымскотатарские названия некоторых типов надмогильных памятников: *чатал* – «двурогие» надгробия-саркофаги; *сандык-таш* – «двурогие» и «безрогие» саркофаги, *бешик* – небольшие «двурогие» надгробия, напоминающие детскую люльку.

Большинство надгробий, собранных в Старом Крыму, первоначально находились на обширных городских средневековых кладбищах, существовавших на протяжении нескольких столетий в разных частях города. Судя по старым картам, данным археологических раскопок, записям из дневника У. Боданинского и случайным находкам надгробий на могилах, средневековые мусульманские кладбища были расположены на кургане Кемаль-Ата, на «Зеленой площади», существовало кладбище в северо-восточной части

I. Восьмигранные тумбы.

II. Цилиндрические тумбы.

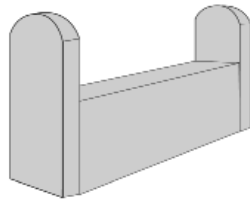
III. Плоские стелы.

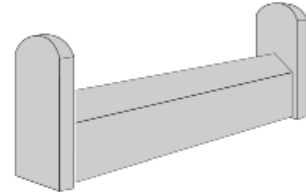
IV. Саркофаги.

1

2

V. Составные надгробия.

города в районе современного торгового центра «Солхат», в юго-восточной части современного города, севернее Старокрымского водохранилища, где также отмечены многочисленные находки надгробий, украшенных арабской вязью, за пределами города, юго-восточнее водохранилища. Некрополь был у северо-восточных стен на холме Ногайлы-оглу-оба. Существовали также мусульманские захоронения и у северной линии городских стен [Акчокраклы, 1929, с. 153]. Подтвердить находками места расположения других кладбищ пока не удалось, хотя имеются сведения об еще не-

скольких мусульманских некрополях. К сожалению, исследование большинства из этих территорий на сегодняшний день затруднено из-за частичной современной застройки.

Хронологические рамки датированных памятников – последняя треть XIII – XV вв. Экспедиция 20-х гг. XX в. зафиксировала самые ранние памятники, которые датируются последней третью XIII века – (1274 г.) [Акчокраклы, 1929, с. 15]. Самые поздние – последней третью XV века – (1477 г.) [Акчокраклы, 1929, с. 11]. Дальнейшие исследования не выявили более ранних экземпляров.

ДРЕВНЕЙШИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Самое раннее известное надгробие, относящееся к 672 г. х. (=1274 г.), было обнаружено в 1925 г. Памятник представлял собой фрагмент саркофага с одним сохранившимся полукруглым «рогом». В дневнике У. Боданинского сообщается, что надгробие было найдено «около руин между русской церковью и 7-летней школой» [Фонды БИКАМЗ, КП-101-80]. Надпись на камне сообщает: «*Это могила славной и благородной женщины Иззун-Ниса, дочери Шейха Мушеррефа, месяца Джамади Ахир, 672 г. (1273)*» (Прочтение О.-Н. Акчокраклы¹, № 142 в его статье) [Акчокраклы, 1927, с. 15]. К сожалению, памятник утерян, и проверить точность прочтения даты XIII в. пока не представляется возможным. Сохранился рисунок этого надгробия, сделанный Усеином Боданинским, и запись в его дневнике.

Самый ранний сохранившийся до нашего времени памятник относится к 690 г. по хиджре (1291 г.). Фрагмент надгробия впервые упоминается в 1924 г. [Боданинский, 2018, с. 91], затем повторно фиксируется экспедицией У. Боданинского в 1928 г. в «подземном купольном погребальном склепе, на участке бывш. Арманова, в северной части линии городских стен» [Акчокраклы, 1929, с. 153]. Памятник представляет собой фрагмент саркофага с килевидным верхом. Текст расположен на верхних скатах саркофага, боковые стороны памятника украшены орнаментом. Сохранилась часть текста на арабском языке:

هذا روضة ال ...

Перевод: *Это могила (райский сад) ...*

¹ В статье приводится прочтение надписей О.-Н. Акчокраклы (как самое раннее), если современные исследования не обнаружили какого-либо иного прочтения данной надписи. А также в случае, когда памятники утрачены или состояние памятника не позволяет разобрать надпись. Если существуют вариации в прочтении надписи, в статье упоминаются все варианты прочтения.

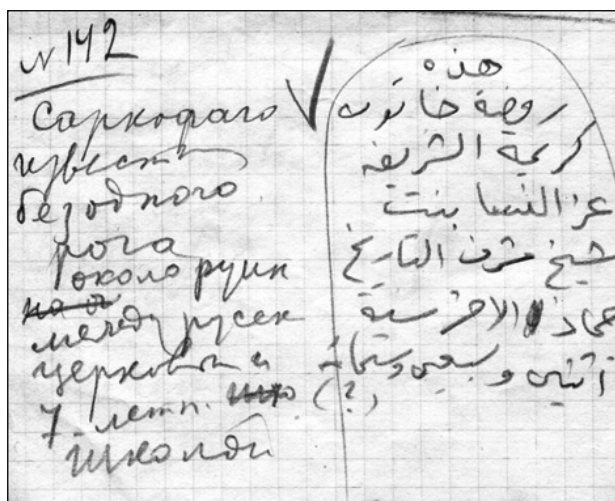
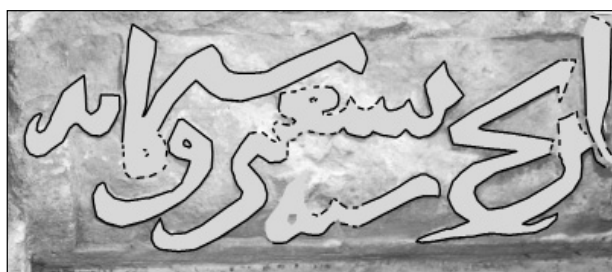

Рисунок надгробия 1273 г. и запись об этом памятнике в дневнике Усеина Боданинского.
(Из фондов БИКАМЗ)

Надпись с датой 690 г. х. на саркофаге.

Фрагмент саркофага с датой 690 г. х. (1291 г.). Литературно-художественный музей г. Старый Крым. Фото 2019 г.

На другой стороне надгробия:

[فى تا] تاريخ سنة (?) تسعن و سبمان

Перевод: *Дата 690 г. х. = (1291 г.)*

Памятник был повторно обнаружен экспедицией СКАЭГЭ в 1978 г. на территории медресе, хранится в Литературно-художественном музее г. Старый Крым.

СОДЕРЖАНИЕ НАДПИСЕЙ НА КАМНЕ

Встречаются как довольно грубо и примитивно сделанные надписи, часто из-за этого плохо читаемые, так и прекрасно скомпонованные, изящно оформленные надписи, восхищающие своим безупречным каллиграфическим исполнением.

Значительная часть текстов на надгробиях в Крыму обычно более лаконична, чем на надгробиях Поволжья, Кавказа или Малой Азии того же периода времени. Камни содержат стандартную для того времени эпитафию на арабском языке, а также имя и дату смерти, написанную прописью.

Наиболее распространенное начало эпитафии:

هذا قبر المرحومه المغ فور

Haза kabr el-merhume v-el magfure...;

هذا روضة المرحومه المغ فور ...

Haза rauzat el-merhume v-el magfure...

Перевод: «*Это могила покойной, прощенной...*»

Однако имеются примеры надгробий с

достаточно длинными текстами, большая часть которых религиозного содержания. Чаще всего это аят «Аль-Курси» – 255-й аят из суры «Бакара» (Коран, 2:255); 18–19-й аяты из суры «Али Имран» (Коран, 3:18–19). А также 26–27-й аяты суры «Рахман»: **«Все, кто на ней (земле), тленны (смертны), вечен лишь Лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием (щедростью)».** (Коран, 55:26–27).

Характерным примером надгробия с аятами из Корана является известное еще с XIX века и утраченное на сегодняшний день надгробие в виде горизонтального «двурогого» саркофага с килевидным верхом («рога» у надгробия утеряны, а сам памятник был расколот на две части). На боках саркофага и на килевидном верхе – надпись арабской вязью. На торцах саркофага с одной стороны – текст с датой, с другой – изображение лампы и двух свечей в подсвечниках.

Надпись на боковых поверхностях и на килевидном верхе саркофага содержала

строки из Корана (аят «Аль-Курси» (аят «Престола») из суры «Бакара» (2:255)).

Текст на торце памятника:

هذه ... تاريخ ذو القعدة...
سبع مئة و تسعة

Перевод: *Это ... месяца Зуль-Кааде. 709 г. =(апрель-май 1310 г.).* Надгробие в статье О. Н. Акчокраклы под номером № 17 [Акчокраклы, 1927, с. 11]. Интересен орнамент, которым была украшена боковая сторона памятника, похожий на меандр. Памятник был повторно обследован в 20-е гг. XX в. на территории нового татарского кладбища, на стене каменной ограды. Саркофаг был перевезен на территорию музейного хранилища в Старом Крыму. Последний раз фиксируется на фотографиях музейного хранилища 20-х гг. XX в. Дальнейшая судьба надгробия не известна.

Весьма распространено использование в текстах на надгробиях хадисов (высказываний Пророка Мухаммада с.а.с.), а также высказывания средневековых мудрецов. Такие эпитафии чаще всего встречаются на цилиндрических надгробиях и саркофагах.

Наиболее часто встречающийся пример:

الموت كاسن كل ناس شاربه والقبر باب
و كل ناس داخاه

El-mevtu ke-sün külli nâsi şaribuhû
ve'l-kabru bâbun ve külli nâsi dâhiluhu

Перевод: *«Смерть – чаши, и каждый отпьет из нее, могила – дверь, и каждый войдет в нее».*

Фрагменты саркофага с аятами из Корана и датой 709 г. х. =(1309 г.). Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие», 2016)

Эпитафии на камне часто представляют собой перефразированный хадис, сохраняющий только некоторую часть первоначального смысла высказывания:

«Этот мир есть жилище тленное, будущий мир – жилище вечное».

Саркофаг с аятами из Корана.

Саркофаг с надписью: «Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: могила – дверь, и каждый войдет в нее». Фото 2017 г.

«Мир есть нива будущей жизни, что посеете на ней, то и пожнете...».

«Придет смерть, и уйдут твои дни. Останется ли что-нибудь от твоих деяний?»

«Смерть есть спокойное тление...»

Содержание эпитафий, согласно исламской традиции, показывает отношение к жизни как чему-то мимолетному, скоротечному, временному. Делается акцент на неизбежности смерти и на деяниях, которые имеют ценность после смерти.

Основная масса надписей на памятниках – на арабском языке, есть некоторое количество на тюркском языке (чагатайское наречие). Для Крыма, в отличие от соседних регионов, тюркские надписи на камне характерны для более позднего времени, начиная со второй пол. XIV века.

Среди лапидарных памятников города есть несколько хоть и небольших по объему и лаконичных, но интересных и заслуживающих внимания образцов тюркской письменности XIII–XV вв. Характерной эпитафией на тюркском языке является надпись на памятнике

т. н. «надгробия Алемдара (знаменосца)», хотя, возможно, Алемдар – это личное имя погребенного. Памятник представляет собой массивный саркофаг с килевидным верхом, оканчивающийся на торцах прямоугольными выступами – «рогами». Надгробие богато украшено орнаментами. О.-Н. Акчокраклы

Саркофаг с надписью: «Смерть – чаша, и каждый отпьет из нее, могила – дверь, и каждый войдет в нее». Фото 20-х гг. XX в. и современное состояние памятника.

Современное состояние саркофага с эпитафией на тюркском языке, хранится в Государственном Эрмитаже. Надпись на торце саркофага с датой 776 г. х. (1374 г.). Фото 1926 г.

отмечает текст, написанный на старотюркском наречии, который ему до конца разобрать не удалось.

Килевидный верх памятника содержит надпись:

«О горе! Прошла моя жизнь напрасно, прошла она без пользы ... провел мимолетно. Не помогли вопли, погиб в грехах. ... Нет прощающего друга кроме истинного (Бога). Покойного раба могила Эхи(?) Алемдара (знаменосца)». (Прочтение О.-Н. Акчокраклы, № 25 в статье [Акчокраклы, 1927, с. 11]).

Дата расположена на торце памятника, на арабском языке прописью: 776 г. х. =(1374 г.).

Надгробие было исследовано археологической экспедицией 20-х гг. XX в. Памятник хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

На надгробиях встречаются как традиционные исламские имена, распространенные и сегодня, так и тюркские имена. Из тюркских имен: *Байрам, Урус, Кутлу, Буджук, Лачин, Тутук, Бахши, Тогай, Ильчи* и др.

Из мусульманских наиболее частые имена: *Абдулла, Мухаммед, Айше, Девлет, Муса, Али, Ильяс, Ахмед, Махмуд, Фатима* и др. Много памятников с достаточно

редкими сегодня, но распространенными в средневековье именами с окончанием «эд-дин», «уд-дин»: *Бага-уд-дин, Кутб-эд-дин, Шахаб-эд-дин, Тадж-эд-дин, Фахр-эд-дин, Хусам-эд-дин* и др.

Есть примеры надгробий, на которых перед именем находится распространенная до сих пор у крымских татар приставка «Сейид» (в исламской традиции означающая принадлежность к роду Пророка Мухаммеда), например, *Сейид-Али сын Саида, Сейид-Хасан* и т. п. Сейиды занимали высокое положение в обществе, имели значительный авторитет и определенные привилегии как в золотоордынский период, так и позднее – в Крымском ханстве. Оказать услугу Сейидам считалось почетным и богоугодным делом. Исследователями также отмечается стремление знатных и влиятельных кланов Крыма породниться с Сейидами [Зайцев, 2015, с. 112].

Значительные миграционные процессы, связанные с нахождением Крыма на интенсивных торговых путях, подтверждаются наличием на памятниках большого количества *нисб*² неместного происхождения

² Нисба – часть имени, обычно обозначающая место рождения или место длительного проживания человека.

Фрагмент памятника с надписью: «Это могила прощенного Сейид Али сына Сауда».

и позволяют проследить обширные связи средневекового города и некоторые направления таких миграций. На надгробиях встречаются *нисбы* жителей – выходцев из городов Средней Азии – Бухары, Дженда; Западного Ирана – Тебриз, Лур (Луристан); Северного Ирака – Эрбиль; Сирии – Халеб (Алеппо); Малой Азии – Конья, Ахлат, Сивас, Кастамуни, Токат.

Но, конечно, самая распространенная *нисба* на памятниках города – «*Аль-Кырыми*», т. к., естественно, большая часть памятников принадлежала все-таки уроженцам и жителям самого города Кырыма.

Примечательно, как отмечал еще О.-Н. Акчокраклы, что на эпиграфических памятниках совершенно не встречается *нисба* «*Солхати*» [Акчокраклы, 1927, с. 7]. Возможно, для мусульманской общины название города «*Кырым*» было единственным. И, конечно же, этот вопрос требует дальнейшего исследования, так как в письменных источниках есть одно упоминание о человеке с *нисбой* *Солхати* [Крамаровский, 2012, с. 72].

Немало информации о культурном влиянии соседних регионов, наряду с надписями, дают нам сами формы надгробий и элементы украшения памятников. Еще У. Боданинский отмечал сходство наверший надмогильных памятников Кырма/Солхата с куполами дюрбе Каира, Самарканда, Ургенча, Западного Ирана, гробницами городов Малой Азии [Башкиров, Боданинский, 1925, с. 300, 303, 305–306].

Причем это сходство прослеживается не только в форме наверший, напоминающих купол дюрбе, но и в боковых гранях восьмигранников, часто декорированных прямоугольными углублениями, имитирующими колоннаду, схожую с распространенным типом дюрбе в Анатолии и Иране. А также в рифленых куполах, оканчивающихся снизу архитектурным элементом – «сталактитами».

Эта схожесть дает нам возможность на основании сохранившихся надгробий представить внешний вид многих старокрымских дюрбе, развалины которых были описаны путешественниками и учеными прошлых веков, а

Надгробие Махмуда ибн .
Ахмеда (?) Конийского.

фундаменты до сих пор нередко находят современные исследователи.

Одним из примеров таких восьмигранников является надгробие, хранящееся в частном музее «Солхат». Памятник был обнаружен в северо-восточной части города в начале 2000-х гг. Надгробие представляет собой восьмигранник со сферическим навершием, украшенным радиальными бороздками, придающими памятнику схожесть с куполом дюрбе. Нижняя часть памятника утеряна.

Надпись расположена под навершием, по кругу на всех гранях. Плоско-рельефная надпись выполнена на арабском языке.

Текст на надгробии:

هذا قبر عبد الرحمن ابن
الرحمن ابن حسن القرني

Перевод:

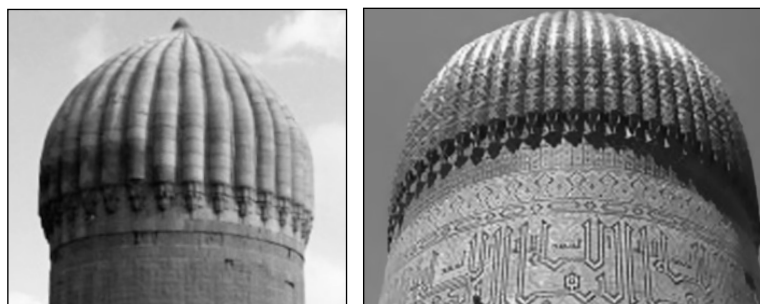
«Это могила Абдурахмана сына Хасана аль-Кырыми».

Другой подтип восьмигранных тумб не имел навершия и устанавливался у изножья могилы. Ценность таких надгробий в том, что в надписи на них присутствует дата. Большинство дат на таких восьмигранниках относятся ко второй половине XIV в. Ниже приведен пример такого надгробия.

Памятник представляет собой восьмигранник с текстом в верхней трети тумбы, расположенном по кругу на всех гранях. Основание четырехгранное, и скорее всего, вкапывалось в землю. Боковые грани стилизованы прямоугольными углублениями, имитирующими колоннаду.

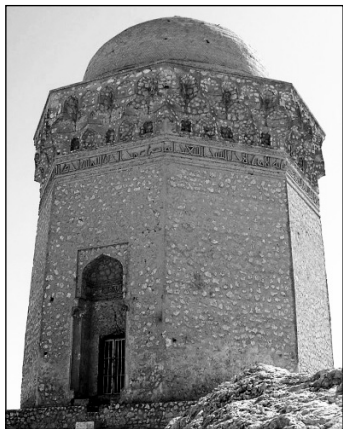
Восьмигранные надмогильные памятники с навершиями различных форм

Купола мавзолея в Каире и мечети в Самарканде, схожие с навершиями старокрымских надгробий.

Фрагменты наверший восьмигранных памятников на территории музейного хранилища, г. Старый Крым. Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ)

Восьмигранное дюрбе Кумбет-Али в Иране и схожее по форме старокрымское надгробие.

Дюрбе в Анатолии и старокрымское надгробие, имитирующее по форме дюрбе с колоннадой.

Надпись на восьмигранном надмогильном памятнике с фигурным навершием: «Эта могила Абдурахмана сына Хасана аль-Кырыми».

В тексте дата смерти дана прописью на арабском языке:

تاريخ سنة في وثمانين ثمانين وسبعائة ...

Дата 782 г. х. = (1380 г.)

На верхушке таких восьмигранников и цилиндрических тумб нередко встречается круглая выемка. Одна из версий предназначения этих углублений приводится в дневнике У. Боданинского: «В степной безводной части Крыма, где каждая капля имеет значение, принято было в верхней части головного камня делать четырехуголь[ные] или круглые выемки для того, чтобы животные или птицы могли из них утолять жажду; эти своеобразные «водохранилища» называются здесь – قوش خايراتي (куш хайраты), т. е. общественное достояние птиц» [Фонды БИКАМЗ. КП-10740/405, л. 45]. Выражение куш хайраты можно перевести также как «благо для птиц. Предполагалось, что собранную в углублении воду пьют птицы, а награда за это благое дело, по поверьям, засчитывается покойному.

Стоит отметить, что в Степном Крыму, где ценность воды очень высока, традиция делать на верхушках надмогильных памятников выемки, в которых скапливалась дождевая вода, сохранилась вплоть до сер. XX в. А корни этой традиции, судя по сохранившимся надгробиям, прослеживаются вплоть до золотоордынского периода.

Расположение города на интенсивных торговых путях, политическая стабильность и процветание

Надпись с датой 782 г. х. =(1380 г.) на восьмигранном надгробии.

в пер. пол. XIV века привлекали в Крым/Солхат множество ученых. Из письменных источников мы знаем о некоторых из них. Один из них Абу Бакр Каландар Руми Аксарайи, который переехал в Крым из Анатолии, жил в городе Крым, где был имамом соборной мечети. И здесь же написал свой известный богословский труд религиозно-мистического характера «Календар-наме» [Миргалиев, 2016, с. 63].

Автор хроники XVII века «Таварих-и Дешт-и Кипчак» Абдулла-ибн-Ризван в своем произведении упоминает об ученых Кырыма/Солхата: «...большие медресе, из которых вышло четырнадцать известных ученых, достойных звания муфтия. Здесь, в Солхате, было обнаружено место их захоронения, и по надписям на надгробиях можно судить об их деяниях» [Шалак, 2020, с. 349].

Сохранившийся лапидарный материал также дает нам целый ряд имен ученых, проживавших и окончивших свой жизненный путь в Кырыме/Солхате. На надгробиях достаточно часто встречаются слова: *шейх* – почетное, уважительное звание учителя, ученого, либо главы религиозно-мистического братства; *ходжа* – учитель; *хаджи* – человек, совершивший важный элемент поклонения в Исламе – паломничество в Мекку; *ахи* –

член религиозно-мистических течений (братств).

Одним из примеров надмогильного памятника с именем ученого является массивный цилиндр из известняка. Навершие памятника в форме полусферы украшено спиральными бороздками, возможно, имитирующими форму купола дюрбе, либо мужской головной убор. В Старом Крыму отмечен целый ряд надгробий с такой формой навершия.

Текст на надгробии:

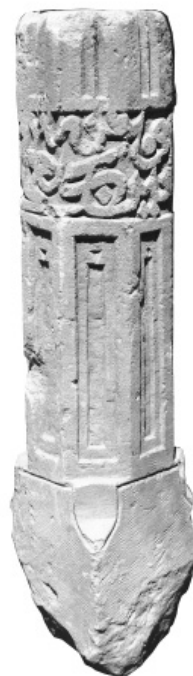
هذه تربة قخر المشايخ
شيخ خير الدين نور الله قبره

Перевод:

«Это могила (турба) гордости шейхов, шейха Хайруддина, да освятит Аллах его могилу» (Прочтение О.-Н. Акчокраклы, № 90 в статье [Акчокраклы, 1927, с. 14]).

Возможен другой вариант перевода: **«Это могила шейха из славных шейхов Хайруддина, да освятит Аллах его могилу»**. (прочтение Р. Р. Абдужемилева)

Надгробие было зафиксировано архео-

Выемка для воды – куш хайраты (благо для птиц), на верхней грани надгробия.

Цилиндрические надгробия на территории музейного хранилища.
Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ)

Надгробие шейха Хайруддина. Фото 1926 г.

логической экспедицией в 1926 г. возле мечети хана Узбека в Старом Крыму. Памятник сохранился и находится там же, под навесом, на территории мечети.

Анализ эпиграфического материала дает нам информацию о развитии в городе не только религиозных наук. Интересный пример – цилиндрическое надгробие астронома/астролога³ *Уруса хаджи бин Хасана* с загадочным рисунком на верхней полусфере навершия.

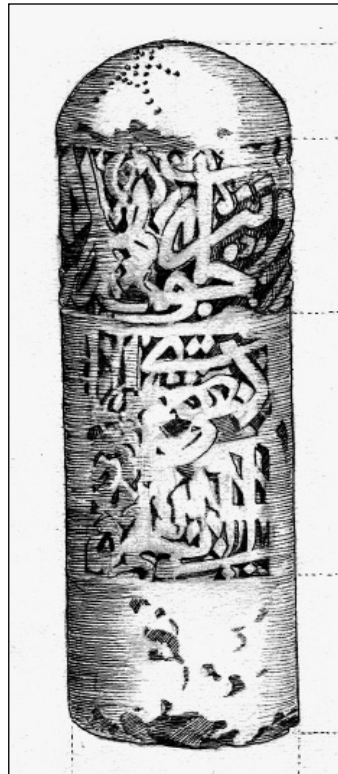
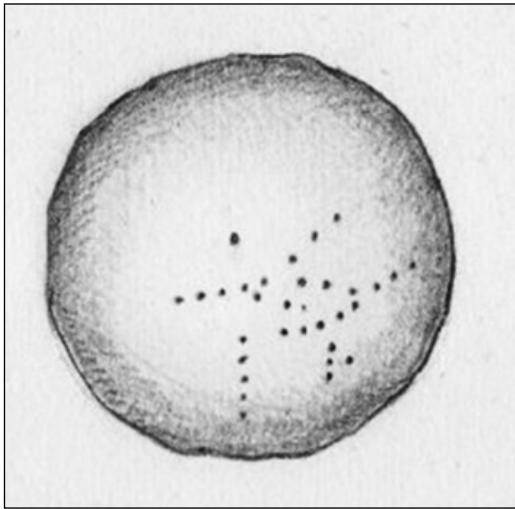
Текст на надгробии:

هذا قبر المرحوم المغفور منجم
اوروس خواجه بن حسن

Перевод: «*Могила покойного астронома (астролога) Урус-хаджи, сына Хасана*»

Сохранились рисунки Усеина Боданинского этого надгробия, с текстом и изображением маленьких углублений, образующих определенный узор на навершии памятника. Изображение ли это созвездия, или группы созвездий, неизвестно, и вопрос этот остается открытым. Возможно, это вид части звездного неба в определенный момент времени(?). По крайней мере, отождествить этот рисунок с каким-либо известным созвездием пока не удалось. Маловероятно, что цепочки углублений на камне – это разметка для нанесения орнамен-

³ В эпитафии используется слово **منجم** (*мунаджм*).
Наджм – араб. звезда.

Рисунки У. Боданинского № 145, 313 с изображением памятника астронома Урус-хаджи сына Хасана и узора на вершини (из фондов БИКАМЗ), и современное состояние памятника (Литературно-художественный музей, г. Старый Крым). Фото 2019 г.

та, не законченная мастером-камнетесом, так как цепочки точек проставленные на камне, не совпадают ни с радиальными, ни со спиральными линиями узоров, характерных для подобных надгробий Кырыма/Солхата.

Известны в Старом Крыму и памятники ученых-богословов, которые были родом из различных уголков мусульманского Востока, но, по-видимому, прожили часть жизни и нашли последнее пристанище на кладбищах города. Одним из таких примеров является мраморное цилиндрическое надгробие *Эмира Омера (Умара) Халеби*.

Надпись, расположенная в боковой нише, сохранилась очень плохо, но есть фотография 1925 г., по которой можно сверить надпись с прочтением О.-Н. Акчокраклы [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 419].

Текст на надгробии:

توف المرحم ملك الخلفا
حلبى امير عمر طاب ثراه
فى ربيع الاول
سنت ست خمسن وسبعمائنه

Местный житель рядом с цилиндрическими надгробиями. Фото 20-х гг. XX в.

Надгробие Эмира Омера (Умара) Халепского с датой 756 г. х. (1355 г.) (фото 1925 г. [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 419]) и современное состояние памятника (фото 2017 г.).

Перевод:
«Умер глава духовных подвижников Эмир Омер Халепский,

Да будет земля его приятной. Месяца Раби уль-Авваль, 756 г. х. =(1355 г.)».

(Прочтение О.-Н. Акчокраклы; № 26 в статье Акчокраклы, приведен адаптированный вариант перевода) [Акчокраклы, 1927, с. 12].

Надгробие в 30-е гг. XX в. хранилось в музейном хранилище, после утери в сер. XX в. повторно было обнаружено археологической экспедицией СКАЭГЭ в 1978 г. На сегодняшний день находится во дворе мечети хана Узбека в г. Старый Крым.

ЖЕНСКИЕ НАДГРОБИЯ

В письменных источниках ряд путешественников отмечают высокое положение и влияние знатных женщин в Золотой Орде, несколько непривычное для современников из других стран. Это влияние подкреплялось также традиционной благотворительностью. В частности, Ибн-Баттута сообщает о жителях Маджара (города, во многом схожего с Крымом/Солхатом): «... Султан и хатуни сами посещают шейха и получают от него благословения. Они расточают милостыню и раздают большие подарки, в особенности, женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела».

О положении женщины в мусульманской общине города можно косвенно судить и на основе эпиграфических свидетельств. В первую очередь, конечно же, мы имеем информацию о знатных женщинах, которые имели влияние, и занимали в обществе достаточно высокое положение, подкрепляя это благотворительностью. На их деньги

строились общественные здания – мечети, медресе, текке, что подтверждается материалами эпиграфики.

Из работы Эвлия Челеби мы узнаем сразу о нескольких таких женщинах, от имени и на деньги которых были построены культовые здания в Старом Крыму. Это – Инджибек-хатун, дочь бея Кылбуруна, Бай Буглы-хатун, дочь Тонкатая и Паша-хатун. Скорее всего, это только несколько таких имен, сохранившихся благодаря работе Эвлия Челеби. Автор указывает на «...бесчисленное количество», таких посвячительных надписей на развалинах города, среди которых, несомненно, были имена и других знатных женщин.

У Эвлия Челеби приводится три такие надписи:

«Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бея

Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733 (1333 г.)» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168];

«...над сводом двери текке Тахир-бея, такой тарих: *“Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного! Построила это здание с именем султана, величайшего из султанов арабов и неарабов ...-хана, сына Тахир-бей-хана, да будет его правление благословенно и увеличено в мирах, Бай Буглы-хатун, величественная особа и ничтожная рабыня Бога, дочь Тонкатая, сына Кутлуга, сына Тимура, сына Буга Бая”*» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168];

«... на рынке, над высоким сводом мечети Паша-хатун, такой тарих: *“Это здание — творение благочестивого шехида и покойной, прощенной Паши-хатун, высшее вращение луны (в словосочетании зашифрована дата 763 г. х. =(1362/63 г.)”*». [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

О роли и положении женщины в мусульманском обществе в золотоордынскую эпоху мы можем судить и по многочисленным, богато украшенным надмогильным памятникам. Причем женские памятники обычно украшены более изящно и богато, нежели мужские надгробия. На многих женских надгробиях встречается уважительное обращение к знатной женщине – «хатун».

Примером тому могут служить два саркофага, найденные при раскопках на территории медресе. Среди женских памятников они особо выделяются изящным оформлением. На двух похожих по форме надгробиях – имена Ильчи-хатун и год 775 г. и Ир-султан и год 833 г.

Эти два изящных мраморных саркофага были обнаружены во время раскопок в 1925 г. на территории медресе, в северо-западной части комплекса.

Один из саркофагов был установ-

Раскопки захоронения с мраморными саркофагами на территории медресе в Старом Крыму. Фото 1925 г. (Фото из книги «Мирас – Наследие»)

Современное состояние надгробия Инджибек-хатун 775 г. х. =(1373 г.) (хранится в БИКАМЗ). Фото с выставки «Крымский Юрт Золотой Орды. Наследие исчезнувшей империи». Центральный музей Тавриды, г. Симферополь. 2017 г.

Саркофаг с именем Ильчи-хатун.
Фото 2017 г.

Саркофаг с именем Ир-Султан.
Фото 20-е гг. XX в.

лен над могилой Инджибек-хатун, жены Тулек-Тимура, наместника Крымского юрта, на средства которой было построено медресе (посвятительная надпись со входа была приведена выше). Второй памятник, видимо, принадлежал ее близкой родственнице, либо потомку (?), умершей спустя 58 лет.

Памятник представляет собой мраморное надгробие в виде длинного горизонтального саркофага с прямоугольным основанием и стрельчатым верхом. Памятник был установлен на возвышении (суфа), обложенном плиткой с бирюзовой поливой и позолоченными узорами. Мраморный саркофаг богато украшен орнаментами, на мраморе были обнаружены следы позолоты.

Надписи, расположенные на торцах памятника, выполнены на арабском языке.

Текст:

المرحم المغفور
 (? الجي حاتون
 في التاريخ
 خمسن وسبعين سبع مئة

Перевод:

«Покойная, прощенная Ильчи-хатун
 В год 775 =(1373–1374 г.)»

(Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы О.-Н. А., 1929, с. 159].

Разное прочтение имени основательницы медресе Ильчи-хатун и Инджибек-хатун произошло по причине того, что Эвлия Челеби и Осман Акчокраклы прочитали это имя на двух разных надписях. Эвлия Челеби в 1666 г. прочел на тарихе

у входа в медресе имя Инджи-бей-хатун, которое в последующем, при переводе закономерно трансформировалось в **Инджибек хатун** и закрепилось в отечественной историографии. Осман Акчокраклы в 1925 г. прочитал на саркофаге имя **Ильчи-хатун**.

Посвятительный тарих со входа в медресе не сохранился, и проверить его прочтение не представляется возможным. Надпись на саркофаге сохранилась, но проработка и состояние букв на памятнике не позволяют пока однозначно трактовать надпись. Возможные вариации в прочтении текста допускают оба варианта, также имеется еще масса вариантов прочтения имени – Индже-хатун, Ильджи-хатун, Эльчи-хатун и т. п.

Это же касается и вопроса использования слова «Инджи-бике», вместо «Инджи-бек».

Поэтому, не имея других источников, уточняющих имя основательницы медресе, дочери наместника города бея Кылбуруна, в данной работе используется закрепившийся в отечественной историографии вариант – **Инджибек хатун**.

Второй памятник отличается орнаментом, часть текста расположена на полукруглом верхе. Надпись на втором памятнике:

هذه التربة
المغفوره المرحومه
اير سلطان
بنت .. ران بيك
فى تاريخ من شهر
ربيع الاول سنه ثلث
ثلاثين
وثمانمايه

Перевод: «**Могилка покойной, прощенной Ир-Султан дочери ...ран бека**».

Дата: «**месяца Реби аль-Авваль в году 833 =(1429 г.)**».
(Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы О.-Н. А., 1929, с. 159].

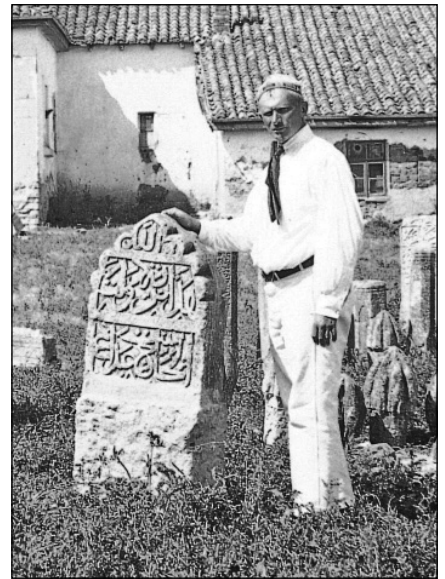
После обнаружения в 1925 г. надгробия были перевезены в Бахчисарай, где впоследствии долгие годы пролежали в забвении в фондах музея. Сегодня эти надмогильные камни хранятся в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике.

Саркофаг Ир-Султан.
Фото 20-е гг. XX в. [Мирас –
Наследие. Том 2, 2016, с. 436]

Дата на саркофаге Ир-Султан
«833 г. х. =(1429 г.)».

Современное состояние надгробия с именем Девлет, дочери Эль-хаджи Абдуллы (памятник хранится в Государственном Эрмитаже),

А. С. Башкиров во двореке музейного хранилища в г. Старый Крым. 1928 г. (Из фондов БИКАМЗ)

Женский памятник с изящно скомпонованной надписью, на которой прописью дана дата – 773 г. по хиджре (=1372 г.). Фото 2017 г.

Наиболее многочисленный тип женских надгробий – плоские стелы. В Старом Крыму собраны данные о примерно 70-ти памятниках подобного типа.

Надгробия представляют собой плоскую вертикальную стелу с полукруглым или стрельчатým верхом. Текст расположен на одной стороне, обычно хорошо скомпонован и украшен орнаментами или розетками. Каллиграфические композиции на таких памятниках прекрасно скомпонованы и искусно исполнены. Часто верхний тимпан заполнен орнаментом, различного вида розетками или радиальными лучами, возможно, символизирующими «свет веры». Обратная сторона обычно украшена изображением лампы и зажженных свечей. Различают два подвида таких памятников: первый – с именем, устанавливался у изголовья (*баиш-таи*), второй – с датой, устанавливался в ногах (*аяк-таи*).

Характерный пример подобного памятника – надгробие в виде вертикальной стелы, верхняя часть памятника стрельчатая, с фестончатым краем с одной стороны. Основание надгробия необработанное, по-видимому, вкапывалось в землю.

Надпись на арабском языке, расположена в трех секциях:

الله
هذا تربه دولت
بنت الحاجي عبدالله

Контурное изображение за-
жженной лампы на надгробии.

Перевод:

«**Аллах.**

**Это могила Девлет,
дочери Эль-Хаджи Абдуллы».**

(Прочтение О.-Н. Акчокра-
клы, № 24 в статье) [Акчокра-
клы, 1927, с. 11].

В 20-е гг. XX в. памятник хранился в музейном хранилище в Старом Крыму. Утерян в 30-40-е гг. XX в. Был повторно обнаружен экспедицией СКАЭГЭ под руководством М. Г. Крамаровского в 1978 г., при раскопках на территории медресе Инджибек-хатун. На сегодняшний день памятник хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Пример памятника, устанавливавшегося у изножья мо-
гилы, представляет собой плоскую стелу из известняка, со
стрельчатым верхом. Надпись на камне несет информацию
только о дате смерти.

Текст, изящно написанный на арабском языке, красиво
скомпонован и хорошо сохранился:

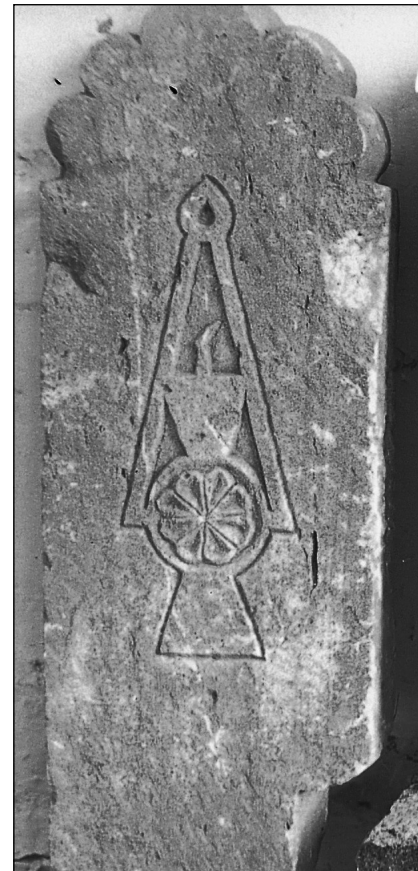
في تاريخ ذي
الحجة سنة ثلاث
وستين و سبعمائة

Перевод: «дата [месяца] Зиль-Хиджа, год 763 [по хид-
жре]» =(октябрь, 1362 г.).

На обратной стороне плиты – стилизованное изображе-
ние лампы, по обе стороны от которой изображены две
свечи в подсвечниках. На тимпане плиты – изображение лу-
чей света от лампы (?). Надгробие обнаружено местными
жителями в начале 2000-х гг. в северо-восточной части го-
рода. Хранится в частном музее «Солхат».

Памятник с датой 763 г. х. =(1362 г.). (Музей «Солхат»)
Фото 2017 г.

Лампада в оформлении пло-
ской стелы. Фото 20-х гг.
XX в. (Из фондов БИКАМЗ)

Примеры использования изображения лампы и свечи в оформлении плоских стел.

Самым распространенным элементом в оформлении памятников является стилизованное изображение лампы, иногда с двумя зажженными свечами в подсвечниках. Некоторые экземпляры памятников имеют изображение только одной или двух свечей.

Лампада и свечи – свидетельство сельджукского влияния. Эти символы довольно часто использовались в оформлении сельджукских надгробий в Малой Азии [Viçici N. Kamil, 2012, с. 638–639].

По представлениям средневековой сельджукской традиции, знак «зажженная лампада» символизировал «свет веры», данный Всевышним, который, по их

Архитектурный фрагмент с орнаментом из частной коллекции.

представлению, должен был быть облегчением для покойного и «освещать мрак могилы светом, исходящим от его веры» [Viçici N. Kamil, 2012, с. 640–641; Delikgöz Ömer, 2010, с. 121–122]. Вероятно, подобная трактовка заимствована из Корана: «**Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда...**» (сура Ан-Нур (Свет), 35 аят). [Коран / перевод И. Ю. Крачковского, 1990, с. 242].

Один из вариантов трактовки символа «две свечи в подсвечниках» в сельджукской традиции – это свет знаний Корана и Сунны⁴ пророка Мухаммада. Эти знания, согласно такой трактовке, должны были помочь человеку после смерти «своим светом во мраке могилы, в ожидании Судного Дня» [Çal Halit, 2015, с. 319].

Сельджукское влияние прослеживается как в форме самих надгробий, так и в мотивах, используемых при оформлении лапидарных памятников. Орнаментальные мотивы, различного вида розетки (шести-

⁴ Сунна – зафиксированные в виде преданий (хадисов) поступки и высказывания пророка Мухаммеда, считающиеся образцом, которому обязан следовать мусульманин. Вместе с положениями Корана составляет содержание мусульманских религиозных законов – шариата.

Архитектурный фрагмент с орнаментом, обнаруженный в ходе раскопок на кургане Кемаль-Ата.

лепестковые, звездчатые, спиральные, вихревые), шестиконечные звезды (печать Сулеймана), «сельджукская плетенка» и другие элементы на надгробиях близки к узорам на памятниках Малой Азии. Аналогичные старокрымским, как по стилю оформления, так и по содержанию надписей, надмогильные памятники имеются в городах Малой Азии (Ахлат, Сивас, Кастамону, Изник и др.) [Viçici N. Kamil, 2012; Çal Halit, 2015; Çal Halit, 2007; Gürlevik Sebiha, 2008].

На эту аналогию указывали исследователи XIX–XX вв. [Акчокраклы, 1929, с. 153; Башкиров, Боданинский, 1925, с. 301–302; Бороздин, 1928, с. 301], это же подтверждает и сравнительный анализ с современными исследованиями турецких ученых [Çal Halit, 2015; Delikgöz Ömer, 2010; Gürlevik Sebiha, 2008].

Литература и источники

1. Акчокраклы О. -Н. А. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927.– Т. 1(58).
2. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
3. Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-юрт. Новый Восток. 1925. № 8–9.
4. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14.
5. Зайцев И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2.

Архитектурный фрагмент с орнаментом.

Замковый камень с орнаментом.

Архитектурный фрагмент с розеткой. Хранится в Литературно-художественном музее (г. Старый Крым)

Примеры шестиконечных звезд, и розеток использовавшихся при оформлении старокрымских лапидарных памятников.

6. Коран / перевод И. Ю. Крачковского. Душанбе, 1990.

7. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.

8. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012.

9. Маркевич А. И. Старокрымские древности // Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., 1892. № 17.

10. Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и. отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Т. 1. 2016. .

11. Мирас – Наследие. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и. отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. ООО «Астер Плюс». 2016.

12. Мирас – Наследие. Том 3. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и. отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. – ООО «Астер Плюс». 2016.

13. Миргалеев И. М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // золотоордынская цивилизация. № 9. 2016.

14. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; Под ред. А. А. Непомнящего; Вступ. ст. Н. О. Гриненко; Комм. Н. В. Кармазина и др. Симферополь: ОАО Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. (Библиография кримведения; Вып. 11).

15. Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение). / П. С. Паллас // ЗООИД. 1883. Т. 13.

16. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Зап. Вост. отделения РАО. 1886. Т. 1. Вып. 4.

17. Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. – Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

18. Фонды БИКАМЗ. КП-10740/405. Дневник У. Боданинского. 1925. Л. 45.

19. Фонды БИКАМЗ. КП-10180/401. Дневник У. Боданинского. Археологическая экспедиция 1926 гг. Старый Крым. 1926. 24 л.

20. Шалак М. Е. «Теварих-и Дешт-и Кыпчак» как источник по исторической географии Крымского ханства и сопредельных территорий // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2.

Элементы оформления портала мечети хана Узбека

21. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь: «Доля», 2008.

22. Biçici N. Kamil. İznik Müzesindeki Kandil ve Şamdan Motifli Mezar Taşlar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Volume 7/3.

23. Çal Halit. Türklerde mezar-mezar taşları. // Aile Yazıları, 8, TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015.

24. Çal, Halit, “Kastamonu Müzesindeki Türk Mezar Taşları”, İpekyolu Konya Ticaret Odası Dergisi Konya Kitabı, X, Prof. Dr. Rüçhan Arık – Oluş Arık Armağanı, 2007.

25. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2010. № 13.

26. Gürlevik Sebiha. Sivas mezar kitabeleri üzerine bir inceleme / (yüksek lisans tezi). Sivas. 2008.

М. А. УСЕЙНОВ

*Орнамент на надгробии.
Фото 20-х гг. XX в.*

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ТЕРРИТОРИИ КОМПЛЕКСА МЕЧЕТИ УЗБЕКА И МЕДРЕСЕ

В статье рассмотрены эпиграфические памятники, относящиеся непосредственно к зданиям или же обнаруженные в ходе археологических раскопок на территории медресе и мечети. Большая коллекция lapидарных памятников, которая с середины XIX века сформировалась на территории мечети, отражена в статье «Мусульманские надмогильные памятники Старого Крыма» на стр. 73 и в данной статье не рассмотрена.

Конечно же, центральное место в списке эпиграфических памятников не только комплекса мечети и медресе, но и в целом

города Кырым/Солхат занимает портал мечети Узбека. Надпись на богато украшенном орнаментами и архитектурными деталями портале, представляющая собой хорошо скомпонованную каллиграфическую композицию, выполненную красивым почерком «сулюс», всегда привлекала внимание исследователей и, к счастью, хорошо сохранилась до нашего времени.

Впервые эта надпись упоминается еще у Эвлия Челеби. Путешественник, посетивший город Кырым/Солхат в 1667 г., приводит ее текст:

«Лучший из них — тарих над дверью Улу-Джами, написанный четким почерком: “Слава Богу, и да благословит Бог Мухаммеда, и творение, и халифов. Построил это здание благословенной мечети в дни правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-хана”. Датировка памятника 714 г. х. (1314 г.) и имя мастера Абдуль-Гази-Юсуф Езбели построил мечеть при владении Мухаммеда Хана (Узбека)» [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

Надпись на портале мечети в своих работах упоминают многие исследователи XIX века, в частности, Н. Мурзакевич в своей статье «Эски-крымская арабская надпись» приводит почти такое же прочтение надписи [Н. Мурзакевич, 1848, с. 529]:

«Да будет благодарение Всевышнему за руководство на путь истинный, и милость Божья на Мухаммеда и его преемниках. Строитель сей мечети в благополучное влады-

Входной портал мечети Узбека. Современное состояние. Фото 2017 г.

Надпись на портале мечети Узбека. Современное состояние. Фото 2017 г.

чествование великого хана Мухаммеда (да будет владычество его вечно!) смиренный раб нуждающийся в милосердии Божьем, Абдуль-Гази-Юсуф сын Ибраима Елбали. 714 года гиджры» (1314).

Пристальное внимание этому памятнику уделили и члены экспедиции 1926 г. Прочтение надписи и рисунок У. Боданинского опубликованы в статье Османа Акчокраклы «Старокрымские и отузские надписи» в 1927 г. [Акчокраклы О., 1927].

Прочтение текста на портале, приведенное у О. Акчокраклы:

«Хвала Аллаху за его благости и да благословит Аллах Мухаммада и его наместников. Приказал построить эту величественную мечеть в дни владычества величайшего хана Мухаммеда Узбека. Да благословит Бог царство его. Раб бессильный нуждаю-

Фрагмент надписи на портале мечети Узбека с датой 714 г. х. =(1314 г.). Современное состояние. Фото 2017 г.

щийся и уповающий на милость и прощение Бога. Абдуль-Азиз сын Ибраима Аль-Ирбили. В год 714 лунный». (1314 г.). Прочтение О. Акчокраклы [Акчокраклы О., 1927, с. 16].

Стоит отметить различие прочтения О. Акчокраклы с вариантом у Эвлия Челеби,

الحمد لله على الهدايت وصلى الله على محمد (وخلفاه) فاذا خلفنا
 معمار هذا المسجد المعرفى ايام دولت خان اعظم محمد ازبلى خلد
 الله ملكه العبد الضعيف المحتاج الى رحمت الله عليه وغفى عبد الغازى
 يوسف ابن ابراهيم ازبلى سنه اربع عشر سبعمائت

Надпись с портала мечети из статьи Н. Мурзакевича

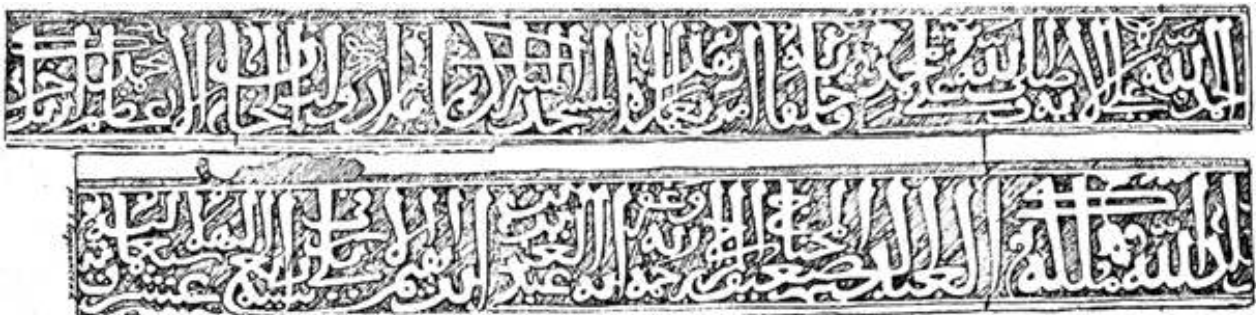

Рисунок Усеина Боданинского надписи на портале мечети Узбека.

который ошибочно приводит в тексте имя «Герай-хан», естественно, отсутствующее в надписи на камне. Видимо, оно было добавлено Эвлия Челеби в знак почтения перед правившей в то время в Крыму династией Гераев. Также незначительно отличается прочтение имени и нисбы мастера в конце надписи.

Выше этого текста на портале частично сохранились вертикально расположенные два фрагмента надписи с аятами из Корана (285–286 аяты из суры «Бакара»).

Сохранилась также надпись на михрабе внутри мечети. Текст выполнен на арабском языке, почерком «сулюс», надписи, расположенные по краям михраба, богато декорированы растительными и геометрическими узорами, которые переплетаются с арабскими буквами.

Точно датировать время создания

Михраб мечети хана Узбека.

Фото 20-х гг. XX в.

михраба не представляется возможным, но М. Г. Крамаровский, сопоставляя схожесть стилей в элементах оформления обоих памятников, предполагает близость времени создания михраба и входного портала мечети [Крамаровский, 2012, с. 215–217].

В верхней части михраба по-центру приводится *шахада* (Свидетельство веры):

لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ

«Ля илляха иллялЛах, Мухаммад расулюЛах».

Перевод: «Нет Бога кроме Бога, и Мухаммад – посланник Бога».

Ниже, по центру михраба в нише – горизонтальная надпись с аятами из Корана:

شَهِدَ اللَّهُ أَنَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ
وَالْمَلَائِكَةُ وَأُولُو الْعِلْمِ قَانِمًا
بِالْقِسْطِ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ
الْعَزِيزُ الْحَكِيمُ

«Аллах засвидетельствовал, что нет божества, кроме Него, а также ангелы и обладающие знанием. Он поддерживает справедливость. Нет божества, кроме Него, Могущего, Мудрого» (18 аят суры «Али Имран»);

إِنَّ الدِّينَ عِنْدَ اللَّهِ الْإِسْلَامُ

«Воистину, религией у Аллаха является ислам» (часть 19 аята, сура «Али Имран»).

По краю михраба – переплетенная с орнаментом надпись, содержащая аят из Корана – «аят аль-Курси»:

«Аллах — нет божества, кроме Него, Живого, Поддерживающего жизнь. Им не овладевают ни дремота, ни сон. Ему принадлежит то, что на небесах, и то, что на земле. Кто станет заступаться перед Ним без Его дозволения? Он знает их будущее и прошлое. Они постигают из Его

Михраб мечети Узбека. Современное состояние. Фото 2018 г.

знания только то, что Он пожелает. Его Престол объемлет небеса и землю, и не тяготит Его оберегание их. Он — Возвышенный, Великий» (255 аят из суры «Бакара»).

Эвлия Челеби приводит еще одну надпись, расположенную в здании мечети Узбека. Это надпись на, к сожалению, не сохранившемся минбаре мечети:

«Над минбаром этой мечети читается другой тарих: “Приказал построить этот минбар благородный потомок султанов Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да сделают вечным Бог его правление, год 918”». (1512/13 г.) [Эвлия Челеби, 2008, с. 168].

Фрагмент михраба мечети хана Узбека. Фото 2018 г.

Михраб в интерьере мечети хана Узбека. Фото 2018 г.

Из текста на минбаре, приведенного у Эвлия Челеби, мы узнаем дату реконструкции мечети Менгли Герай-ханом в начале XVI в., которая подтверждается результатами археологических раскопок.

Помимо вышеприведенных надписей в ходе раскопок СКАЭГЭ под руководством М. Г. Крамаровского в 80-е годы XX века на территории к востоку от мечети было обнаружено значительное количество архитектурных фрагментов с орнаментами и фрагментами надписей. Сохранившиеся более крупные элементы имеют форму сегментов кольца в виде прямоугольных, изогнутых блоков. Они, возможно, наряду с другими найденными архитектурными фрагментами представляли собой часть декора минарета (?) мечети. Сохранилось семь крупных и несколько мелких фрагментов, с надписями и орнаментами, по видимому, от бортика балкона минарета. По форме и размерам фрагментов можно предположить размеры балкона минарета, с приблизительным диаметром – 2,30–2,40 м. По кругу в ряд вмещается 13–16 таких блоков. Так как большинство фрагментов утеряно, восстановить полностью текст пока не представляется возможным. К сожалению, сохранившиеся тексты отрывочны, что затрудняет их прочтение.

Обнаруженные фрагменты разной степени сохранности, что свидетельствует о неодинаковых природных условиях, в которых длительное время находились фрагменты. Датировать памятники пока не представляется возможным.

На двух фрагментах достоверно прочитана часть аята из Корана (27 аят из суры «Али Имран»):

وَتُخْرِجُ الْحَيَّ مِنَ الْمَيِّتِ وَتُخْرِجُ

и конец этого аята: بِغَيْرِ حِسَابٍ

Весь аят выглядит следующим образом:

تُولِجُ اللَّيْلَ فِي النَّهَارِ وَتُؤَلِّجُ النَّهَارَ فِي اللَّيْلِ وَتُخْرِجُ
الْحَيَّ مِنَ الْمَيِّتِ وَتُخْرِجُ الْمَيِّتَ مِنَ الْحَيِّ وَتَرزُقُ مَنْ تَشَاءُ
بِغَيْرِ حِسَابٍ

Перевод аята:

«Ты удлиняешь день за счет ночи и удлиняешь ночь за счет дня.

Ты выводим живое из мертвого и выводишь мертвое из живого.

Ты даруешь удел без счета, кому пожелаешь» (27 аят из суры «Али Имран») (3:27).

Следующая группа эпиграфических памятников связана с медресе Инджибек-хатун. К сожалению, надпись на входе в медресе, известная нам из работы Эвлия Челеби, не сохранилась. Ее текст гласил:

«... над дверью медресе Инджи-бей-хатун написан следующий тарих: “Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благой, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия,

Архитектурные фрагменты с частью аята из Корана (3:27).

Элементы балкона минарета (?).

Фрагменты надписей от восточного фасада медресе. Фото 1926 г. [Мирас – Наследие. Т. 2, 2016, с. 406].

Архитектурный фрагмент, найденный у восточной стены медресе.

Инджи-бей-хатун, дочь бея Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733” (733 г. х. = 1332/33» г.) [Эвлия Челеби, 2008, с. 167].

В прочтении Эвлия Челеби, как и в надписи с портала мечети, вызывает сомнение присутствие на камне имени «Герай-хан», которое было упомянуто Эвлия, видимо, из почтения перед Гераями (чтобы подчеркнуть древность их рода(?)). Тем не менее, не вызывает сомнения дата, прочитанная путешественником, и для нас это важный источник, проливающий свет на дату строительства медресе.

Во время раскопок возле медресе были найдены архитектурные фрагменты с эпиграфикой, которые, скорее всего, являлись частью декора здания медресе. На это обратили внимание еще участники археологической экспедиции 20-х гг. XX в. Среди фотографий, сделанных в 1926 г., есть фото с элементами эпиграфики, подписанное: «фрагменты надписей от восточного фасада медресе....» [Мирас – Наследие. Т. 2, 2016, с. 406].

Подобный фрагмент эпиграфики был обнаружен СКАЭГЭ в 2011 г. к востоку от стены медресе. Фрагмент хранится в Старокрымском литературно-художественном музее.

На камне удалось прочесть фрагмент текста:

سَلِّكَ طَرِيقًا

«... [с]ляка тарикан...» («идти по пути...»)

Скорее всего, текст представляет собой фрагмент хадиса «...о поиске знаний». Известно более десяти хадисов с похожим общим смыслом и небольшими вариациями в тексте, содержащими именно такое выражение – «... сляка тарикан...».

Приведем для примера один из подобных хадисов:

مَنْ سَلَكَ طَرِيقًا يَلْتَمِسُ فِيهِ عِلْمًا ، سَهَّلَ اللَّهُ لَهُ طَرِيقًا إِلَى الْجَنَّةِ ، وَإِنَّ الْمَلَائِكَةَ لَتَضَعُ أجنحتها لِطَالِبِ الْعِلْمِ رِضًا بِمَا يَصْنَعُ

«Тому, кто вступил на какой-либо путь, желая обрести на нём знания, Аллах облегчит дорогу в Рай, и, поистине, ангелы непременно будут расстилать свои крылья перед искателем знания, выражая своё удовлетворение тем, что он делает».

Интересен также лапидарный памятник, хранящийся в Государственном Эрмитаже и представляющий собой замковый камень,

располагавшийся в вершине проема арки. Он был обнаружен к северо-западу от мечети Узбека в 1980-е гг. М. Г. Крамаровским при исследовании мавзолея в слое разрушения XV в. (См. на стр. 45).

В литературе приводится прочтение памятника А. Ивановым: «Махмуд бин Усман аль-Ирбили (اربيلي)» [Крамаровский, 2012; Кирилко, 2016, с. 215]

Хотелось бы добавить иной вариант прочтения надписи. В приведенном прочтении, почему-то пропущено первое слово – عمل (амель – деяние), хорошо видимое на камне.

Также в конце надписи, в нисбе, над буквой «ر» явно видна шадда (удвоение буквы), что делает маловероятным прочтение – اربيلي – «Ирбили».

Предположительно надпись на камне выглядит следующим образом:

عمل محمد بن عثمان الرملي

«Деяние (амель) Махмуда сына Османа ар-Рамли».

Возможно, но маловероятно еще одно прочтение нисбы, если предположить что утеряна буква «мим» – «аль-музаммили».

На замковом камне, скорее всего, увековечено имя мастера-строителя, построившего некое здание или часть здания. Нисба «ар-Рамли» достаточно распространена как в Египте, так и в Северном Ираке. Известен также знаменитый шафиитский ученый XIV века с такой нисбой.

Замковый камень с именем Махмуда, сына Османа. (Государственный Эрмитаж).

Архитектурные фрагменты с орнаментом, предположительно украшавшим портал медресе.

Кроме вышеприведенных памятников, на территории, прилегающей к мечети и медресе, в ходе раскопок СКАЭГЭ было найдено некоторое количество надгробий с элементами эпиграфики. Но, к сожалению, мы имеем лишь отрывочные опубликованные сведения об этих памятниках. Среди этих памятников – найденные на территории медресе в ходе раскопок еще археологической экспедицией И. Н. Бороздина в 1926 г. два мраморных, богато украшенных орнаментами надгробия с надписями. (Подробнее см. на стр. 87–89).

Хотелось бы также отметить несколько анэпиграфических памятников с орнаментом, который чаще всего встречается на территории комплекса медресе и мечети Узбека. Найдено около десяти крупных блоков из известняка с таким орнаментом и множество мелких фрагментов. М. Г. Крамаровский обоснованно предполагает, что это один из орнаментов, который украшал входной портал медресе Инджибек-хатун [Крамаровский, 2012, с. 214].

Литература и источники

1. Акчокраклы О. [-Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58).
2. Кирилко В. П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. И. отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. – ООО «Астер Плюс». 2016.
3. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012.
4. Мирас – Наследие. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. И. отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. ООО «Астер Плюс». – 2016.
5. Мурзакевич Н. Эски-крымская арабская надпись // ЗООИД. 1848. Т. 2.
6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008.

М. А. УСЕИНОВ

НАДГРОБИЯ ИЗ СТАРОГО КРЫМА, СОДЕРЖАЩИЕ ХРИСТИАНСКУЮ И МУСУЛЬМАНСКУЮ СИМВОЛИКИ

Принято считать, что последствия чингисидской глобализации в основном сказались на культуре исламских городских общин Дешт-и Кипчак и ордынского Крыма. Это не совсем так.

На примере анализа двух надгробий XIV ст. из слоя городища, принадлежащих *православно-византийскому* и *несторианскому церковным сообществам*, попытаемся показать характерные особенности формирования *интегральных черт* культуры христианской общины Солхата.

Первое надгробие содержит греческую надпись, эпитафия *второго* высечена по-арабски; оба обнаружены вне связи с погребальными комплексами.

Солхат изначально складывался как населенный пункт, в котором монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации, мигранты из Византии, Восточной Европы, стран Ближнего Востока и Малой Азии, Великой Армении и Киликии, из Италии, преимущественно Лигурии или Генуи, по разным причинам оказавшиеся в Крыму, образовали *многосоставное неоднородное культурное пространство поселения*. Естественно, что «национальные» маркеры в таком полиэтническом ландшафте вынужденно отступили перед маркерами конфессиональных групп, легитимно существующих в рамках мировых религий. В условиях *интегративного пространства, порожденного чингисидской глобализацией*, все три городские религиозные общины – христианская, иудаистская и исламская – не были и не могли быть однородны по культуре и, как следствие, не составляли монолита по вере. Так, христианская община объединяла представителей византийского православия, несторианства, католичества и григорианства; иудаистская состояла из представителей раббанитов и караимов; в мусульманской общине, где доминировали тюркские реалии, сложилось

суннитское большинство с четырьмя *мизхабами* (богословско-правовыми школами) *маликитским, шафиитским, ханафитским и ханбалитским*. Этническую основу общины составили перешедшие к оседлости представители элит монгольских родов *кыят* и *найман*, и потомки тюрков-кыпчаков; во 2-й пол. XIII ст. в их ряды влились сельджукские мигранты из Анатолии [Крамаровский, 2017, с. 58–61].

Надгробие 1 (илл. 1) найдено в северо-западном (христианском) районе городища Солхата (ныне ул. 12 апреля, 59) машинистом экскаватора при сооружении водопровода. Обнаружено два каменных надгробия малое – «детское» и большое, предназначенное для захоронения взрослого человека. находка указывает на возможность существования могильника, скрытого под асфальтом дорожной насыпи.

«Большое» надгробие представляет собой двускатный кенотаф на пьедестале, высеченное из единого блока известняка (дл. 127 см, шир. 50 см, выс. 48 см). Сохранность – незначительные утраты.¹ Длинные стороны надгробия украшены медальонами (по три с каждой стороны) с изображениями розеток – вихревой в двойном круге, многолепестковой, и изображением шестиконечной звезды в круге.

Кенотаф содержит двухстрочную надпись в рамке: **Ἐκμηθήθῃ ὁ δοῦλωσ (το)ῦ θεο- / ὦ Ἀβράμηου ἐτους ζωο'** – **«Почил раб Божий Авраамий в 6870 году»** (1361/62 гг., чтение и перевод А. Ю. Виноградова). Грамматические особенности надписи привели исследователя к выводу об армянской выучке резчика, работавшего в «...мастерской, обслуживающей как армян-григориан, так и

¹ Оба надгробия переданы в филиал Музея-заповедника М. А. Волошина в Старом Крыму А. Гавриловым. Памятнику присвоен инвентарный номер КП 3826. А.8167.

православных граждан общины».² На одном из торцов надгробия высечен *лотарингский крест* (фр. Croix de Lorraine) с двумя перекладинами и терновым венцом, вошедшим в символическое изображение *этимасии* (от греческого – готовность – ΕΤΟΙΜΑΣΙΑ). В католической традиции крест такого типа называют патриаршим или архиепископальным в случаях, когда им отмечен статус кардинала или архиепископа. Этот крест является также крестом элладской православной церкви.

Н. П. Кондаков, связывал происхождение иконографии *этимасии* с обычаем древних церквей греческого Востока выставлять по праздникам приготовленные церковью престолы со Святым Евангелием. В Иерусалиме в композицию *этимасии* наряду со Святым Крестом входили орудия «страстей Господних». Само наименование *этимасии*, отмечает Кондаков, «...заимствовано из послания апостола Павла к Ефесиянам (6,

² «Формула эпитафии, – как сообщил мне в письме от 16.08.2017 г. А. Ю. Виноградов, – типична для поздневизантийского Крыма. Очевидно, Авраамий был мирянином, так как в греческих надгробиях Крыма при имени клирика всегда указывается его титул. Обращает на себя внимание неправильный перенос слова между строк, не встречающийся в других греческих надписях Крыма, притом, что продолжение первой строки до правой раки оставлено пустым, возможно, из-за случайного пропуска букв *το*. Также необычно написание имени Ἀβραμίου, не только без обычного византийского стяжения в Ἀβράμις (как то имеет место в поздневизантийской надписи IOSPE3 V 151 из Инкермана), но и, наоборот, с введением между *ι* и *ο* дополнительного *ου* (отражающего, очевидно, не гласный *υ*, а полугласный *ω*): такое явление характерно для армянского языка (ср. имя *Owannes* < греч. Ἰωάννης). Также обращает на себя расположение надписи на скатах крышки, не известное в греческих надгробиях Крыма (там она размещается на торце или на боковой стороне): напротив, такое место эпитафии встречается на армянских надгробиях Крыма, в т. ч. Солхата (например, надгробие из ГЭ, инв. № Сол-28). На последнем присутствуют также розетка с треугольными концами лепестков и «звезда Давида». Поэтому автором надгробия был, вероятно, армянин, что указывает, возможно, на отсутствие собственной эпиграфической традиции у греков Солхата и работу мастерской, обслуживавшей как армян-григориан, так и православных». Благодарю Андрея Юрьевича Виноградова за исчерпывающую консультацию.

15), приглашающего к «уготованию благовестования мира», и псалмов (9, 8 и 38), (64, 9) и (88, 14), которые воспевают Господа, «уготовившего на суд престол свой». На Ефесском соборе, по словам святого Кирилла Александрийского, сам Спаситель являлся Главою собрания, ибо посреди собора было положено Святое Евангелие на особо воздвигнутом для него троне.

Таким образом, «Престол уготованный» предназначен для второго пришествия Христа, грядущего вершить суд над живыми и мертвыми. Само понятие *Престола уготованного* основано на стихах Псалтири: «Престол Твой утвержден искони: Ты от века» (Пс. 92:2). Изображение *Престола уготованного* указывает на грядущее торжество Божественной правды. Этим и объясняется присутствие сюжета в содержательной программе изобразительных символов надгробия.

Итак, на одном из торцов солхатского надгробия мы видим канонический вариант «Престола уготованного», включающий изображение Креста на фоне Евангелия (?). Как и в композиции *этимасии* Палатинской капеллы (Сицилия, XII в.), крест дополнен изображением тернового венца – одного из двух десятков атрибутов, олицетворяющих страдания Спасителя. Крест с терновым венцом символизирует победу правды над ложью – отсюда новозаветское именование «Венца правды» (2. Тим. 4:8). Другие его именованья «Венец славы» (1 Пет. 5:4) и «Венец жизни» (Иак. 1:12 и Апок. 2:10). Христианские апостолы Матфей (27:29), Марк (15:17) и Иоанн (19:2) прямо указывали на связь тернового венца с Мессией, повествуя о том, что «... воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову», и «...ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:5).

Из орудий «страстей Господних» здесь, как и принято согласно канону, изображены *копье*, которым римский легионер Лонгин пытал Иисуса и которым поразил Спасителя в сердце³, и *трость с губкой*, смоченной в

³ Существуют три «копья Лонгина» (имя сотника известно по апокрифическому источнику), претендующие на достоверность: в соборе Св. Петра в Риме, во дворце Хофбург в Вене и в Вагаршапате в Центральной Армении. Вагаршапат – столица Армении

уксусе или вине, поданная Спасителю, как утверждает легенда, для утоления жажды.⁴

Собственно изображения церковного престола (сидения) в нашем случае нет (в монументальной живописи, мозаичных композициях и иконах престол, как правило, представлен в полной редакции и окрашен в тона красного – символ Христовой багряницы).

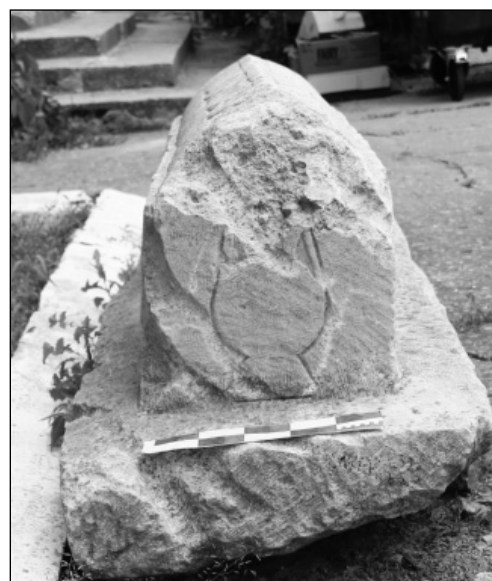
Изображение «Престола уготованного» бытует и в виде самостоятельного сюжета, и в составе сложных композиций «Страшного Суда». Этимасия часто изображается на иконах. Но в чеканке монетных регалий – только в исключительных случаях. В частности, *Престол уготованный* изображен на серебряных и медных *трахеях* Михаила VIII Палеолога времени Лионской унии 1274 г. Одна из четырех таких медных монет хранится в собрании Эрмитажа [Гурулева, 2005].

В погребальной пластике византийского и пост-византийского Крыма изображение этимасии не известно. Солхатская находка – первый случай такого рода.

Связь изобразительных символов солхатского кенотафа со Спасителем продолжается в изображении стеклянной подвесной лампы с горящим фитилем на противоположном торце нашего памятника. Согласно библейскому псалму 103, 1-2 («Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою»), связь Спасителя и света неразделима. А значит и слово Христа «Я есмь свет мира» (Ин. 8, 12) лежит в основе христианской символики света. Даже скромная лампадка в католическом храме-символ «вечного света» не только для прихожанина, но и человека, ушедшего из жизни. Свеча у христиан – символ божественного света, символ Христа, церкви и благодати. Пасхальная свеча или

в II–IV вв. В новейшее время город переименован в Эчмиадзин. В монастыре Эчмиадзина находится центр армянской апостольской церкви и резиденция католикоса.

⁴ В списках «орудий страстей» обычно перечисляются несколько десятков атрибутов, включая петуха, трижды пропевшего при отречении апостола Петра от Спасителя. Эпизод предательства Петра, согласно новозаветской версии, был предсказан Иисусом во время Тайной Вечери.

Илл. 1. Кенотаф 1361/62 гг.

свеча в доме, которая освящена на Сретенье (20 февраля), не только носитель света, но и олицетворение связи со Спасителем: «Свет Христов сияет всем». Что уж говорить об алтарных свечах по обе стороны от креста, означающих двойственную природу Христа – человеческую и божественную. В христианской литургии свет неразрывно связан с образом Спасителя. Это особо выделено в Писании, где приверженцы Спасителя названы «детьми света» (Еф. 5, 8). Но все же еще раз подчеркнем: на торце солхатского кенотафа высечен не светильник византийского типа или свеча и, судя по абрису, не подвесная византийская стеклянная лампа с утолщением по центру донца, но без поддона. Подобные известны по находкам в Коринфе (в слое XI–XII вв.) [Davidson, 1952, p. 112, pl. 57.728], в Херсонесе (в слое 2-й пол. XIII в.) [Голофаст, Рыжов, 2003, с. 189, 219–220, 224, 257, рис. 23, 9, 14], пригороде Солхата (XII–XIII вв.) [Крамаровский, 2009, с. 301–303, 313, рис. 3] и Эски-Кермене (конец XIII в.) [Айбабин, Хайретдинова, 2011, с. 425, 446, рис. 14]. Торце кенотафа украшен изображением *сиро-египетской стеклянной лампы с горящим фитилем; лампа снабжена высоким поддоном*. Тип таких ламп, судя по находкам на городище Солхата, был хорошо известен в городской культуре. Он же является одним из любимых мотивов в искусстве ислама.

Стеклянные подвесные лампы с фитилем, погруженным в жидкое масло, изготавливались и в Византии, а возможно, и в Румском султанате. Однако в их формах отсутствует раструб поддона. Нижняя часть таких ламп заканчивается полусферой с массивным литником в центре, как в нашей находке на городище Бокаташ II близ Солхата (XII – нач. XIII вв.) или лампе из раскопок часовни на плато Эски-Кермена (XIII в.). Подобные лампы известны по материалам из Коринфа и Херсонеса.

Типологической параллелью надгробию Аврамя в материалах из Солхата является кенотаф (илл. 2) с двускатным завершением и арабской надписью: «*Кто скромнее людей, того Аллах возвысит! Кто оставляет*

после себя в наследие знание, не умирает!) (перевод М. Б. Пиотровского) [Крамаровский, 2012, с. 139–145].

Несторианская атрибуция кенотафа была бы, скорее всего, невозможна, учитывая риторическое обращение в надписи к Пророку. Но на одном из торцов надгробия высечено изображение *латинского креста*, а на противоположном торце – изображение *исламской лампы*, по абрису подобной лампе надгробия Аврамя.

Близкий по типу крест можно видеть на торце несторианского надгробия эпохи Юань (1277–1367) из Центральной Азии в собрании музея Гимэ (musée Guimet), где несторианская традиция восходит к керамитам домонгольского времени [Delacour, 2004, p. 85–99, fig. 2 a-b, 3 a-b].

Свет лампы в надгробии из Солхата – символ Бога (Аллаха) – творца мира, пославшего к людям своего посланника Мухаммада.⁵ Это следует из 24 суры Корана, которая так и называется – «Свет». Для нас важен стих 35: «*Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины <...>. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!*» [Коран. 24: 35].

И крест, и лампа на наших надгробиях равновелики. Оба символа в декоре надгробия 2 обрамлены венками, придающими изображениям торжественный геральдический характер. То обстоятельство, что христианский символ – крест – «уравновешивается» исламским символом – лампой, излучающей Свет (а не минаретом – обычной антитезой в мусульманской риторике), лишь подчеркивает отсутствие оттенка агрессивной коннотации в характере сопоставления.

Что же символизирует крест? Полагаю, один

⁵ Краткая форма символа веры ислама (*шахада*) гласит: «Нет никакого божества. Кроме единого Бога (Аллаха), и Мухаммад – посланник его».

из выразительных вариантов ответа, прямо не связанный с несторианской средой, дает текст реверса золотой монеты 1251 г., имитирующей айюбидский чекан. Арабская надпись монеты, выбитой в крестоносной Акре, гласит: «Мы гордимся крестом Господа нашего Иисуса, Мессии. В Нем наше спасение, наша жизнь и наше воскресение, в Нем наша безопасность и искупление грехов» [Хилленбранд, 2008, с. 389].

Уместно отметить, что в Акре служащие таможи говорили и писали по-арабски.

Равноконечные кресты (большой серебряный между четырьмя малыми золотыми), заполняющие поле геральдического щита, можно видеть и в гербе Иерусалима на бронзовом тазе, изготовленном в Каире или Дамаске арабским мастером для короля Иерусалима и Кипра Гуго де Лузиньяна (1324-1359) [Хилленбранд, 2008, рис. 5.33]. Подобный же крест – на парфюмерном сосуде из цветного стекла в Madina Collection в Нью-Йорке, конец XIII – начало XIV вв. [Atil, 1981, p. 141, № 61].

Как следует из надписи, солхатский памятник создан для «человека знания». Надгробие, посвященное городскому интеллигенту, – случай если не уникальный, то довольно редкий. В эпитафии надгробия, его символике отражена идея **культурной конвергенции** той части городского населения, место встречи которой определялось не церковью или мечетью, а городской улицей.

К. Хилленбранд, специально изучавшая образ «другого» в контексте исламского восприятия «слуг Мессии», привела малоизвестное сочинение «Книги посоха» (*Kitab al-'asa*), в котором герой (Usama ibn Munqidh) с редким для мусульманина пиететом говорит о благочестии христианских монахов из капитула ордена Св. Иоанна. Усама наблюдал молящихся в церкви у гробницы Св. Иоанна Крестителя в Себастии в провинции Наблус: «...Я нашел приоткрытую дверь, открыл ее и вошел в церковь. Внутри было около десятка старых людей, их обнаженные головы были белыми, как расчесанный хлопок. Они стояли ли-

Илл. 2. Кенотаф с надписью: «Кто скромнее с людьми, того Аллах возвысит! Кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает!».

Торец с изображением лампы

Торец с изображением креста

цом на восток, и на груди были (вышитые?) посохи, оканчивающиеся перекрестием, загнутым вверх, как задняя часть седла. Они клялись на этом знаке и предоставляли гостеприимство тем, кто в нем нуждался. Вид их благочестия тронул мое сердце (разрядка моя. – М.К.), ибо я никогда не видел такого рвения и набожности среди мусульман» [Хиллебранд, 2008, с. 302].

И все-таки следует подчеркнуть, что символы, высеченные на торцах кенотафа и объединенные «примиряющей» надписью с комплементарной отсылкой к *Пророку*, не следует считать проявлением культурного синкретизма. Речь, скорее, могла бы идти о признании *улицей идеи дуальности, отраженной в личности человека*, в честь которого и были созданы наши памятники.

Присутствие восточных христиан в Восточном Крыму не вызывает большого удивления. Известно, что два из трех персоязычных переводов Четвероевангелия, созданных в XIV в. в Крыму, переписаны в Солхате. Самый ранний список рукописи 742/1341 г. выполнен в Каффе Шим'уном б. Йусуфом Ибрахимом ат-Табризи [Притула, 2004, с. 21.]. В Солхате в 1338 г., как полагает А. М. Пьемонтезе, переписаны Евангелие от Матфея и от Марка (переписчик Амин-ад-дин Кутлуг Бау) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик Зийа-ад-дин хаджи б. Маула На'иб Нур-ад-дин). Принято считать, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Здесь же, в Солхате, что следует из записи в колофоне, в 1374 г. переписан несторианский лекционарий (евангелиарий). Список этого лекционария сделан с персидского перевода середины XIII в. Текст изобилует сиризмами, и, как считают исследователи, литургия несторианской церкви Солхата, вероятно, шла на тюркском языке [Притула, 2004, с. 27, 34, 35, 93].

Символы нескольких религий в пределах одного памятника – явление редкое, но не исключительное. Как правило, в таких случаях доминирует формула «сакральное не терпит плюрализма». Когда при императоре Юстиниане в 532 г. в Константинополе стали возводить Базилику Цистерна, то две

из 336 восьмиметровых колонн подземного водохранилища, где и сейчас плавают рыбы, строители снабдили базами в виде массивных блоков мраморных капителей из античного святилища водяных нимф – *нимфеума* – с изображением перевернутых голов Медузы. Поверженные головы божества как нельзя более точно отразили отношение местной христианской общины к духовному наследию язычников. Аналогичный прием повторил мусульманский мастер Абул-л-Фида при сооружении михраба мечети Джами'ан-Нури (нач. XIV в.) в Хаме (Сирия), где византийская капитель намеренно перевернута абакой книзу, чтобы подчеркнуть значение победы исламского оружия над христианами [Хиллебранд, 2008, рис. 6.49]. Примечательно, что позолоченный крест с Купола Скалы, посланный в Багдад после разгрома Иерусалима, был закопан перед Нубийскими воротами города с тем, чтобы правоверные могли попирать его ногами. При этом Салах ад-дин (1138–1193), вопреки мнению своего окружения, принял решение не разрушать церковь Гроба Господня в 1187 г.

Итак, сопоставление двух кенотафов из Солхата дает основание для следующих наблюдений:

оба памятника подтверждают существование византийского православного и несторианского векторов в жизни христианской общины города. Содержательные различия и несовпадения в декоре обусловлены разными традициями в обряде, догматике, канонах и в ремесленной выучке камнерезов. В реальной жизни наряду с византийской ортодоксией и несторианством в городе значительное место принадлежало католическому и григорианскому сегментам культуры;

предположение о доминантной роли армянской ремесленной традиции в создании кенотафа для прихожанина византийской православной церкви принимается нами в качестве рабочей версии;

изображение сиро-египетской стеклянной лампы, излучающей свет (с зажженным фитилем), на обоих надгробиях как *символе Спасителя, в одном случае, и Аллаха, в дру-*

гом, можно объяснить неизбежностью рефлексии на контакты соседских инокультурных общин, маркером которых она (лампа) выступает. Вместе с тем образ *исламской* лампы в символике *христианского* надгробия можно интерпретировать и как *проявление тенденции к созданию нового культурного единства* городской улицы.

Вопрос о признании улицей *дуальной идентичности* не названного по имени человека, чьей памяти посвящено надгробие с арабской надписью, требует дополнительных доказательств. Уважительное отношение к личности владельца кенотафа и его духовному авторитету подчеркнуто имперсональностью героя и коннотацией (утверждением) бессмертия его дела: ведь *тот*, «... кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает»!

В несторианском скриптории, что следует из надписи в колофоне, в 1374 г. переписан лекционарий (*евангелиарий*). Спи-

сок лекционария 1374 г. сделан с рукописи персидского перевода середины XIII ст. В Солхате в 1338 г. под руководством католических миссионеров, как полагает А. М. Пьемонтесе, переписаны Евангелие от Матфея⁶ и от Марка (переписчик *Амин ад-Дин Кутлуг Бай*) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик *Зийа ад Дин Хадже б. Маула На`иб Нур ад-Дин*); считается, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Наличие монастырского (?) скриптория скорее говорит в пользу существования католической общины, на чьи средства переписывались богослужебные книги. Едва ли нас могут смутить тюркское и арабское имя переписчиков. Обращение тюрков в католичество и православие в конце XIII в. в Крыму демонстрируют как тексты “Codex’a Cumanicus” (конец XIII – нач. XIV вв.), так и тюркские имена Судакского синаскаря [Golden, 1992, pp. 38–40; Байер, 1995, с. 65–68].

Литература и источники

1. Atil E. Renaissance of Islam. Art of the Mamluks. Washington, 1981.
2. Davidson, Gladys R. *Corinth, Vol. 12, The Minor Objects*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952.
3. Delacour Catherine. Un ensemble funéraire Öngüt du Debut de l’epoque Yuan provenant de Mongolie intérieure // *Arts Asiatiques*, tome 60– 2005.
4. Golden P. B. The Codex Cumanicus // *Central Asian Monuments* / Ed. H. Paksoy. Istanbul, 1992.
5. Айбабин А. И., Хайретдинова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь-Керчь, 2011. С. 422–457.
6. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просографического лексикона времени Палеологов // *Византия и средневековый Крым*. Симферополь, 1995.
7. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2003.
8. Крамаровский М. Г. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // *Золотоордынская цивилизация*. Казань, 2017. № 10.
9. Крамаровский М. Г. Редкая сельджукская (?) лампа XII – начала XIII вв. из пригорода Солхата // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2009.
10. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.
11. Притула А. Д. Христианство и персидская книжность XIII–XIV вв. // *Православный Палестинский сборник*. Вып. 10. СПб., 2004.
12. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. М.-СПб., 2008.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

⁶ А. М. Пьемонтесе полагает, что Евангелие от Иоанна переведено с латыни, а три других – с сирийского [Притула, 2004, с. 26, 27].

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ (ФОНТАНЫ, БАНИ, ВОДОПРОВОДЫ)

ВОДОСНАБЖЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ СОЛХАТЕ

Тема питьевой воды в средневековом Солхате (Крым, Эски Крым) изучена все еще недостаточно. Проблема складывается из двух основных частей. Первая связана с установлением характера водных источников, вторая – с доставкой воды к жилым кварталам и организацией ее потребления. Разумеется, задача по выявлению и анализу водных источников лежит в области гидрологии и смежных с ней дисциплин, включая почвоведение; особенности водопользования находятся в прямой зависимости от природы источников воды и культурных традиций населения. Отражая уровень социальной организации населения, водная система города – один из объектов комплексного исторического анализа.

Лишь недавно группа ученых-почвоведов во главе с Н. О. Ковалевой показала несостоятельность гипотезы водоснабжения Солхата горной росой [Ковалева, 2014, с. 79–80].¹ По их наблюдениям, источником постоянного водоснабжения города в средние века явились грунтовые воды, накапливаемые в карстовых полостях Агармыша вдоль бровки Внешней куэсты на глубине 0,5–5 м. за счет «...избытка гравитационной влаги во

влажные климатические эпизоды» [Ковалева, 2014, с. 80–82]. Вместе с тем некоторые наблюдения почвоведов и, прежде всего, проблема традиций местного водопользования (в том числе и его организации в городе, состоявшем из нескольких этно-религиозных общин) требуют определенных уточнений.

Общая повседневная жизнь горожан определялась тремя главными факторами – властью представителя золотоордынского хана (*баскака*, тюркск.) и общим для всех горожан рынком, развитие которого стимулировало введение с начала 1260-х гг. общегосударственного монетного чекана. В отношениях с властью уже с начала XIV в. бесспорен приоритет исламской общины, в основном ориентированной на Рум [Крамаровский, 2014, с. 5–17]. Одним из важных объединяющих факторов, несомненно, являлась и *единая система водопользования*. Однако о ее обустройстве и, тем более, принципах построения сведений почти нет. В то же время едва ли можно сомневаться, что организация водопользования и обслуживание водных систем на территориях сложившихся общин, хотя и входила в компетенцию их старейшин, но подчинялась единой общегородской структуре, осуществляющей контроль над поддержанием дренажной сети по сбору поземных стоков и распределением водных ресурсов.

Нарративные источники ничего не сообщают о воде в Солхате. Посетивший Крым в 1-й трети XIV в. опытный путешественник и наблюдатель араб Ибн Баттута отзывается

¹ Романтизированная идея о добыче влаги в Старом Крыму из атмосферы за счет перепада дневных и ночных температур легла в основу главы «Горная роса» повести К. Паустовского «Черное море» [Паустовский, 2011, с. 24–27]. Ее вероятный источник – научная гипотеза о роли подземной росы в водоснабжении Феодосии [Зибольд, 1904]. Вопросы технологии и древних гидротехнических сооружений, основанные на добыче влаги из атмосферы, продолжали быть актуальными вплоть до 30-х годов прошлого века – см. [Жуков, 1931].

о Солхате-Крыме, как о «...городе большом и красивом» [История, 2005, с. 209], и только. Для сравнения подчеркнем, что в соседнем Судаке кроме гавани («одной из самых больших и самых лучших») Ибн Баттута отметил «сады и воды» в городской округе» [История, 2005, с. 228]. В описании Маджар на Северном Кавказе путешественник выделил реку и плодоносные сады, в Пятигорье – «ключ горячей воды» для целебных ванн, в Хаджи-Тархане, «...одном из лучших городов с большими базарами», – реку Итиль (Волгу), «...которая одна из больших рек мира» [История, 2005, с. 227]. В столичном Сарае, поразившем путешественника плотностью жилой застройки, величиной территории и шириной улиц, Ибн Баттута не преминул подчеркнуть отсутствие садов [История, 2005, с. 231]. Впрочем, это наблюдение, как представляется, связано не с дефицитом воды, а с климатическими условиями и отсутствием площадей для садово-огородных культур в границах поселения, раскинувшегося на низком берегу Ахтубы. Посетивший Эски-Крым в середине XVII в. Эвлия Челеби, восторженно отозвавшийся о прошлом Солхата, вопреки реалиям картины «города развалин», отмечает сохранившиеся «...сады и виноградники» [Шершелев, 1993, с. 662]. Примечательно, что в констатации канувших в Лету достопримечательностей бывшей столицы он называет «...две тысячи родников» – источников жизни, *себиль-хане* (фонтанное устройство – М. К.) для жаждущих «в двух тысячах мест», добавляя при этом «...сорок тысяч домашних колодцев...» жителей Солхата [Шершелев, 1993, с. 659]. Нет сомнения, что эти фантастические сведения взяты путешественником из рассказов стариков и относятся к разряду мифов о «золотом веке» Солхата.

На карте 1783 г. отмечено местоположение 12 фонтанных устройств, но даже и в наше время история старого водопользования сохранилась в названии одной из улиц южных районов Старого Крыма. Улица «Фонтанная», т. е. улица, где находилось несколько *себиль-хане*, связанных с *галерея-*

ми-кяризами (от тюрк. «кяриз» – подземная система водозабора – см. ниже), пересекает с севера на юг некогда центральную часть караимо-раббанитского сектора городища.

Рельеф и климат. Итак, Солхат/Крым – «молодой» и красивый город, выросший в безымянной долине в 1240–1260-е гг., обрамленной кромкой восточной части внутренней гряды Крымских гор. Пологие склоны солхатских горных массивов представляют собой восточную яйлу, ориентированную в направлении с юго-запада на северо-восток (длина хребта ок. восьми км). Далее к северу начинается Великая степь. Таким образом, Солхат расположен на границе двух природно-климатических зон – степной и предгорной. Высшая точка гряды в районе горы Большой Агармыш (Агармыш – с тюркского – Седой) на западе достигает 722,6 м над уровнем моря; высшая точка хребта Таз (Лысый) Агармыш – на севере – 518,1 м [Комарова, 1993, с. 19]. Характерная особенность рельефа состоит в том, что дневной уровень межуэстовых понижений в этом районе, покрытых лесом из бука, дуба и восточного граба (а с южной стороны еще зарослями можжевельника и кизила), иссеченных сетью каньонов,² резко падает с северо-востока (от подножия массива Большого Агармыш) к речному протоку на юго-востоке долины. Абсолютные отметки дневной поверхности, имеющей уклон в юго-восточном направлении, снижаются с 550 до 280 метров. Здесь, на самой нижней границе низкогорья в 200–250 м к юго-востоку от городской черты времени последней четверти XIV ст., некогда протекал (и сохранился до наших дней в засушливый период как ручей) немногочисленный горный проток

² Наиболее крупные каньоны (укр. *балки*) – Георгиевский и Кизилый расположены в седловине между Большим и Малым Агармышем. Протяженность Георгиевского каньона более 2,8 км; его ширина в средней части – до 70 м. Уклоны по тальвегу: в верховье – 12°, в средней части – 8°, в низовье – 3°. Кизилый каньон – более узкий, но с более крутыми склонами. В средней части каньон меняет направление с северо-восточного на восточное и имеет уклон 4–6°; его протяженность – 3,5 км. [13, с. 19, 20].

Булзык.³ *Нынешнее название «речки», несмотря на мелководье, впадающей в Сиваш, – «Чурук-су» («Гнилая вода»).*

Судя по величине обмелевшего русла, горный проток, текущий в направлении на северо-восток и поддерживаемый водами родников, поверхностных и грунтовых стоков, не всегда обладал столь ничтожным водным балансом, как в наши дни. Впрочем, по наблюдениям известного крымского гидролога А. Н. Олиферова, в горных реках Крыма при всей сезонной неравномерности наполняемости, в том числе и за многие годы в периоды засух, водные стоки падают с 0,51 до 0,22 м/куб. в секунду [Олиферов, 1999, с. 10-12]. Это означает, что в летний сезон на одного человека приходится всего 18 м/куб. речной воды [Ковалева, 2014, с. 81]. Если данные общекрымской гидрологии применимы к частному случаю Солхата, не приходится сомневаться, что стоков Булзыка/Чурук-су было достаточно разве что для водопоя хозяйского скота и лошадей жителей средневекового города. К тому же сторонники гипотезы обеспечения горожан Солхата *речной водой* не в достаточной мере оценили техническую сложность подъема булзыкских стоков на десятки метров (при углах подъема 8°–12° и более) к высотным отметкам куэстового высокогорья [Ковалева, 2014, с. 85]. Напротив, именно отсюда подземные потоки должны были самотеком распределяться по карстовым полостям и водоносным горизонтам, достигая местами нижней границы долины, где и пролегало русло горной речки.

В целом, по наблюдениям специалистов, физико-географические условия района благоприятны для водоснабжения города подземными стоками. Тем более что естественные площади водосбора позволяют накопить достаточные объемы воды для покрытия сезонных дефицитов [Комарова, 2014, с. 21].⁴

³ Годроним «Булзык» отмечен на одной из наиболее ранних карт, датируемой ок.1783 г.

⁴ Необходимо иметь в виду, что авторы привлекаемого нами Отчета, исследовали возможности привлечения дополнительного водоснабжения со-

По климатическим данным, предгорные и горные районы Юго-Восточного Крыма входят в ареал, отличающийся аридностью, т. е. сухим климатом с высокой температурой воздуха, большими суточными колебаниями и малым количеством атмосферных осадков. Тем не менее климатические условия в районе городища Солхата/Крыма относительно благоприятны. Специалисты располагают данными наблюдений метеостанций «Старый Крым» (1933–1937 гг.) и «Кринички» (1941–1956 гг.), но также по двум близлежащим к городу метеостанциям «Владиславовка» и «Феодосия» за период с 1972 по 1992 гг. [Комарова, 1993, с. 11–13].⁵ Самыми теплыми месяцами с многолетними среднемесячными температурами являются июль (+ 23,3°С) и август (+22,8°С). Средняя продолжительность безморозного периода в Старом Крыму – 196 дней. Снежный покров отличается неустойчивостью, но бывает ежегодно. Высота снежного покрова колеблется от 7 до 70 см, и в среднем составляет 24 см. Средняя многолетняя годовая сумма осадков, по наблюдениям метеостанции «Старый Крым», составляет 509 мм, по станции «Кринички» – 485 мм, по станции «Феодосия» – 475 мм и по станции «Владиславовка» – 440 мм. Максимум осадков приходится на период апреля – октября – 237–280 мм/год. Большинство осадков выпадает в виде ливней. Суточный максимум осадков 1% обеспеченности составляет 150 мм. Заканчивая характеристику климатических условий, в основном по данным Отчета 1993 г., отметим, что самая низкая относительная влажность в городе наблюдается в июле – августе – до 58–59%. Дефицит влажности в летние месяцы составляет 12–13 м/куб, а в зимние – 1–2 м/куб.

временного Старого Крыма с поверхности и подземных стоков двух локальных участков – каньона Георгиевской балки и склонов Агармышы в районе Старокрымского санатория. При этом учитывался запас воды в 4 млн. куб. м из искусственного водоема, питающегося днепровскими водами Сев.-Крымского канала, построенного в 1961–1971 гг.

⁵ Здесь и далее авторы опираются на данные Отчета, приводимые О. А. Комаровой, – см: [Комарова, 1993, с. 13–21].

Господствующими ветрами для Старо-Крымского района (от них зависят объемы испарений) являются юго-западные и западные; среднегодовая скорость ветра – 2,9 м/с. Не входя в характеристику водных утрат для склонов агармышского массива, подсчитываемых по разным методикам, остановимся на констатации величины испарений в 300–350 мм/год, что составляет 60–70% от суммы годовых осадков.

Итак, гидрографические наблюдения, связанные с несостоявшимся проектом восстановления водосборных галерей Старого Крыма, позволяют отметить благоприятные условия для организации водоснабжения поселения с населением до 10–11 тысяч человек. Среди них – два важнейших. Во-первых, годовая норма осадков в 400–500 мм позволяет накопить на естественных площадях водосбора достаточные объемы воды для покрытия сезонных дефицитов. Во-вторых, особенности рельефа северо-восточных склонов Агармыша (при определенных условиях) дают возможность аккумулировать все поверхностные и подземные водные стоки [Комарова, 1993, с. 21]. Основным водоносным горизонтом является горизонт пролювиальных нижне-четвертичных отложений [Устав, 1863, с. 44].

Естественные ресурсы подземных вод в настоящее время не слишком высоки и составляют для Георгиевского каньона 620–650 м куб./сутки и для участка Старо-крымского санатория, расположенного к северо-западу от современного города, 370–380 м куб./сутки. В естественном состоянии подземные воды – пресные, со смешанным химическим составом. Отмечаются повышенная жесткость и некоторые отклонения питьевой воды от ГОСТа 2874-82 (по содержанию нитратов и аммиака) [Устав, 1863, с. 44].

Очевидно, что данные современных геологических наблюдений скорее подтверждают, чем противоречат вероятности водосборов подземных стоков солхатской куэсты в древности.

Как это осуществлялось? Свойство из-

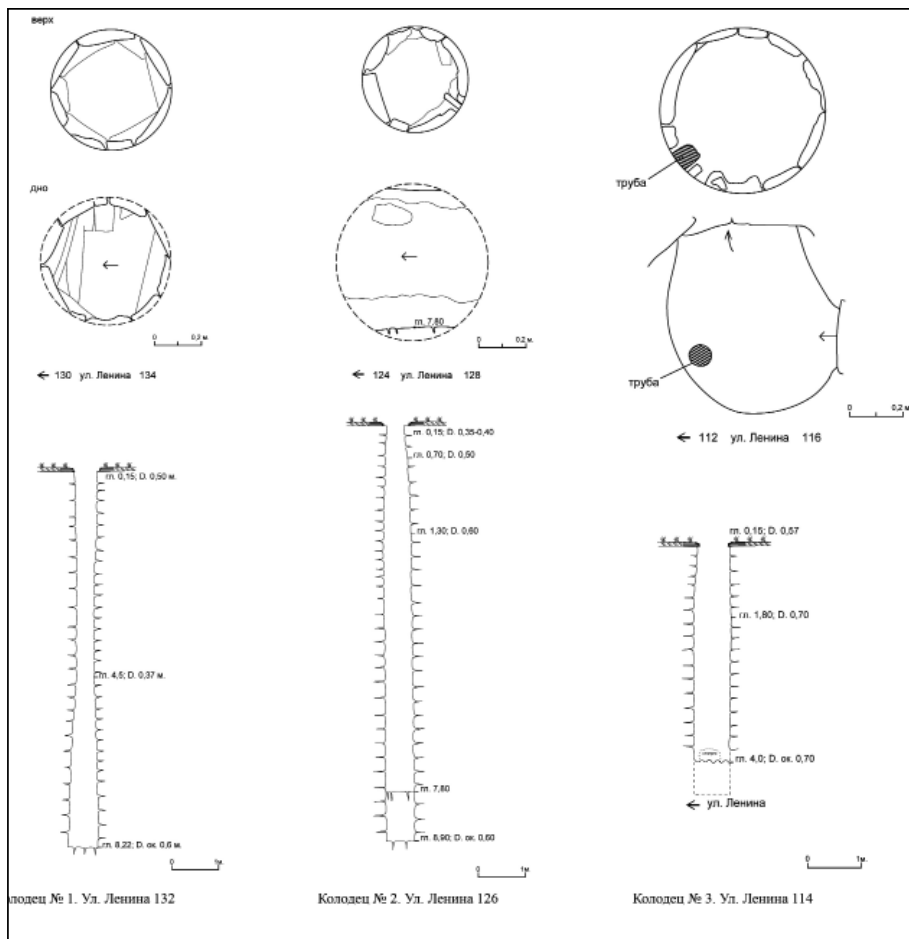

Илл. 1. – План-схема города (на основе топографической съемки 1783 г.);

вестняка образовывать карстовые структуры исключает сбор питьевой воды в рамках системы традиционных колодцев, характерных, к примеру, для европейской лесостепной зоны. Вода подземных стоков в средневековом Солхате и его округе собиралась сетью *кяризов*, водосборных галерей (штолен) для захвата и вывода на поверхность подземных вод, связанных между собой системой штолен (протоков). Штольни прокладывались на уровне подземных водоносных горизонтов; преимущественная глубина залегания штолен – от 5–6 до 9–12 м.⁶

Кяризы характерны для многих регионов Ближнего и Среднего Востока, где они из-

⁶ Глубина дренажных каналов иногда достигает 15–20 м, а сами они могут иметь переменное сечение. Канайет Амисаредди в Сирии имеет изменяющееся (в зависимости от плотности грунта) сечение от 0,8 x 1,6 м в плотных меловых отложениях до 0,6 x 0,9 м в рыхлых слоях, требующих облицовки камнем [Челеби, 1928]. Подземная галерея кяриза Коне-Мурча (Туркмения) имеет высоту до 4-х м при ширине 2 м.

Илл. 2. Разрезы и обмеры осветительных колодцев, Исследования Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 2014 г.;

вестны под разными названиями: *геттары* в Марокко, *канкасы* в Иране, *керизы* в Ираке, *кяризы* в Туркестане. Одним из первых на традицию водосбора с помощью кяризов обратил внимание акад. В. В. Бартольд, отметив их существование по письменным источникам в Мерве и Сауране [Бартольд, 1965, с. 130, 138, 225]. Средневековый Сауран (Южный Казахстан) в 1-й пол. XIV в. – столица Левого крыла Золотой Орды (Белой Орды). В районе Саурана археологами на территории 400 кв. км обнаружено 235 кяризов, насчитывающих 9000 осветительных колодцев [Акишев, 1973, с. 76–78; 28, с. 172–190; 4, с. 74–77; 29]. *Керизы* в Иране отметил и акад. И. П. Петрушевский [Петрушевский, 1960]; о традиции кяризов в Туркмении – см. заметку проф. Овеза Гундогыева (Инст.Археол. и Этнограф. АН Туркме-

нистана) [сайт:cawater-info/net>all_about_water/?p=7861].

В Солхат/Крым технология кяризов, пришла, по-видимому, вместе с мигрантами из Рума и Средней Азии в монгольскую эпоху. Здесь, в Крыму, она еще известна для Евпатории (средневекового Гезлева), где укореняется не раньше рубежа XV–XVI вв. В целом же система кяризов (*керизов, канайетов*) на поселениях и в городах Восточного Крыма все еще мало исследована. Характерно, что и литература по проблеме водоснабжения в Крыму в целом не слишком велика [см., например: Репников, 1932, с. 45–50; 6; Моисеев, 1939, с. 135 – 137; 14].

Кяризы (дренажные каналы) немислимы без вертикальных стволов шахт (колодцев). Вертикальные колодцы служили для осветления воды и ее насыщения кислородом (а, возможно, и поддержания гидростатического давления в системе кяризов). В конце 1980-х годов один из авторов статьи имел случай опуститься в такую шахту в Солхате глубиной около 8 м. Отметим грушевидный водосборник у ее дна, куда сходились две малоформатные штольни, обеспечивающие поступление воды, и не укрепленные камнем стенки. В момент обследования водосборник был наполнен проточной водой с уровня штолен на глубину до 1,5 м.

Несколько исследованных нами в 2014 г. осветительных колодцев на территории города и его ближайшей округи диам. до 0,8–0,9 м оказались обложены камнем на всю

глубину ствола на глубину до 8,2 м (илл. 2). Шаг между стволами колодцев, расположенными на одной линии, достигает от 50-ти до 70-ти метров.⁷

На поверхность вода, собранная системой кяризов, посредством галерей и водоводов из керамических труб выводилась через общественные фонтаны, откуда питьевая вода круглосуточно была доступна населению общин.

Водоводы из керамических труб в культурном слое городища встречаются достаточно часто. Последние три из них обнаружены нами в сезоне 2016 г. на отрезке более 20 м в северо-восточном секторе городища на глубине до 2 м от современной дневной поверхности.⁸ Стыки отдельных секций (колен), составляющих водовод, скреплены известковым раствором; сохранность подавляющего большинства секций (колен) близка к идеальной. Водозабор на данном участке городища осуществлялся, вероятно, с помощью *чигирей*, приводимых в движение тягловыми животными, из исчезнувшего к нашему времени горного протока.

Архитектура парадных фонтанов (*себиль-хане*) для питьевой воды запечатлена акварельным рисунком 1797 г. пейзажиста и военного художника М. М. Иванова (1748–1823).⁹ На нем изображен фонтан в северном секторе предпортальной площади медресе Солхата 1-й трети XIV в. (илл. 3). Примечательна типологическая близость форм фонтанов исламского Солхата и армянского монастыря Сурб-Хач (конец XIV – начало XV вв.), что, по-видимому, связано с традициями общей малоазийской прародины мигрантов.

Илл. 3. Худ. М. М. Иванов. Вид на предпортальную площадь медресе Солхата. Акварель, последняя четверть XVIII в. Фонтанное устройство (*себиль-хане*) изображено справа от портала медресе.

Другой тип водоема мы исследовали в закрытом дворике медресе Солхата. *Шадырван* в форме прямоугольника занимал центральное место двора (от него сохранилась платформа основания размером 2,7 x 4,1 м) [18, т. 1, с. 23; т. 2, рис. 169–172, 174]. К чаше водоема было проложено водоподводящее устройство из керамических труб с каменной муфтой, поднимающей воду в чашу фонтана под прямым углом. На уровне пола двора, с северо-востока (*за водоемом*) расчищено устье поглощающего колодца диам. 2,0 м. в верхней части; на глубине 1,3 м колодец перекрыт плитой песчаника с отверстием диам. 1,0 м; диам. ствола колодца – 0,9 м (прослежен на глубину 3,5 м от вымостки двора).

На территориях религиозных общин сооружение фонтанов и колодцев являлось не только частью общей программы городского благоустройства, но и объектом филантропической деятельности.

Водные источники – излюбленный объект исламской благотворительности, поскольку здесь представления о воде сакрализованы и тесно связаны с религиозными нормами: *«Разве не видели те, которые не веровали, что небеса и земля были соединены, а Мы их разделили и сделали из воды всякую вещь живую. Неужели они не*

⁷ Совершенно другую функцию выполняли колодцы Царевского городища – см.: Савельев 2012, с. 288–289.

⁸ Длина одной секции (колена) от 53,5 см до 56,5 см, наибольший диаметр 16,2 см, диаметр стыковочного узла 11,0 см.

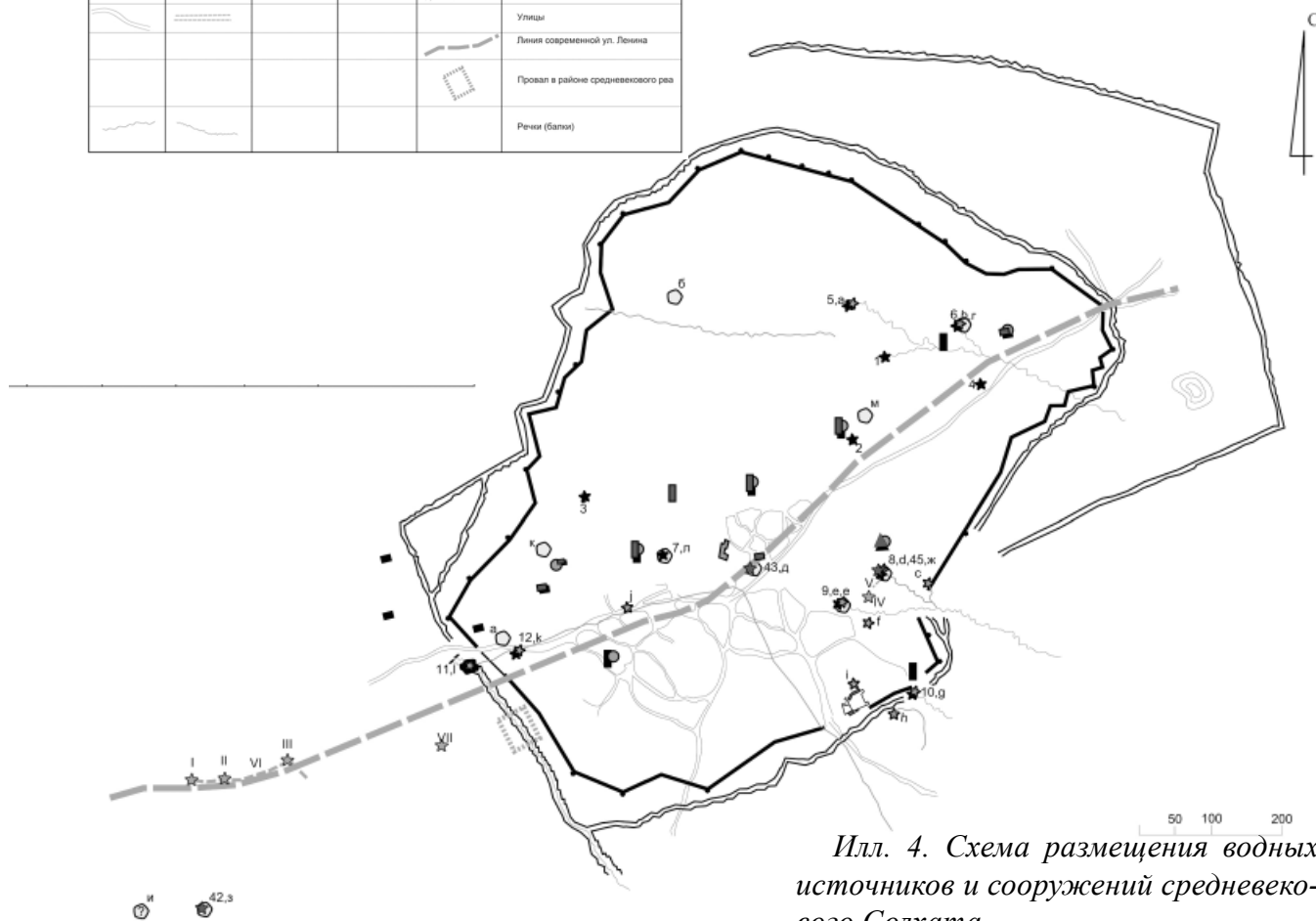
⁹ Сведения о жизни и творчестве И.И.Иванова – см.: [Капарулина, 2005, с. 1–21].

уверуют?» [Коран, 21: 31 (30)]. Примером является колодец в Отузах, что неподалеку от Солхата, сооруженный в 760 г. х. = 1358 г. незадолго до кончины неким Идрисом (ум. 1361 г.), сыном шейха Хаджи Яхья Отузского, мигранта из Ирака [Акчокраклы, с. 15]. Колодец сооружен в начальный период политической нестабильности в Золотой Орде вскоре после смерти хана Джанибека по распоряжению (на средства?) правителя Солхата Кутлуг Тимур-бека, именуемого в строительной надписи «...великим эмиром» (там же). Об одном из общественных фонтанов на территории солхатского рынка рядом с могилой Кемаль Ата-султана, сообщает та-

рих 1057 г. х. = 1647 г., в текст которого была включена строка из Корана: «Из воды всякая вещь живая...». О нем сообщает Эвлия Челеби [Челеби, 1928, с. 664]. Несомненно, что водные источники в других национально-религиозных общинах города были построены по сходному принципу. В соседней Каффе, например, где общины тоже были структурированы по этно-конфессиональному принципу, в *Imposito officii Ghazariae* 1316 г. есть упоминание о водопроводе, построенном на средства армянской общины. Но базовой опорой здесь все же выступает сбор дождевых стоков в специальные цистерны и подземные водохранилища [Смагулов, 2011, с. 823, прим. 29], чего не было в Солхате. Возможно, в Каффе существовала смешанная система водоснабжения.

Устья колодцев для питьевой (?) воды (ее всегда нехватало) и здесь украшались надписями и геральдическими символами. Латинская посвяtitельная надпись на обрамлении одного из них гласит: «Michal de

карта 1783 г. карта конца XVIII в. Опорный план 2013 Заключение 2013 СКАЗГЭ-14				
				Линия крепостной стены и рва
				Мечети
				Церкви
				Караван-сарай
				Дворцы
				Фонтаны, источники и колоды
				Вертикальные колоды и линии скважины
				Улицы
				Линия современной ул. Ленина
				Провал в районе средневекового рва
				Речи (балки)

Илл. 4. Схема размещения водных источников и сооружений средневекового Солхата.

Padua mi feci MCCCXXXI die V agost» («Михаил из Падуи сделал меня в 1331 году дня 5 августа»); надпись сопровождается четырьмя геральдическими щитами [Крамаровский, 2012, с. 320, рис. 77].

В заключение несколько слов о противоливневых технических сооружениях в Солхате. Ливневый сток с сечением 0,5 х 0,7 м обнаружен нами под полом медресе Солхата вдоль его южной стены. Сток пронизывал сооружение в направлении с запада на восток на расстоянии ок. 29 м; при выходе на площадь он с поворотом на север шел вдоль порталной стены и на отрезке около 40 м поворачивал на восток. Стенки и пол канала оказались выстланы хорошо подогнанными плитами известняка. Выбор технического решения по прокладке водостока в полутора – двух метрах от фундамента и нижних кладок южной стены медресе, а не извне – вдоль улицы, говорит, скорее всего, о сложившейся еще до строительства медресе квартальной застройке, с которой пришлось считаться строителям. Вне здания медресе канал был перекрыт плоскими грубо обработанными плитами песчаника, уходящими под вымостку предпортальной площади. Ему предшествовал другой противоливневый сток с теми же параметрами, расположенный по улице вдоль южной стены медресе. Этот канал, по видимому, функционировал только в период строительства медресе.

Подобное устройство противоливневых каналов характерно для средневековой Кони. В совпадении строительных приемов при сооружении солхатских водостоков с конийскими нет ничего удивительного уже потому, что комплекс медресе середины 1-й трети XIV в. велся строительной артелью из исламской Анатолии [Крамаровский, 2014, с. 5–17].

Наш анализ топографии, отмеченных на планах конца XVIII в. фонтанов и колодцев Солхата-Крыма, показывает, что лишь чуть более 2% сооружений расположено за линией оборонительных сооружений города последней трети XIV в. (илл. 4). Зато все остальные – в черте средневекового города.

Это косвенно свидетельствует о динамичном развитии кяризной системы города в XIV и последующих столетиях.

Всего нами учтено 23 фонтана, 4 галереи кяризов и 5 осветительных колодцев. Из них к разряду частично действующих можно отнести три фонтана, один кяриз и один осветительный колодец (илл. 4).¹⁰ Водная система старого Солхата (Крыма) оказалась утрачена уже к началу XIX в. и окончательно погибла в 1-ю пол. XX в. в результате смены городского населения.

По данным «Отчета о результатах гидрогеологических изысканий» (1993 г.), на территории современного Старого Крыма учтено и описано 496 колодцев – см.: «Каталог колодцев и точек наблюдения» [Отчет, 1993а, кн. 2 (Текстовые приложения), с. 7–87] и сводку «Результаты обследования колодцев» [Отчет 1993б, кн. 2 (Текстовые приложения), с. 88–91]. Подавляющее число учтенных колодцев не связано с системой водоснабжения средневекового города и, как результат смены населения, принадлежат к традиции, характерной для Среднерусской равнины.

Данных о принципах организации водопользования в Солхате XIII–XIV вв. практически нет. Можно лишь предположить, что сооружение водоподводящих систем на территориях отдельных участков города осуществлялось на собственные средства общин, но нельзя исключить, что труд *кяризных* мастеров оплачивался пайщиками в зависимости от доли суточного потребления воды для поливов или каких-либо технических нужд.

В Крыму некоторые сведения об организации водопользования есть лишь по источникам генуэзской Каффы. Здесь, согласно Уставу 1449 г., смотритель, под чьим контролем находились городские водопроводы, подчинялся Попечительскому комитету. В его ведение входил надзор за оборонитель-

¹⁰ Приношу глубокую благодарность В. А. Шестакову за указание на размещение отдельных осветительных колодцев. Наблюдения о совмещении современного топографического плана города с картами конца XVIII в., точках совмещения, погрешностях и выявленных объектах проведены А. Н. Тепляковой.

ными стенами, башнями арсенала и корабельного дока, но также и водным хозяйством, что подчеркивает место водной проблемы в структуре стратегических проблем города [Устав, 1863, гл. 6, § 5, с. 675; § 10, с. 677]. Должность *superstantem unum aquarum* оплачивалась из сумм Комитета (16 соммо годовых) и 480 аспров в год из статей Казначейства [Устав, 1863, § 5, с. 677; гл. 27,

§ 7, с. 704]. В Солдае генуэзского периода мастер-смотритель водопроводов получал годовое жалование в 780 аспров (из расчета 65 аспров за месяц) [Устав, 1863, раздел «Об устройстве Солдаи», § 27, с. 772]. Вероятно, близкая хозяйственная структура, осуществлявшая поддержание водного баланса Солхата, существовала и в системе фискальных подразделений крымского наместника.

Литература и источники

1. Акишев Е. И, Байпаков К. М. Кязиры Саурана // Вестник Академии Наук Казахской ССР, 1973/74. Алма-Ата.
2. Акчокраклы О. Старокрымские и Отузские надписи XIII–XIV вв. // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», Т. I (58), 1927.
3. Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.
4. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Сочинения. Т. III, М., 1965.
5. Веймарн Е. В. Проблемы организованной воды в Крыму // Сообщения Государственной академии материальной культуры. Л., 1935, вып. 117.
6. Жуков Н. Н. О древних гидротехнических сооружениях в ближайших окрестностях г. Феодосии в связи с вопросом об изучении принципов добычи влаги из атмосферы // Сборник статей по экономике, быту и истории Феодосийского района. Вып. 1. Феодосия, 1931.
7. Заключение научно-археологической экспертизы и материалы для определения границ памятников археологии и зон охраны археологического культурного слоя на территории города Старый Крым АР Крым. Исполнитель А. В. Гаврилов. Симферополь, Крымский филиал Института Археологии НАНУ, 2013
8. Зибольд Ф. И. Роль горной росы в водоснабжении г. Феодосии // Почвоведение, №4. СПб., 1904.
9. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.
10. Капарулина О. А. «М. М. Иванов и пейзажная графика в России во второй половине XVIII века». АКД, СПб., 2005.
11. Ковалева Н. О., Столпникова Е. М., Ковалев И. В. Загадка водоснабжения средневековых городов Крыма // Социоестественная история. Вып. XXXVIII. Природа и общество в эпоху перемен. М., 2014.
12. Коваленко И. М. Культура водопользования народов Крыма // Ученые записки ТНУ. Серия «География». Симферополь. Т. 14, № 1.
13. Комарова О. Л. Физико-географическое описание района [Старого Крыма] // Отчет о результатах гидрогеологических изысканий по объекту «Составление проекта восстановления водосборных галерей в г. Старый Крым (Договор № 88 от 5 декабря 1991 г.)». Книга I. Текст (машинопись). Всесоюзное объединение «Союзводпроект», арендное предприятие «Совинтерводизыскания», М., 1993.
14. Крамаровский М. Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (анаголийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение, № 1. Казань, 2016.
15. Крамаровский М. Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII–XIV вв. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
16. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Ленинград, 1989.
17. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб. 2012.
18. Ломакин Д. Топографические источники конца XVIII– начала XX вв. по истории архитектурно-

археологических объектов периода Золотой Орды г. Старый Крым // Крымское историческое обозрение. № 3. Казань-Бахчисарай, 2015.

19. Моисеев Л. А. Иранские системы водоснабжения в Крыму // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.; Л., 1939.

20. Олиферов А. Н. Гидрография и гидрология // Вопросы развития Крыма. Вып. II. Симферополь, 1999.

21. Отчет о результатах гидрогеологических изысканий по объекту «Составление проекта восстановления водосборных галерей в г. Старый Крым (Договор № 88 от 5 декабря 1991 г.)». Книга II. (Текстовые приложения, машинопись). Всесоюзное объединение «Союзводпроект», арендное предприятие «Совинтерводизыскания». Приложение 2. Каталог колодцев М., 1993а.

22. Отчет о результатах гидрогеологических изысканий по объекту «Составление проекта восстановления водосборных галерей в г. Старый Крым (Договор № 88 от 5 декабря 1991 г.)». Книга II. (Текстовые приложения, машинопись). Всесоюзное объединение «Союзводпроект», арендное предприятие «Совинтерводизыскания». Приложение 3. Таблица «Результаты обследования колодцев». М., 1993б.

23. Паустовский К. Г. Горная роса // Воспоминания о Крыме. Избранное. Симферополь, 2011.

24. Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. Отв. ред. академик И. А. Орбели. М.-Л., 1960.

25. Репников Н. И., Шмит Ф. И. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // Сообщения Государственной академии материальной культуры. Л., 1932. № 9–10.

26. Савельев Н. И. Водоснабжение Царевского горордища // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012.

27. Смагулов Е. А. Древний Сауран. Алматы, 2011.

28. Смагулов Е. А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия Министерства образования и науки Академии наук Республики Казахстан / Общественные науки. 2003/1.

29. Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер., вступ. статья и примеч. В. Н. Юргевича // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. Ч. 2.

30. Шершелев М. И. Оценка естественных ресурсов // Отчет о результатах гидрогеологических изысканий по объекту «Составление проекта восстановления водосборных галерей в г. Старый Крым (Договор № 88 от 5 декабря 1991 г.)». Книга I. Текст (машинопись). Всесоюзное объединение «Союзводпроект», арендное предприятие «Совинтерводизыскания», М., 1993.

31. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Т. VII. Стамбул. 1928 (на турецком яз.).

32. Историко-архитектурный опорный план, меж і режими використання зон охорони пам'яток та історических ареалів м. Старий Крым АР, Крим. Симферополь, 2013.

33. Mazloum S. L'organisation hydraulique de deux oasis antiques: Qdevem et Amšreddi. Extrait du Limes de Chalcis par Poidebard et Mouterde, 1945.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ТАТ-АЙВАС-ЧЕШМЕ

Посетивший в 1833 г. Старый Крым П. И. Кеппен упоминает большой фонтан, называемый Белым (Ак-чешме), а также фонтан Тат Айвас-чешме (т. е. Святого Василия), который находился на летней даче

англичанина Артура Юнга к западу от некой Старокрымской дачи и к северу от дачи Старокрымского монастыря (по межеванию 1812 г.) [Гаврилов, Майко, с. 177–178].

Литература и источники

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

МАРТЫНОВ ФОНТАН С ПОДЗЕМНЫМ ВОДОПРОВОДОМ XIV—XV вв.

Северо-восточная часть города,
ул. Ленина

Мартынов фонтан. Открытка нач. XX в.

Мартынов фонтан, имевший своеобразную архитектуру малых форм, является памятником «водоснабжения в Крыму периода средневековья».

Отдельно стоящий фонтан построен из блоков известняка. Общая композиция: центральная плоскость фонтана вертикально возвышена и расчленена горизонтально профилированным камнем. С двух сторон, образуя грани, примыкают ступенчатые подпорные стенки.

Территория расположения бывшего фонтана, восточная часть современного Старого Крыма, северная сторона улицы, приблизительно в 300 метрах восточнее (?) строения Старокрымского сельскохозяйственного рынка. Согласно акту 24 августа 1926 года об обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму, Мартынов фонтан с подземным водопроводом был осмотрен группой исследователей в числе О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинского, Э. Я. Бэра и Б. Н. Засыпкина. Было установлено, что между фонтаном и находящейся

неподалеку армянской часовней¹ в некоторых местах были разбиты расположенные по направлению с запада на восток гончарные трубы сооружения, из-за чего вода течет поверх земли [Мусаева, 2007, с. 146–147]. Исследователи отнесли гидротехническое сооружение к числу древних сооружений Старого Крыма и с целью сохранения объекта от уничтожения и разрушения произвести ремонт Мартынова фонтана решили предложить местному городскому хозяйству. Вот что написал по этому поводу О. Акчокраклы в своей статье под названием «1928 сенеси ичинде Къырымда фений ве тарихий экспедициялар»:

«Ве бир де Эски-Къырымнынъ сув ёллары меселеси дикъкъате алынды ки, бунлардан базы козьге корюленлеринден бу сене ерли коммунхоз идареси файдаланмая башламыштыр. Месея, сую кесильмиш Мартынов фонтангъа сув, бу киби эски сув ёлларында кетирильди.

Келеджек сене экспедицияларында бу

¹ Армянская часовня св. Анны (уч. № 5534) была разобрана Старокрымским горсоветом в 1940 г.

сүз меселеси зиядесиле дикъ-къате алынаракъ, ише айрыджа гидро-техниклер де джелъп олунаджакътыр»² [Акчокраклы, 2006, с. 255].

На 1945 год Мартынов фонтан находился «за городом», в Георгиевской долине. Входил в список памятников архитектуры Крыма, подлежащих взятию на государственный учет и охрану. Согласно обследованию, время строительства сооружения – XIV–XV вв., был отнесен к числу неисследованных памятников – «водопровода древнего Солхата, действующего до сих пор».

На сегодняшний день объект культурного наследия средневекового времени отсутствует, время разборки/уничтожения не установлено. На момент осмотра (09.11.2018 г.) места расположения бывшего фонтана на возвышенности были выявлены следы современных земляных работ (траншея), на поверхности зафиксированы фрагменты керамических сосудов, водопроводных труб XIV–XV вв.

Приблизительное место расположения Мартынова фонтана. Фото 2018 г.

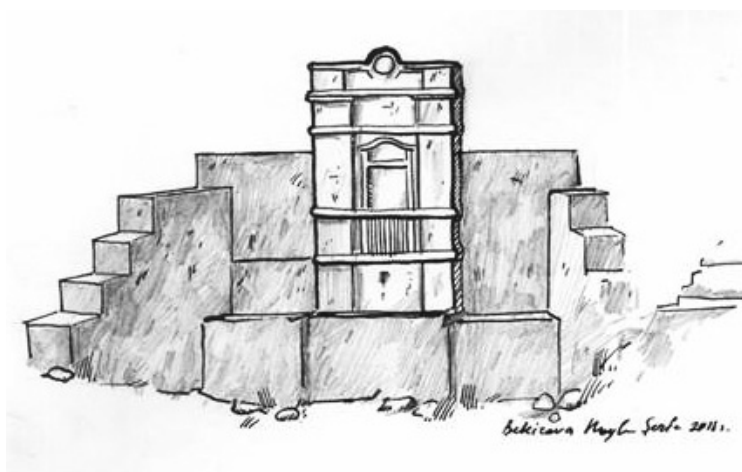

Рисунок Мартынова фонтана. (Рис. Н. Бекирова)

Литература и источники

1. Акчокраклы О. «1928 сенеси ичинде Къырымда фений ве тарихий экспедициялар» Осман Акъчокъракълы. Эсерлер топламы. Акъмесджит: «Таврия» нешрияты, къырымтатар эдебияты болюги. 2006.

2. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, лл. 57–58.

3. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, л. 91 (обр. ст.). Решения, Постановления, Положения, приказы комитета по делам архитектуры при СНК СССР и областного отдела, списки памятников архитектуры,

технические инструкции по охране, эксплуатации и ремонту памятников архитектуры. 20.02.1944 г. – 19.12.1945 г., 84 л.

4. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. – (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

² «Еще во внимание была взята проблема системы водоснабжения Старого Крыма, которой в этом году начал заниматься местный коммунальщик. К примеру, к высохшему фонтану Мартынова вода была подведена по старой системе водоснабжения. На следующий год, в экспедициях, большое внимание будет уделено системе водоснабжения, соответственно к работе будут привлечены и гидротехники» (перевод Абибуллаевой Эльмиры).

СТАРИННЫЙ ФОНТАН, XVI-XVII вв.

Махалле Кучук-мале (ул. Татарская),
ул. Халтурина, № 8 (бывшая ул. Холода)

Остатки фонтана. Современное состояние. Фото 2018 г.

Дом, рядом с которым находился фонтан. Современное состояние. Фото 2018 г.

До Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. эта улица имела название Татарская, после была переименована в ул. Холода.

Пристенный каменный фонтан прямоугольной формы, из камня известняка, расположен по соседству со старым домом, встроен в бутовую ограду между двумя старыми городскими жилыми постройками под №6 и № 8, находится к востоку от сегодняшней ограды территории известного памятника средневековья – мечети хана Узбека (1314 г.), который на 1945 г. располагался на ул. Кучук-мале.

Фасад фонтана выложен из пиленых блоков известняка со следами обработки зубаткой. Цокольная часть, размерами 107 см в ширину и 44 см в высоту, состоит из трех пиленых блоков, в центральной части просверлено сливное отверстие. Цоколь от основной плоскости фасада разделяет профилированный камень. Верхняя часть сохранившегося фонтана выложена по углам пилеными блоками известняка, простенок – из бутового камня.

Согласно обследованию 1945 г., сооружение было построено во время Крымского ханства, датировалось XVI–XVII вв., представляло небольшую вертикальную плиту с фрагментами резного восточного орнамента. На момент осмотра от старинного фонтана сохранялось несколько плит, покрытых орнаментом, являлся действующим. Числился в списке памятников архитектуры Крыма под названием «Старинный фонтан турецкого периода», подлежащих «взятию на государственный учет и охрану».

На сегодняшний день от фонтана сохранились каменные плиты нижней части сооружения и фрагмент бутовой кладки, на которую крепились вышеупомянутая вер-

Место расположения фонтана. Современное состояние. Фото 2018 г.

тикальная плита с фрагментами резного восточного орнамента.

Фонтан на сегодняшний день не действующий, на государственном учете как памятник архитектуры малых форм не состоит.

Когда была демонтирована (разбита) вертикальная плита старинного фонтана с фрагментами восточного орнамента, не установлено.

Литература и источники

1. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, лл. 57–58.
2. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, л. 91 (обр. ст.) Решения, Постановления, Положения, приказы Комитета по делам архитектуры при СНК СССР и областного отдела, списки памятников архитектуры, технические инструкции по охране, эксплуатации и ремонту памятников архитектуры. 20.02.1944 г. – 19.12.1945 г., 84 л.
3. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 1, д. 6, л. 14.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

Остатки фонтана (рисунок Найле Бекировой).

СТАРИННЫЙ ФОНТАН С РЕЗНЫМ ОРНАМЕНТОМ, XVI—XVII вв.

ул. Ленина

Во время обследования состояния памятников Старого Крыма в 1945 г. был зафиксирован старинный фонтан с резным орнаментом на центральной улице города, по виду схожий с фонтаном, сохранившимся на ул. Халтурина. На время обследования фонтан был действующим. Числился в списке

памятников архитектуры Крымской области, которые подлежали постановке на государственный учет и охрану.

Возможное местонахождение фонтана на улице не установлено. Иных сведений не имеется.

Литература и источники

1. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, лл. 57-58.
2. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, л. 91 (обр. ст.). Решения, Постановления, Положения, приказы Комитета по делам архитектуры при СНК СССР и областного отдела, списки памятников архитектуры, технические инструкции по охране, эксплуатации и ремонту памятников архитектуры. 20.02.1944 г. – 19.12.1945 г., 84 л.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

ДРЕВНИЕ КОЛОДЦЫ

На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата

Просвещения «**Древние колодцы**» относились к числу памятников, подлежащих *охране впредь до их исследования и раскопок*.

Литература и источники

1. ГАРК. Ф. Р-663, оп. 2, д. 619, л. 12.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

РУИНЫ ДРЕВНЕГО СООРУЖЕНИЯ (ПО ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ — БАНЬ)

Усадьба гр. Штаубер (ул. Зиновьева, 10)

В 1928 г. кроме продолжения раскопок на территории медресе экспедицией были проделаны следующие работы:

Обследованы руины какого-то древнего сооружения (по предположению — бань) на усадьбе гр. Штаубер (ул. Зиновьева, 10) [Мусаева, 2007, с. 163]. Что касается подаренных комиссии четырех (собственно трех, -четвертая разбита) «мраморных банных ваз или раковин, с резными украшениями», как их неверно описывает профессор Смирнов, то они оказались вовсе не мраморны-

ми, а из местного нумулитового известняка, и две из них без всяких украшений и самого простого вида, какие можно видеть в любой турецкой бане, а третья более изящной формы и украшена по углам передней стороны колонками. Ее я взял для музея комиссии. Найдены они были два года тому назад, при проложении водопроводных труб, когда рабочие наткнулись на большое подземное сооружение, оказавшееся подпольною печью огромной татарской бани, каких было много в Старом Крыму [Маркевич, 1888, с. 64–77].

Литература и источники

1. Маркевич А. Поездка в Старый Крым // ИТУАК. Симферополь, 1888. — № 6.
2. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Библиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

БАНЯ В ГЕОРГИЕВСКОЙ БАЛКЕ

Объект расположен в северной части г. Старый Крым в средней части Георгиевской балки, на территории, где в 50–70-е гг. XX в. располагался фруктовый сад. Руины бани были выявлены в 2011 году в ходе обследования траншеи водопровода и изучены совместными работами археологической экспедиции Крымского филиала института археологии НАН Украины, Государственного Эрмитажа и Крымского инженерно-педагогического университета. В ходе археологических исследований удалось установить, что здание состояло из трех помещений, расположенных по оси север-юг. Размеры постройки – 15,5 x 6,5 м. Общая площадь постройки составляет около 100 кв. м. В северном помещении «А» располагалась емкость

для воды неправильной круглой формы, тщательно обмазанная толстым слоем извести (до 10 см) и пристроенная к внутреннему панцирю южной стены. Диаметр емкости составлял около 1–1,1 м, а сохранившаяся глубина – 1,1 м. По радиусу она была обложена кладкой подквадратной формы, на известковом растворе с двумя каналами для отвода дыма по керамическим трубам. Нагрев емкости осуществлялся в двух топочных помещениях, располагавшихся в юго-восточном и юго-западном углах помещения «А». Высота гиппокауста тут составляет 0,68–0,72 м. В толще его стен зафиксированы три сквозных топочных канала. Один из них, расположенный в западной стене, отводил дым из самого помещения, два других

– в северной стене – служили для поступления теплого воздуха в соседнее помещение «Б». Помимо этого в северной стене помещения «А» зафиксированы два несквозных канала, в которых отмечены остатки керамических труб. Аналогичные каналы зафиксированы в западной и восточной стенах помещения «Б». На площади помещения «А» зафиксированы каменные подпорки для плит вымостки пола, с их помощью также был организован гиппокауст, высотой около 0,28–0,3 м. Подпорки представляли собой столбики из трех рядов золотоордынского кирпича, скрепленных известковым раствором и лежащих на сланцевых камнях. Размеры кирпичей 20 x 22 см.

В помещении «В», наименьшем по площади, пристроенном с северной стороны к помещению «Б», обнаружен канал керамического водопровода, служивший для подачи воды от источника. Керамический водопровод, пересекая помещение «В», подходил к расположенному на площади этого же помещения каменному каналу. Последний, вероятно, служил для отвода дыма за пределы сооружения из гиппокаустов помещений «А» и «Б». Керамический водопровод зафиксирован и с внешней стороны восточной стены помещения «А». Уровень пола помещения «В» выше уровня пола помещений «А» и «Б», в нем гиппокауст отсутствует.

Таким образом, изученная постройка представляла собой сложное гидротехническое сооружение, в котором от источника водоснабжения вода поступала по керамическим трубам в емкость, где подогревалась, а после распределялась по помещениям с помощью таких же керамических труб в толще стен. С помощью системы гиппокауста полы в помещениях бани подогревались дымом и горячим воздухом, а посредством системы ды-

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением шестигранной звезды, обнаруженная при археологических раскопках округа средневековой бани в Георгиевской балке в 2018 г.

моходов в стенах дым выводился наружу. В ходе исследований внутри помещений был выявлен богатый археологический материал. В первую очередь это монеты джучидской чеканки, каменные детали и муфты для разводки керамических труб, фрагменты вымостки пола и другой фрагментированный археологический материал.

На основании анализа археологическо-

го и нумизматического материала, время сооружения бани в Солхате приходится на первую четверть XIV в., а время запустения и гибели – на третью четверть этого же столетия.

Объект не состоит на государственном учете, не имеет государственного учетного номера, паспорта и охранной зоны. Сохранность неудовлетворительная.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

2. Майко В. В., Сейдалиев Э. И., Душенко А. А. Баня средневекового Солхата (по материалам исследований 2011 г.) // IV научные чтения памяти У. Боданинского. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 17–19 октября 2012 г.). Бахчисарай, 2012.

В. В. МАЙКО, Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

ИНЫЕ ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭПИГРАФИКИ

РАЗВАЛИНЫ СТАРИННЫХ БАНЬ, СКЛЕПА И СТЕН В САДУ САМСОНИ

Местонахождение не установлено.

В акте осмотра и обследования исторических мест и памятников в Старом Крыму, проведенного 24 августа 1926 года О. Акчокраклы, У. А. Боданинским, Э. Я. Бэрм и Б. Н. Засыпкиным, были зафиксированы руины каких-то строений в саду некоего Самсоны. На момент обследования сохранялась *«одна стена неправильной бутовой кладки со следами штукатурки на внутренней поверхности и гнездами для балок. В восточной части от стены свежие следы, видимо, хищнических раскопок»* [Мусаева, 2007, с. 147].

Объект подлежал охране как место археологического значения. На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата Просвещения, развалины бань, склепа, стен в саду бывшего Самсоны в Старом Крыму относились к числу памятников, безусловно подлежащих охране.

В 1940 г. камень с памятника, с разрешения Старокрымского горисполкома, был употреблен на постройку аэродрома.

В примечаниях к акту обследования памятников архитектуры Старого Крыма за 7 июля 1945 г. в числе уничтоженных (или потерявших архитектурное значение) объектов города числились развалины бань, склепа и стен в саду бывшего Самсоны. Памятник на момент составления акта имел регистрационный охранный номер 5524.

Развалины бань, склепа, стен в саду бывшего Самсоны были внесены в список памятников архитектуры по Крымской области за 1944–1945 годы.

На сегодняшний день указанный объект в списках памятников не состоит.

Место расположения объекта на местности не установлено. Сведений о проведении каких-либо исследований на памятнике не имеется.

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Библиография крымоведения; вып. 9).
2. ГАРК. Ф. Р-663, оп. 2, д. 619, л. 12.
3. ГАРК. Ф. Р-3385, оп. 2, д. 1, л. 91 (обр. ст.). Решения, Постановления, Положения, приказы Комитета по делам архитектуры при СНК СССР и областного отдела, списки памятников архитектуры, технические инструкции по охране, эксплуатации и ремонту памятников архитектуры. 20.02.1944 г. – 19.12.1945 г., 84 л.
4. ГАРК. Ф. Р-20, оп. 11, д. 7, лл. 1–5.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

ГОРН ДЛЯ ОБЖИГА ГЛИНЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Бывш. ул. Отузская
ул. Партизанская/ул. Крестьянская

Для развития гончарного производства в разных частях Крыма имелась подходящая для обработки и обжига глина. В Старом Крыму неоднократно находили остатки средневековых гончарных печей. Одна из таких печей-горнов была найдена в южной части города в 1926 г. во время проведения земляных работ по шоссированию улиц Старого Крыма – Греческой и Крестьянской. Краткое сообщение об этом дано в работе У. Боданинского «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму»: «Найдены горн для обжига глиняных изделий, много сферо-конических и других глиняных сосудов, кольцо медное тонкой чеканной работы с позолотой и камнем «акык» – сердоликом». Директором Бахчисарайского музея на основе находок был выполнен ряд рисунков найденных фрагментов глиняной посуды с орнаментом.

Место нахождения горна было зафиксиро-

вано на стеклянной фотопластинке, которая хранится в фондах БИКАМЗ. В старой инвентарной книге поступления фотографий в Бахчисарайский музей (20–30-е гг. XX ст.) имеются следующие записи: «Солхат, Старый Крым. Земляные работы на Греческой улице. Общий вид», № 215/245. Время поступления фотографии 13/VI 1928 г., и фотонегатив № 659/247 – «Солхат гончар. печка, обнаруженная во время работ при шоссировании Греческ. ул. близ Карван-Сарая. Датирована 1926 г.».

Остатки второй гончарной мастерской в Старом Крыму были открыты под стенами караван-сарая во время археологических исследований 20-х гг.

Нахождение обжигательных печей, по мнению У. Боданинского, свидетельство существования в средневековом городе местного керамического производства: «В археологических раскопках в Эски Кырыме было

*Земляные работы на территории города. Район ул. Отузской.
Фото 20-х гг. XX в. (фото из фондов БИКАМЗ)*

обнаружено несколько печей, заполненных осколками разбитой посуды, это говорит о том, что вся необходимая населению в быту гончарная посуда производилась в Крыму» [Боданинский, 1930б, с. 55].

Обнаруженный в 1926 г. горн в списке объектов культурного наследия внесен не был.

Литература и источники

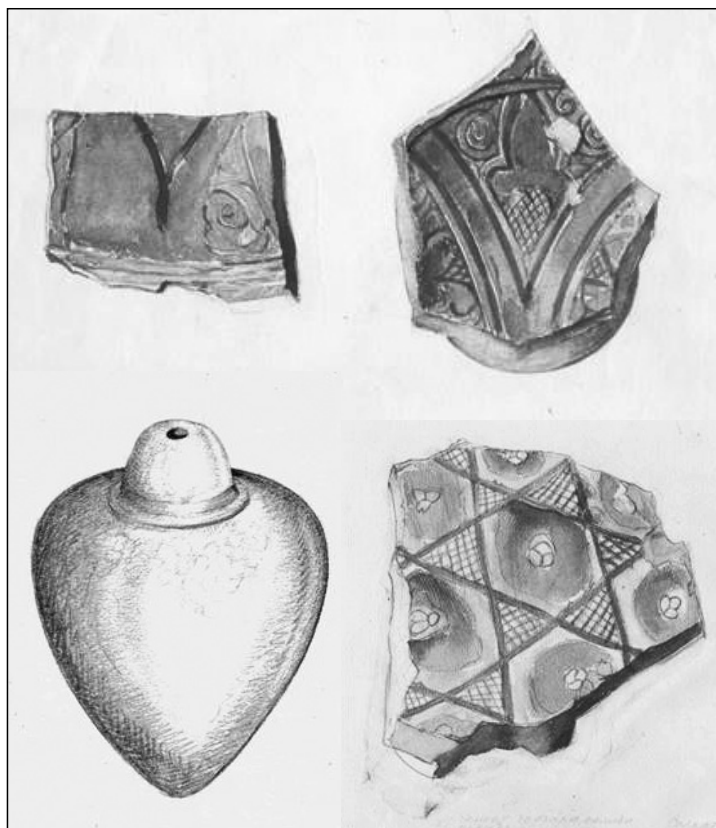
1. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Отдельный оттиск из сборника Крымплана «Реконструкция народн. хозяйства в Крыму», выпуск II, Симферополь, 1930а.

2. Боданинский У. Къырым татарларынды санайы нефисе // Большевик Ёлы. Къырым девлет нешрияты: 1930б. № 2.

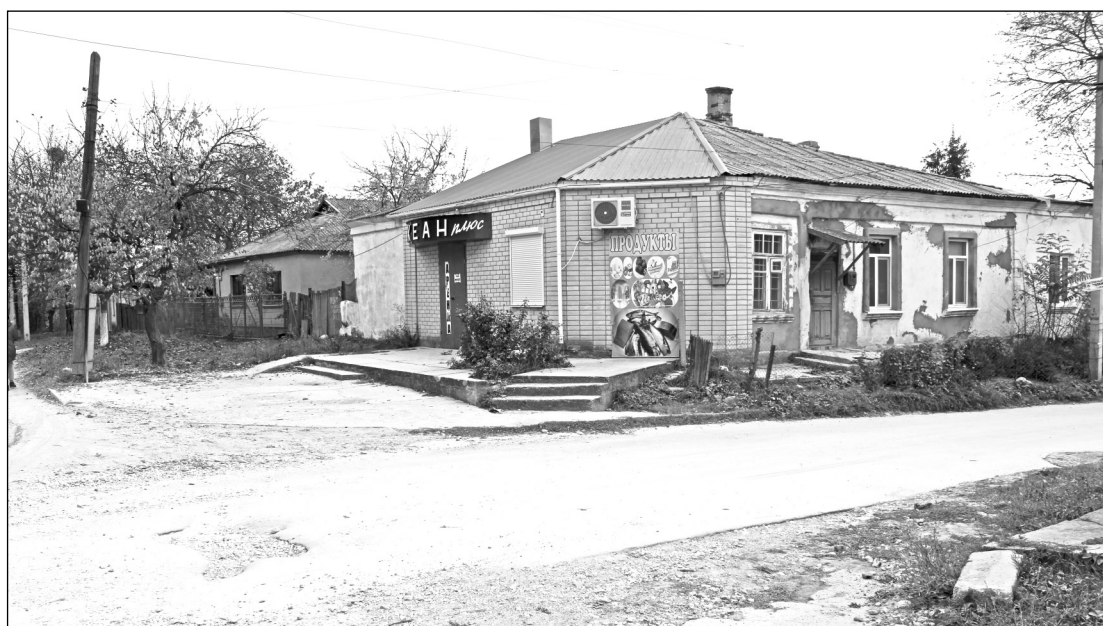
3. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

4. Яacobсон А. Л. Средневековый Крым. Издательство «Наука», Москва-Ленинград, 1964.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

Рисунки У. Боданинского с артефактами, найденными при раскопках. (рис. из фондов БИКАМЗ)

Пересечение ул. Партизанской и ул. Крестьянской. Современное состояние. Фото 2018 г.

РАЗВАЛИНЫ И ОСТАТКИ ФУНДАМЕНТОВ НА ХОЛМЕ КУРУ-БУРУН (Местоположение не установлено)

На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата Просвещения, развалины и остатки фундаментов на холме Куру-Бурун относились к числу памятников, подлежащих *охране впредь до их исследования и раскопок*.

Литература и источники

1. ГАРК. Ф.Р-663, оп. 2, д. 619, л. 12.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД МАРТЫНОВЫМ ФОНТАНОМ

Северо-восточная часть города
ул. Ленина

Открытое пространство, на котором в 1926 г. были зафиксированы «следы круговых выемок» и фундаменты неисследованных древних построек, находится вдоль центральной улицы современного города у предполагаемого места расположения бывшего Мартынова фонтана. Согласно акту об осмотре и обследовании исторических мест и памятников в Старом Крыму от 24.08.1926 г., местными жителями было сообщено о существовании на площади перед Мартыно-

вым фонтаном еще «лет 40 назад», то есть в последней четверти XIX в., остатков каменных сооружений. Во время осмотра на местности были найдены серебряная монета и куски поливной керамической посуды.

Площадь перед Мартыновым фонтаном подлежала охране «как место археологического значения». Информации о проведении в последующие годы на площади каких-либо исследований не имеется.

Литература и источники

1. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Библиография крымоведения; вып. 9).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

МУЗЕЙНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
коллекции надгробий золотоордынского периода
из раскопок 20-х гг. в Старом Крыму

СТАРО-КРЫМСКОЕ БАЗИСНОЕ МУЗЕЙНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
Махалле Кучук-мале (недалеко от мечети Узбека)
(Местоположение не установлено)

По результатам археологических исследований 1925 года в Старом Крыму основное ядро находок было оставлено в основном в этом же году в городе музейном хранилище (мечеть Узбека), некоторая часть перевезена для показательных целей в Бахчисарайский музей. Археологические раскопки были продолжены в 1926 г. Все найденные за два года исследований памятники и фрагменты, в общем количестве 145 шт., за исключением 2–3, переданных Бахчисарайскому музею тюрко-татарской культуры, были пронумерованы и собраны в особом хранилище древностей, отведенном КрымОХРИСом. Таким образом, по резуль-

татам двухлетних археологических разведок и раскопок в Старом Крыму было основано базисное музейное хранилище в отведенном специально для этой цели доме с двориком. Все находки были свезены в это хранилище, Османом Акчокраклы был составлен предварительный каталог коллекции и сделано описание. По заявке экспедиции была учреждена должность смотрителя древностей района, что гарантировало «в дальнейшем систематическую охрану памятников Старого Крыма и его района от дальнейших разрушений и гибели».

В 1928 г., кроме продолжения раскопок на территории медресе, археологической

А. С. Башкиров с коллекцией надмогильных памятников у здания музейного хранилища. Фото 20-х гг. XX в.

*Коллекция
лапидарных
памятников в
здании музейно-
го хранилища.
Фото 20-х гг.
XX в. (Из фон-
дов БИКАМЗ).*

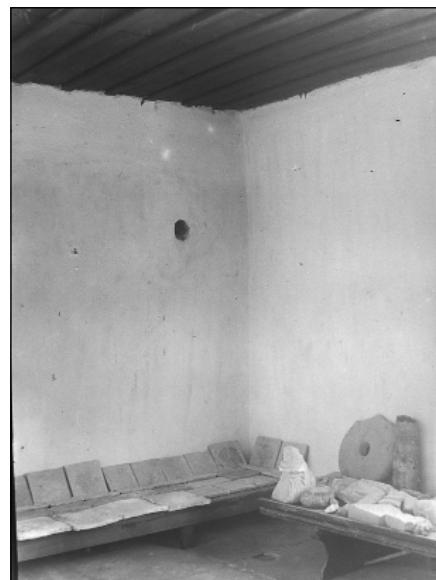
экспедицией, являвшейся продолжением работ 1925–1926 гг., было приведено в порядок Старо-Крымское музейное хранилище путем составления научной описи предметов, хранящихся в нем, фото- и графическая их фиксация и расширение крытой лапидарной площади. Там же был размещен материал археологических разведок 1928 г., проведенных на обнаруженном средневековом мусульманском кладбище на Зеленой площади Старого Крыма. В результате произведенных раскопок на Зеленой площади было выявлено 18 отдельных надгробий, стел и фрагментов.

Итого в музейном хранилище древностей Старого Крыма хранилось на конец 20-х годов XX в. более 300 памятников золотоордынского периода, датированных с конца XIII и до конца XV вв.

В старой инвентарной книге музея по поступлениям фотографий за № 1066/2415 значится фото под названием «Музейное хранилище в Старом Крыму» и №1068/2417 – Старокрымское музейное хранилище, № 1141/2486 – двор Ст.-Крымск. музейн. хранилища. Фотографии были выполнены и получены от Н. Л. Эрнста в 1929 г.

Навес для хранения надмогильных памятников на территории музейного хранилища. Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ).

Экспонаты в музейном хранилище. Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ).

Надгробия перед зданием музейного хранилища. Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ).

На сегодняшний день часть некогда цельной коллекции исторически ценных лапидарных памятников средневекового Солхата и его окружи хранится на прилегающей территории мечети Узбека и небольшой крытой лапидарной площадке, расположенной рядом с культовым зданием, а также в хранилище Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, находящейся на ул. Стамова (передано в Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия).

Литература и источники

1. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.

2. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму: сборник / Крым-план.– Симферополь, 1930.

3. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего.– Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. (Серия: Библиография крымоведения; вып. 9).

Лапидарные памятники на территории музейного хранилища. Фото 20-х гг. XX в. (Из фондов БИКАМЗ).

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

КАРАВАН-САРАЙ

Караван-сарай (или «таш-хан») расположен в южной части г. Старый Крым. Первые детальные описания Старокрымского караван-сарая встречаются у П. И. Кеппена, который сообщает, что здание имело четыре башни. В. Д. Смирнов сообщал, что в 1886 году южная стена постройки уже была разобрана. Первые археологические исследования караван-сарая были предприняты в ходе экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в 1925 году. В дальнейшем археологические исследования были продолжены Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа.

В ходе многолетних исследований было установлено, что караван-сарай представляет собой пятиугольное в плане сооружение. Стены здания ограничивают внутреннее пространство площадью около 2500 кв. м. По аналогии с другими такими постройками, глухие стены с башнями окружали двор, мощенный каменными плитами. Внутри к стенам были пристроены деревянные галереи с комнатами, выходы из которых были

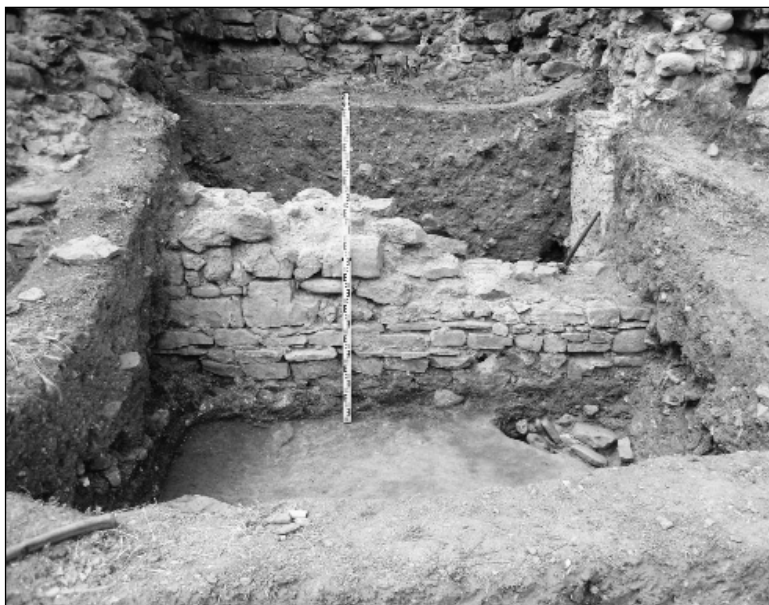
направлены внутрь двора. На стыке северной и западной стен расположена четырехугольная, квадратная в плане башня, размеры 3,5 x 3,5 м. Все стены выполнены в технике панцирной кладки, заполнение между внешней и внутренней кладками выполнено мелким бутовым камнем, на известковом растворе. В кладке также применены деревянные конструкции. Толщина стен – 1–1,2 м, высота в сохранившихся местах – до 4 м.

Археологическими исследованиями внутренней территории сооружения были обнаружены несколько фрагментов керамического водопровода, идущего к центру площади. Также были выявлены «глиняные блоки», вероятно, играющие роль неких фундаментов, для поверхностных опор – столбов или колонн. Подобные подземные базы встречены были также при раскопах на медресе Инджибек-хатун и Караимской кенассе Старого Крыма.

На территории караван-сарая были также выявлены сооружения, хронологически предшествовавшие его строительству. Эти объекты представляют собой постройки,

Остатки стен караван-сарая. Современное состояние. Фото 2018 г.

*Раскопки на территории караван-сарая.
Внутренняя стена башни. Фото 2011 г.*

*Раскопки на территории караван-сарая.
Стена и башня. Фото 2011 г.*

печи, хозяйственные ямы, навесы и другие сооружения, имеющие хозяйственное и производственное назначение. Вероятно, во второй половине XIII – середине XIV вв. тут были расположены мастерские, производившие гончарную керамику и стекло. В ходе археологических исследований 1990–1991 гг. под южной стеной караван-сарая была локализована мастерская гончара. Сохранилась топочная часть горна. Мастерская ограничена столбовыми ямами, вследствие чего становится ясно, что центральная часть мастерской была перекрыта навесом. Рядом с мастерской обнаружены поставленные в несколько рядов пи фосы. Этот ремесленный комплекс прекращает функционировать в 20-е гг. XIV в., и на его месте возникает другой хозяйственный комплекс с тандыром. Рядом с этим комплексом обнаружены также несколько ям, одна из которых заполнена фрагментами керамического брака. В последней трети XIV в. эти комплексы были разрушены при строительстве южной стены караван-сарая [Зильманович, 1992, с. 7–8]. Следует отметить, что в ходе раскопок 20-х гг. исследователи так же обнаружили на территории караван-сарая следы гончарного про-

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне, покрыта полихромной глазурью с орнаментом в технике «сграффито». Обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван-сарая в 1987 г.

Кувшин со скульптурными налестами, изображающими птиц, обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван-сарая в 1987 г.

*Раскопки на территории караван-сарая.
Комплекс печей.
Фото 1991 г.*

Стена караван-сарая. Современное состояние. Фото 2018 г.

Остатки стен караван-сарая. Современное состояние. Фото 2018 г.

изводства [Бороздин, 1926, с. 292]. Датируется караван-сарай последней третью XIV–XVIII вв.

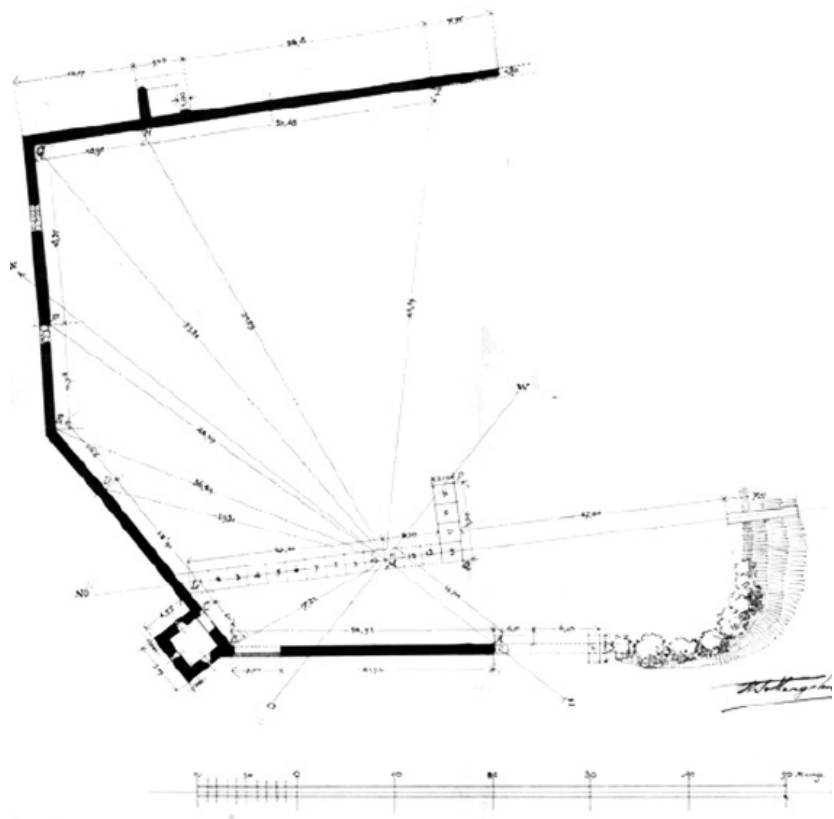
Литература и источники

1. Бороздин И. Н. Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Новый Восток, № 13–14, 1926.

2. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

3. Зильманович И. Д., Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: ремесленная мастерская на объекте XII // Отчетная археологическая сессия, краткие тезисы докладов (за 1991 г.), Государственный Эрмитаж, 1992.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

План развалин караван-сарая. Чертеж П. И. Голландского. (Из книги «Мирас – Наследие». Т. II, с. 287).

РУИНЫ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ДВОРЦА

(Местоположение не установлено)

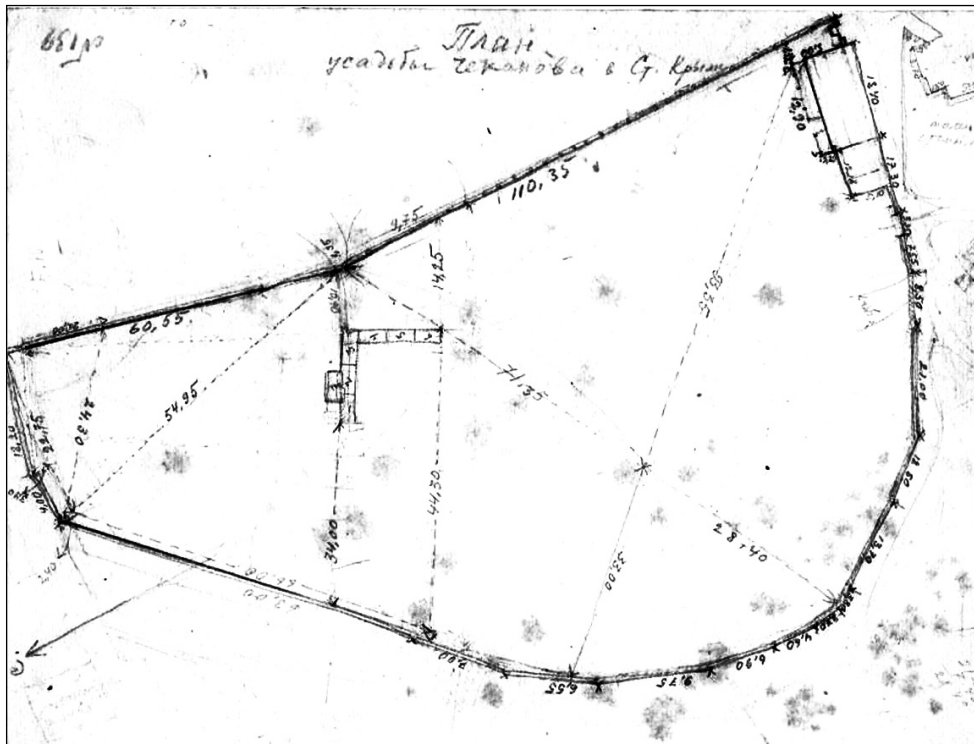
В настоящее время о существовании и месте расположения дворца в Старом Крыму достоверных сведений нет.

У. Боданинский в дневнике за 1924 г. сообщает следующее: «На площади, где был дворец, окруженной в настоящее время руинами стен, вскопана земля и посажен табак. Таким образом, верхний слой земли вскопан. При осмотре остатков дворца нами найдено много обломков поливной золотоордынской посуды. Кусок зеленого отделанного мрамора с крапинками, обломки стеклянной посуды» [Боданинский, 2018, с. 91]. Однако в дальнейших записях и публикациях по результатам археологических раскопок данный объект не фигурирует. Возможно, в данном случае речь шла о караван-сараяе, о котором сообщается, что внутренняя площадь его также была засажена табаком. Вариант происхождения ассоциации здания караван-сарая с дворцом приводит В. Д. Смирнов. Он сообщает, что у местного населения за этими развалинами закрепилось название «Хан-Сарай» – «ханский дворец», в то же время крымские

татары называли караван-сарай «ханами» или «таш-ханами». В. Д. Смирнов предположил, что из «хана» «впоследствии народное предание сделало «хан-сарай», т.е. дворец» [Непомнящий, 2008, с. 509–510]. В акте осмотра исторических мест и памятников Старого Крыма от 24 августа 1926 года, составленном Б. Н. Засыпкиным и П. И. Голландским, при участии членов научной экспедиции, среди которых был и У. Боданинский, тем не менее упоминаются руины «предполагаемого дворца». Сообщается, что эти руины располагались на огороженной территории, принадлежавшей Софье Чекановой. По словам хозяйки, ее муж спускался в некое подземелье, где сохранилась посуда. Также было известно, что около 20 лет назад тут еще фиксировалась четырехугольная башня, которая была разобрана отцом владельца [Мусаева, 2007, с. 145]. В том же году экспедиция Научной ассоциации востоковедения провела разведки на этой территории. Была заложена траншея, в которой были выявлены остатки фундамента монументальной по-

Раскопки на месте предполагаемого дворца. Фото 20-х гг. XX в.

План усадьбы Чеканова . Рис. У Боданинского 20-х гг. XX в. (из фондов БИКАМЗ)

стройки и часть пола. В культурном слое содержались фрагменты глазурованной керамической посуды с оранментом, фрагменты стекла, нумизматический материал. На территории также было зафиксировано много строительного мусора. Место разве-

док локализуется И. Н. Бороздиным так же во «владении Чекановой» к северо-востоку от мечети Узбека, через дорогу [Бороздин, 1927, с. 266–267]. К сожалению, место, где находились эти руины, в настоящий момент не идентифицируется.

Литература и источники

1. Боданинский У. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
2. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. (Работы археологической экспедиции 1926 года). // Новый Восток, № 16–17, 1927.
3. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Изд-во «СГТ», 2007. – 240 с. – (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 9).
4. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь, 2008.

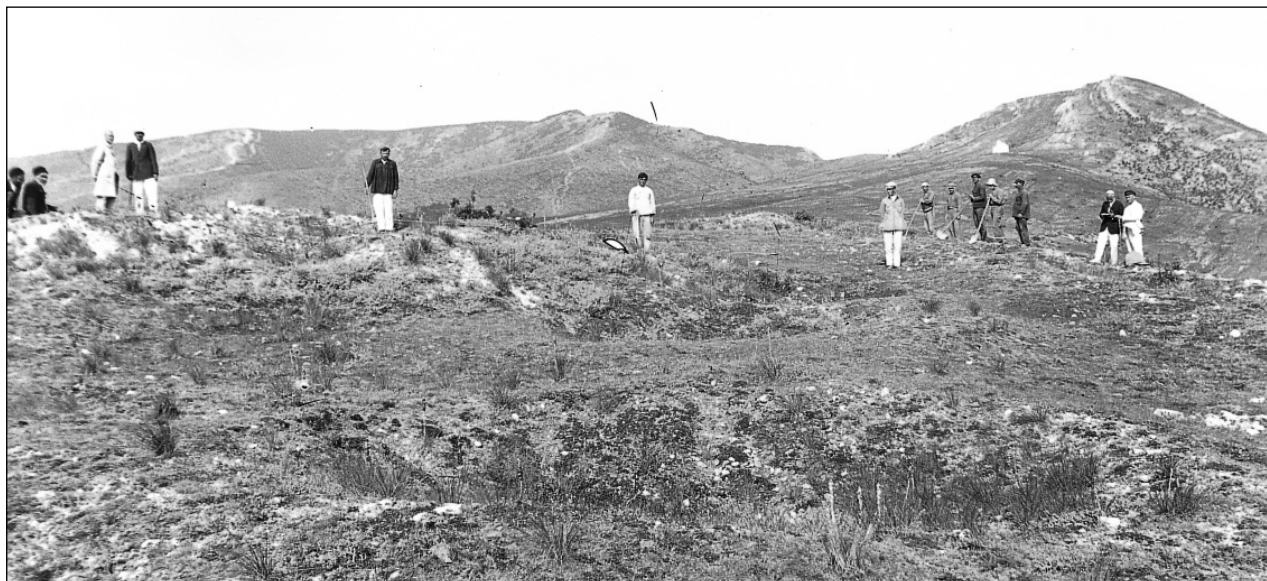
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

В условиях существования в Крыму крупных торговых портов и городов домонгольского времени и сложившейся тут традиции военного зодчества единственным укрепленным городом, возникшим в золотоордынский период, была столица Крымского юрта – город Крым (Солхат, Эски Крым, совр. Старый Крым). Что же касается домонгольских укрепленных центров Крымского полуострова, то тут стоит отметить, что после похода Ногай конца XIII в. затухает жизнь на Тепе-Кермене, Эски-Кермене, Сюйрени, вероятно, лишаются своих укреплений Судак и Алустон, был ограблен (захвачен?) Кырк-Ер [Крамаровский, 2009, с. 439; Герцен, 1993, с. 55–56]. По мнению А. Г. Герцена, во в. п. XIV в. в Юго-Западном Крыму возникает княжество Феодоро, центр которого на горе Мангуп был обнесен тройной линией оборонительных стен [Герцен, 1990, с. 138]. Эмиры Солхата, Мангупа и Кырк-Ера участвовали в битве на Синих Водах с литовским князем Витовтом в 1362/1363 г., что определяется М. Г. Крамаровским, как сегментация власти

в «Крымском улусе» и несомненная принадлежность и подчинение указанных городов и крепостей Золотой Орде [Крамаровский, 2009, с. 439, 442]. О начале сооружения первых фортификационных сооружений Солхата/Крыма в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Эта запись сделана очевидцем, проживавшем в армянском квартале Солхата «Чхбнис» (Верхний). Им оказался один из сыновей известного в Крыму миниатюриста и каллиграфа Натера из Баберда¹ – писец Степанос из скриптория храма св. Саргиса. Здесь приведем перевод извлечения текста 1363 г. по «Каталогу армянских рукописей Британского музея»: «...И в сие же время великое смятение царит от правителей земных, ибо нет царя во главе, чтобы сотворил мир, по словам Господа: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и вот роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе» [Catalogue,

¹ Историческая Армения, область Хахтик (Хахтац гавар).

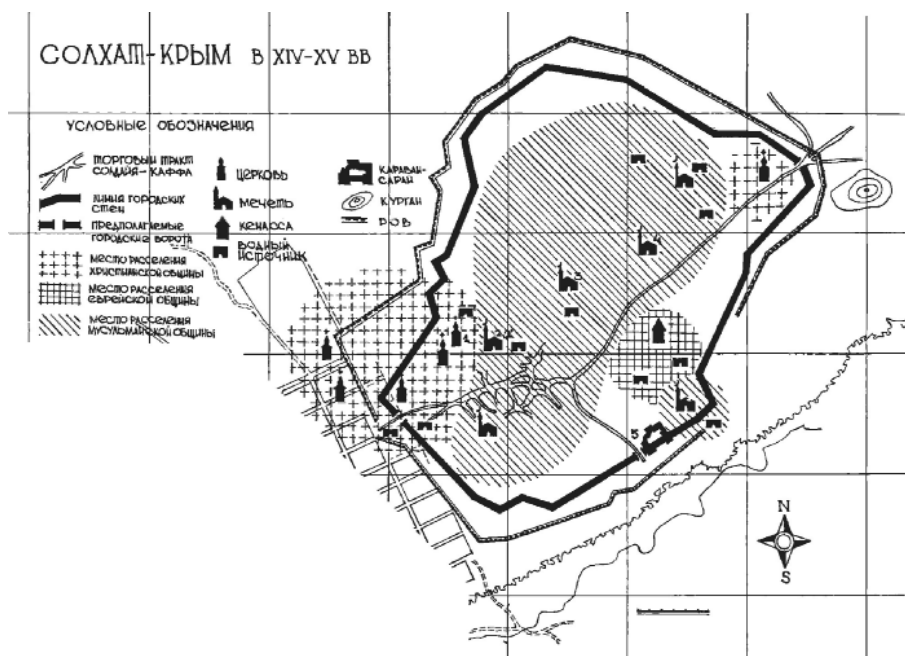

Участники археологической экспедиции осматривают остатки фортификационных сооружений на возвышенности Кешане. Фото 20-х гг. XX в.

1913, р. 248]. В строках Степаноса не названо имя главы города, отдавшего приказ начать строительство рва, не обозначены противник или причина события, серьезно напугавшего жителей Солхата. В 2011 г. в результате охранных археологических исследований рядом с г. Старый Крым были зафиксированы остатки средневекового вала и рва. Вал был сильно поврежден распашкой под виноградники и сохранился на высоту около 0,7 м от материковой поверхности. В 7 метрах к востоку от точки максимально сохранившейся высоты вала были зафиксированы остатки рва шириной около 9 м, и максимальной глубиной от современной поверхности 3,1 м, в основании рва прослежен завал из камней. Материал, обнаруженный в ходе работ на этом участке, исследователи датируют в рамках второй половины XIV в., в связи с чем и относят эти земляные сооружения к первоначальной фортификационной линии Солхата [Майко, 2012, с. 85–87].

В исторических свидетельствах стены Солхата/Крыма впервые упомянуты лишь в середине XV в. венецианцем Иосафато Барбаро, справедливо называющим Солхат не крепостью, а поселением, обнесенным стеной [5, с. 15]. Косвенное упоминание стен за десятилетие до Барбаро принадлежит Перо Тафуру, посетившему Каффу в 1438 г. [Tafur, 1874, р. 163]. В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби в легенде о крепости «Карым-кермен», построенной якобы под покровительством «короля Судака» на средства некогда ограбленных купцов,² ви-

² В ответ на обращение купцов генуэзский «король Судака» якобы сказал: «...Стройте в избранном вами месте крепость и город и поселяйтесь там!» Получив

План-схема Солхата/Крыма (по М. Г. Крамаровскому, 1989).

дел остатки стен Солхата. Он даже обмерил их шагами по периметру. «Обмер» составил 17 000 шагов; стены, по свидетельству путешественника, были сложены из гладко отесанных каменных блоков [Çelebi, 1928, р. 659]. Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно видеть и сейчас на примере кладок фасада медресе Солхата (нач. 2-й трети XIV в.), выполненных, впрочем, из податливого известняка. Работы сезонов 2009–2012 гг. показали правоту наблюдения турецкого путешественника. Сейчас от городских стен не осталось первоначальных кладок, но их следы все же сохранились.

Некоторые объективные данные о каменном оборонительном поясе города дошли до нас в виде топосъемки XVIII в. и аэрофото-съемки 70-х гг. XX в.

разрешение, они приступили к сооружению крепости на месте своего ограбления, дав ей название *Карым-кермен*. Это название – «Зловредная крепость» – они дали ей в отместку своим злым врагам, похитившим здесь у них товары. Позднее, вследствие распространенной ошибки в произношении, слово «карым» превратилось в «кырым» <...> его [города] строительство было завершено за сорок лет [Evliya Çelebi, 1928, С. 658].

*Юго-восточный отрог горы Малый Агармыш.
(Возвышенность Ногайлы-оглы оба). Фото 2019 г.*

На плане города, составленном около 1783 г. квартирмейстером И. Лютовым (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608), периметр стен достигает 6734 м. Эта величина сопоставима с данными Эвлии Челеби при условии, что шаг информатора составлял около 0,4 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин, расчетное же число башен – 65). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН, ар. № 2201–51033) по гребню отрога Малого Агармыша прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороны около 10 м. Расстояние между башнями составляет от 75 до 100 м, что принципиально не расходится с данными плана военного топографа последней четверти XVIII в.

В. Д. Смирнов (1886) в своих отчетах о поездках в Крым упоминает о крепостных стенах Солхата [Смирнов, 2008, с. 504], а в результате разведок в 1926 г. была открыта часть стены комиссией под руководством Б. Н. Засыпкина. При этом следует отметить, что наиболее масштабные и система-

тические исследования оборонительного пояса Старого Крыма были предприняты в настоящее время.

Работы велись на юго-восточном отроге горы Малый Агармыш. В результате исследований на пяти участках были обнаружены остатки крепостной стены шириной около 2–2,5 метров. От стены на некоторых участках сохранилась траншея шириной 1–1,5 м, вырытая в материке. Панцири стены были сложены из местного крупного камня, с забутовкой между ними на растворе. Кроме того стены облицовывались хорошо отесанными плитами, что прослеживается в строительных традициях Старого Крыма. На трех участках раскопов были локализованы следы трех оборонительных башен примыкающих с севера к крепостной стене. Под защитой одной из башен, на участке стены было обнаружено размыкание – вероятно, калитка. Оборонительный комплекс Солхата возникает в короткое время – между 1362 и 1380 гг. Он состоял из двух разномасштабных этапов, первый из которых – ров и земляной вал – был задуман Кутлугбугой, и его строительство относится к 1362–1365 гг., второй – каменные стены – к периоду 1375–1380 гг. и был спланирован и осуществлен Мамаем; судя по планиметрии, инженерной связи между

комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, целеполаганием и техническими параметрами. Первый предназначен для обороны города от литовской угрозы, второй – генуэзской.

В целом следует отметить, что строительство оборонительных сооружений в золотоордынских городах не было систематическим явлением и военное зодчество тут практически не развивалось, затронув лишь ряд приграничных областей или городов, где оборонительные сооружения строились ранее.

Литература и источники

1. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангула // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990.

2. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей Кырк-ор – Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.

3. Крамаровский М. Г. Крым в системе административного устройства Золотой Орды // Внутренняя политика Улуса Джучи // История татар с древнейших времен, Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв., Казань, 2009.

4. Майко В. В., А. В. Куликов, Д. В. Бейлин Охранные археологические исследования фортификационных сооружений средневекового Солхата в 2011 г. Археологічні дослідження в Україні. 2011. К.: «Волинські старожитності», 2012.

5. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008.

6. A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum, by Frederick C. Conybeare. London, 1913.

7. Evliya Çelebi. Seyahatnamesi. Istanbul, 1928.

8. Tafur Pero. Andancas e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439). Madrid, 1874.

*М. Г. КРАМАРОВСКИЙ,
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ*

Раскопки крепостной стены и башни.

ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (XVIII—XX вв.)

МУЗЕЙ В СТАРОМ ГОРОДСКОМ ЧАСТНОМ ДОМЕ (нач. XIX в.)

ул. Павла Косенко, № 16

С целью изучения и пополнения данных о памятниках Эски-Крыма необходимо обратить внимание на сохранившиеся на сегодняшний день в городе старинные частные постройки, в которых отражается характер архитектуры народного зодчества. Таких домов в городе, по всей вероятности, может быть немало.

Один из таких архитектурных объектов прошлого – частный дом-музей, создателем и владельцем которого являлся Аким Гиясов, трепетно относившийся к «истории родного края, родного народа» [Потиенко А., 2015, с. 219], является Дом-музей «Солхат», располагающийся в мусульманском квартале старого Эски-Крыма. Этот сохранившийся образец крымской традиционной жилой архитектуры был приобретен у Басюк Е. П., который родился и прожил в этом доме большую часть своей жизни. Из семейного предания, устно передаваемого

от поколения к поколению, сообщенного бывшим владельцем Акиму Гиясову, здание было в свое время предоставлено отслужившему 25-летний срок солдату царской армии («Дом Отставного солдата времени Екатерины»).

Предположительное время строительства здания – начало XIX в. Во время ремонта крыши на одной из черепиц была обнаружена надпись арабскими буквами, которая гласила: «1230 год хиджры¹. С помощью Аллаха мы начинаем строительство...».

Дом относится к типу жилья, построенного с учетом природных условий, методов строительства, характерных для степных районов Крымского полуострова. Расположен по направлению северо-запад на юго-восток, фасадной стороной к югу. Изначально старое строение состояло из двух комнат и небольшой прихожей, которые по отношению к входной двери располагаются

по поперечной оси. В более позднее время была произведена достройка еще одной комнаты. Западная стена дома сложена из камня-бута, остальные из «тола» – глиняный сырцовый кирпич, в который для скрепления добавляли резаную солому. Кровля – черепичная, двускатная. Общая высота строения, согласно плану домовладения за 50-е годы XX в., составляла 2,4 метра. Как отмечали исследователи крымскотатарского жилья, низкие постройки

¹ Соответствует 1815 г.

лучше противостоят и предоставляют холодным ветрам меньшую плоскость для обдувания [4, с. 69].

Если относительно старинных домов Бахчисарая поднимался вопрос желательности приобретения выявленных декорированных частей и приспособления их для реставрации Ханского дворца, то для Эски-Крыма было бы правильно и целесообразно принять меры с «целью сохранить хотя бы» некоторые из них на месте [Котов Г. И., 1896, с. 5] как наглядный пример того времени, когда в восточных городах «главная часть населения жила в маленьких домиках, скученных вместе» [Куфтин Б. А., 1925, с. 28].

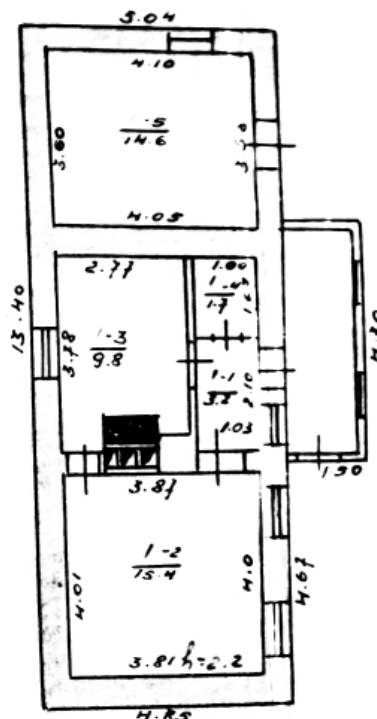
Историческую значимость имеет собранная А. Гиясовым коллекция, включающая в себя находки от эпохи каменного века и «старокрымских древностей» до экспонатов начала XX в., подчеркивающая важность и востребованность собирания, сохранения и изучения древностей, архитектуры народного зодчества и культуры крымских татар [Котов Г. И., 1896, с. 5].

Литература и источники

1. Котов Г. И. Бахчисарайский дворец «Зодчий», 1896 г. Вып. № 1.
2. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Москва, 1925.
3. Потиев А. «Старый Крым: город музеев, город-музей»: сборник очерков. – Симферополь: Издательство «Доля», 2015.
4. Рапопорт Т. Крымский татарский жилой дом. «Архитектура СССР», 1939. № 4.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

План дома на ул. Павла Косенко № 16

ЖИЛОЙ ДОМ-МУЗЕЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И БЫТА КРЫМСКИХ ТАТАР

ул. Калинина, № 29

Еще в 20-годы XX в. исследователи крымскотатарского жилья указывали на сохранность отдельных кварталов «со старым жильем» в городе Эски-Крым [Рапопорт Т., 1939, с. 69]. Одним из немногих, сохранившихся на сегодняшний день старинных зданий Эски-Крыма, дающих определенное представление о городской жилой застройке, художественном облике населенного места в прошлом, соответствовавшего местному ландшафту, является Дом-музей истории, культуры и быта крымских татар. Расположен на территории земельного участка на пересечении улиц Калинина и Ленина, в центральной части современного города. Строение, одноэтажное и низкое, со стенами, сложенными из глиняного саманного кирпича «тола», двускатной крышей, покрытой желобчатой черепицей, сохранило свой натуральный вид. Состоит из ряда комнат, расположенных по оси, с окнами на юг и глухой северной стороной, с целью сохранения тепла. Типичный образец многовековой строительной традиции, где

прослеживается органическая связь архитектуры с природой [Рапопорт Т., 1939, с. 71].

Время строительства и кому дом принадлежал до депортации крымских татар в 1944 г. выяснить не удалось.

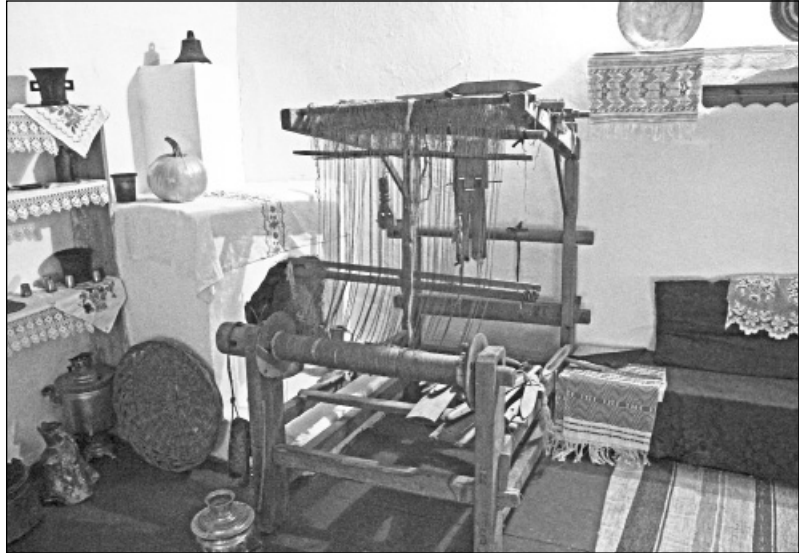
В конце 90-х годов в комнатах старинного здания была открыта этнографическая выставка, которая демонстрировала организацию жилья на основе национальных и религиозных особенностей образа жизни и бытовых традиций крымскотатарского народа, на приусадебном участке воссоздан двор той поры [Потиенко А., 2015, с. 199], где располагалась небольшая коллекция лапидарных памятников, преимущественно позднесредневекового времени.

На время посещения в ноябре 2016 г. музей крымскотатарской этнографии не функционировал.

По мнению известного архитектора Ирфана Шемседдинова, архитектура Крыма требует особого внимания со стороны специалистов, главным образом деятелей куль-

туры, искусства, архитектуры, чтобы привести в дальнейшем архитектурно-художественный облик населенных мест в соответствие с ландшафтом Крыма. Современный и будущий этап истории Крымского полуострова он считал немыслимым без возрождения самобытных элементов в предметно-пространственной среде городов, поселков и сел, колоритных восточных мотивов, сложившихся в соответствии с многовековой традицией балкано-черноморского регионального зодчества, которая учитывает климатические, географические и топографические особенности каждой местности, сохраняет гармонию строений и окружающей среды, образ жизни и бытовых традиций [Мимар Ирфан Шемседinov].

Дом-музей истории, культуры и быта крымских татар следует рассматривать не только как памятник зодчеству прошлого, но и как признание важности деятельности энтузиастов в деле выявления, сохранения и применения памятников на современном этапе.

Литература и источники

1. Потиеенко А. «Старый Крым: город музеев, город-музей»: сборник очерков.– Симферополь, Издательство «Доля», 2015.
2. Рапопорт Т. Крымский татарский жилой дом. «Архитектура СССР», 1939. № 4.
3. Мимар Ирфан Шемседinov / Архитектор Ирфан Шемседinov (1919–2007), <https://www.slideshare.net/elibgaspra/ss-40199626>.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

ЧАСТЬ 2. ПАМЯТНИКИ ОКРУГИ

ПОСЕЛЕНИЕ «КРИНИЧКИ» II

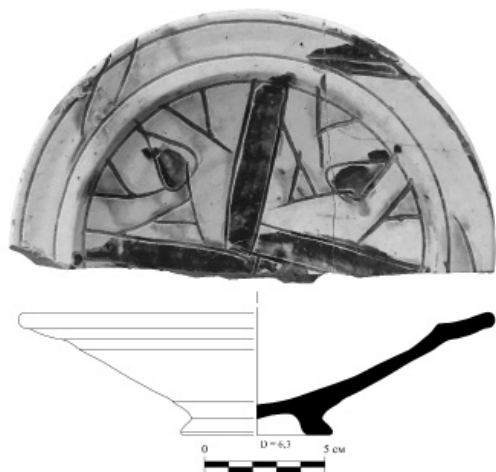
Поселение Кринички II находится в 4 км от г. Старый Крым и 1 км от северо-западной окраины одноименного села Кринички Кировского района Республики Крым, в степной зоне, примыкающей к горному кряжу Агармыша. Село в южной части района, в северных отрогах горного массива Агармыш, у истоков реки Кхоур-Джилга и небольшой речки Токсан-Су, высота центра села над уровнем моря – 189 м. Ближайшие населённые пункты – Бабенково в 1,5 км на север, Первомайское в 4 км на восток, Изюмовка и Старый Крым примерно в 3 км на юг. Райцентр Кировское – примерно в 27 километрах (по шоссе), там же ближайшая железнодорожная станция – Кировская (на линии Джанкой – Феодосия).

В 1998–2002 гг. на средневековом селище велись археологические исследования Государственного Эрмитажа во главе с Марком Григорьевичем Крамаровским. Наряду с вещественным археологическим материалом стратиграфическими наблюдениями выявлен ряд структурированных хозяйственно-экономических сельских единиц – комплексов. Хозяйственные комплексы функционировали в обособленных временных отрезках единого исторического этапа, датированного серединой – второй половиной XIV в. Жизнь золотоордынского поселения была сосредоточена вокруг искусственного водоема. В керамике заметное место принадлежит импорту с Ближнего и Дальнего Востока, а также из Западной Европы.

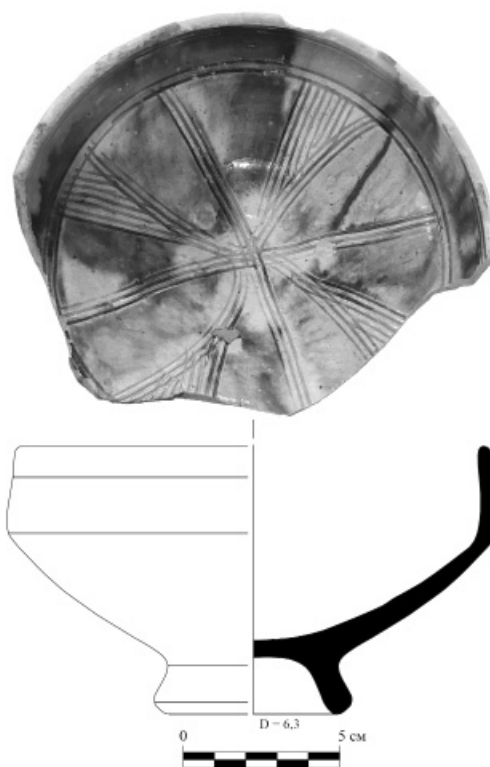
Литература и источники

1. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований) // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. I.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ, Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА

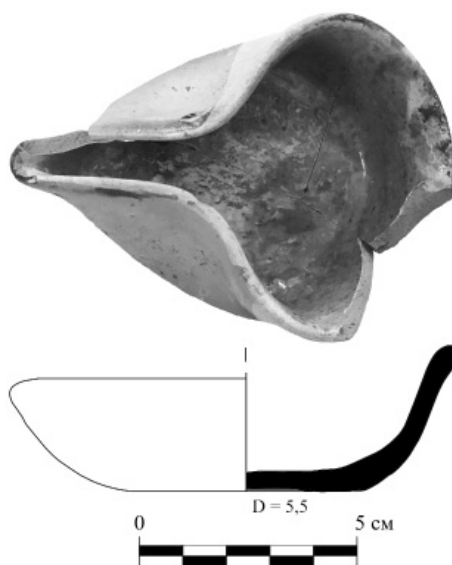
Тарелка на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках поселения Кринички II в 1999 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках поселения Кринички II в 1998 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением двух рыб и медузы (?), обнаруженная при раскопках поселения Кринички II в 1999 г.

Светильник-плошка, обнаружен при археологических раскопках поселения Кринички II в 1998 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой).

ПОСЕЛЕНИЕ БОКАТАШ II

Селище находится в предгорье хребта Карасан-Оба, в 1,4 км к юго-востоку от города Старый Крым (средневековый Солхат), в 1,25 км к югу от городского водохранилища.

Через поселение проходит ответвление от старой (земской) дороги, которая ведет из г. Старый Крым через перевал Таш-Капу в сторону поселка Коктебель. С северо-вос-

тока Бокаташ II ограничен оврагом Мартыг-Дере, с юго-запада – Арматлукским массивом коренного леса и Имеретской долиной.

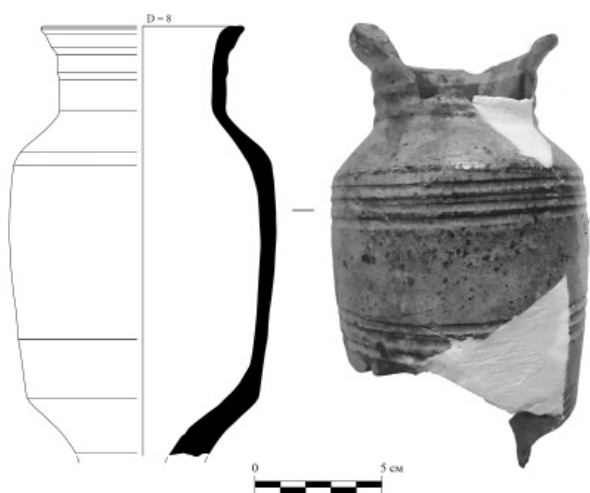
Общая площадь поселения составляет 22 тыс. м². Северная часть памятника представляет собой в плане овальную седловину. Южная часть расположена на небольшом отроге, который отходит в западном направлении.

В 2003–2008 гг. на поселении Бокаташ II велись археологические исследования Государственного Эрмитажа во главе с Марком Григорьевичем Крамаровским.

В ходе раскопок было выявлено, что первоначально поселение функционировало как специализированный гончарный центр. Позднее здесь было возведено жилое помещение, фундамент которого сохранился на более высоком стратиграфическом уровне, чем гончарные печи. В этот период на городской рынок Солхата поставлялась, наряду с кухонной неполивной посудой, и столовая глазурованная керамика, часто высокого качества. Также зафиксировано изготовление сосудов для местного использования. Существование ремесленного поселения Бокаташ II предварительно можно отнести ко второй половине – концу XIII – началу XIV вв. Около середины XIV в. в канун периода анархии 1357–1380 гг. гончарное производство на поселении Бокаташ II приходит в упадок.

Преобладают находки нумизматического материала в виде джучидских монет чекана г. Крым (Солхат), также имеется нумизматический материал из Византии, Болгарии, Ирана, Малой Азии.

В 2004 году при исследовании могильника было открыто мужское захоронение XIV века со створкой бронзового энколпиона сирийского типа XII – начала XIII вв. Створка украшена изображением Богоматери Оранты и греческой надписью «Богоро-

Альбарелло цилиндрической формы, обнаружен при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

Светильники-плошки, обнаружены при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

Рис. 29. Чаша-полуфабрикат полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

дища». Это позволяет засвидетельствовать факт существования православной общины в одном из пригородов Солхата. Тесное взаимодействие христианских и исламских общин не замыкалось чертой города, но распространялось и на его ближайшую сельскую общину.

Литература и источники

1. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.) / Научное издание. Вып. III. СПб., 2006.
2. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году / Научное издание. Вып. IV. СПб., 2007.
3. Крамаровский М. Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция. // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – Санкт-Петербург: АО «Славия», 2014.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ,
Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА

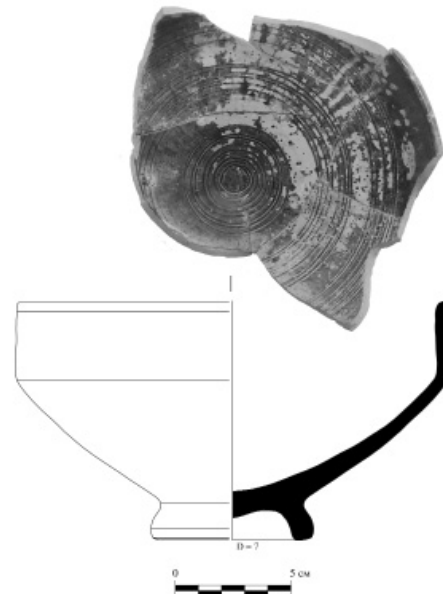
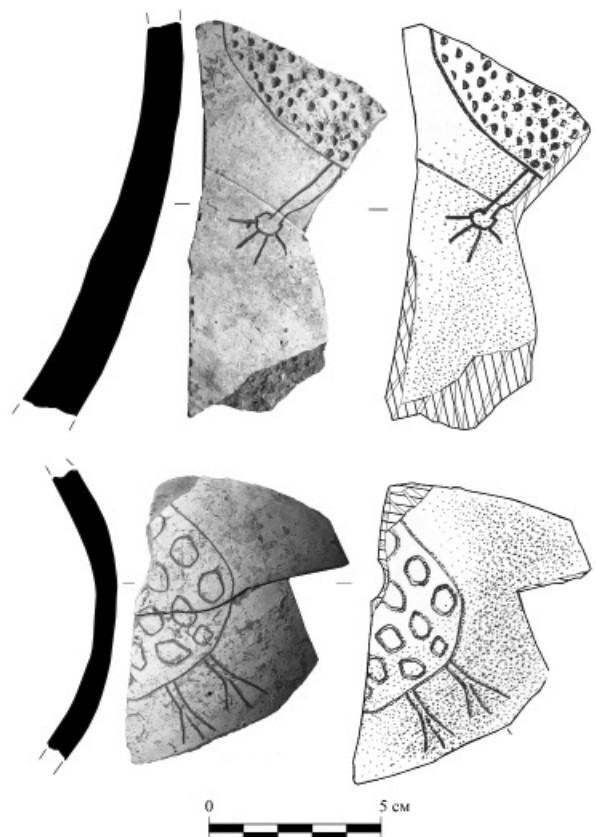

Рис. 31. Чаша конической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Фрагменты кувшинов-полуфабрикатов, обнаружены при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

МЕЧЕТЬ И ПОСЕЛЕНИЕ КАРАГОЗ (XIII—XVIII вв.)

(совр. с. Первомайское)

Мечеть в с. Карагоз. Фото 20-х гг. XX в.

Селение Карагёз (Карагоз, Кара-Коз), ныне с. Первомайское Кировского р-на, находится в 5 км северо-восточнее Старого Крыма. Есть мнение, что мечеть в селении Карагез, относилась к ранним мечетям Крыма. Например, Дюбуа де Монпере в 1832 г. сравнивал эту мечеть с ранней мечетью в крепости Судак: «<...> Карагоз, известный своей древней мечетью, которая относится к первоначальному татарскому стилю в Крыму. Она — одна из четырех самых древних. <...> Мечеть представляет собой большой куб, перекрытый полукруглым куполом. Здесь преобладают прямые линии или полукружия. Она напоминает церковь крепости Судак. У одного из углов возвышается двенадцатигранный минарет с балкончиком» [Дюбуа де Монпере, с. 63]. Дюбуа зарисовал мечеть. В 1903 г. Л. П. Колли ходатайствовал перед ТУАК о ремонте данной мечети, он также приводит её рисунки [ИТУАК, 1903, с. 63–64].

С Дюбуа не соглашался известный исследователь исламской архитектуры Крыма и

Средней Азии Б. Н. Засыпкин. Мечеть в Судак, как и Куршун-Джами в Старом Крыму, он действительно относил к «тюрко-сельджукским» сооружениям. Однако мечеть в селении Карагез, как и мечеть Колечь, Б. Н. Засыпкин причислял к более позднему, османскому периоду, но когда сельджукские приемы, были еще заметны в формирующейся османской архитектуре [Засыпкин, с. 138–139].

В 1926 г. Б. Н. Засыпкин исследовал карагезскую мечеть. Он пишет: «По дороге из Колечь в Старый Крым в селении Карагез имеется в полном забвении купольная мечеть, по своим формам и плану весьма близкая к мечети Колечь <...>. План в виде правильного квадрата перекрыт куполом на сферических парусах. Общий вид: кубическая форма, переходящая в сферический барабан, который в настоящее время перекрыт шатровой черепичной кровлей. К северо-восточному углу примыкает минарет, в настоящее время внутри пустой, так как бывшая здесь деревянная лестница выгорела.

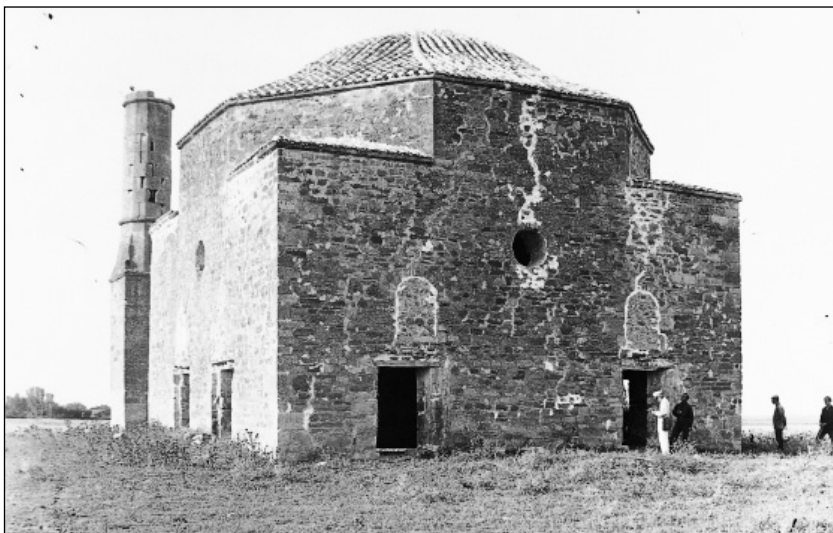
Северная часть мечети вывалилась и требует срочного укрепления. Внутри мечеть декоративных отделок не сохранила. Михраб представляет из себя гладкую полукруглую нишу, увенчанную коническим полукуполом» [Засыпкин, с. 146.].

Годом ранее, в 1925 г. научной экспедицией, организованной Кр. ЦИКом и СНК по изучению татарской культуры в Крыму, в составе У. А. Боданинского, О. Н.-А. Акчокраклы и А. М. Рефатова была исследована данная мечеть. В ходе экспедиции произведены фотофиксация, обмеры и зарисовки. Сохранившиеся материалы хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (БИКАМЗ). В это же время мечеть исследовал А. С. Башкиров, к сожалению, он не составил её описания или не опубликовал его, но его значительный фотоматериал 1925 г. отложился в архиве ОПИ ГИМ. Мечеть в Карагозе запечатлели на своих рисунках К. Ф. Богаевский и М. А. Волошин.

После землетрясения 1927 г. часть минарета мечети рухнула. У. А. Боданинский в это время произвел фотофиксацию состояния памятника.

На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата Просвещения, мечеть в Карагозе, под названием «древняя мечеть 14 в.», относилась к числу «памятников, безусловно подлежащих охране» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 619. Л. 12].

В примечаниях к акту обследования памятников архитектуры Старого Крыма от 7 июля 1945 г. в числе уничтоженных объектов города числилась древняя мечеть 14 в. в Карагозе. Памятник на момент составления акта имел регистрационный охранный

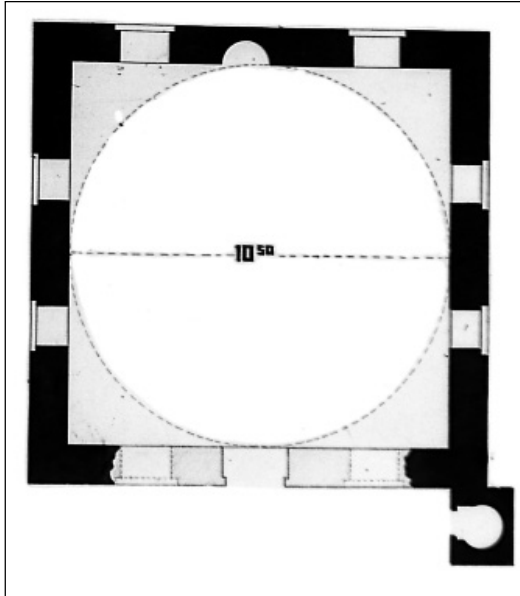
Мечеть в с. Карагоз после землетрясения 1927 г.

У. Боданинский внутри мечети в с. Карагоз. Фиксация последствий землетрясения 1927 г. Фото 20-х гг. XX в.

номер 5529 [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 619. Л. 102]. В данных документах было высказано предположение о ее разрушении в годы ВОВ: «Старинная мечеть, купольная, османского типа с декоративной резьбой по камню и красочной росписью, 16 в.», согласно списку памятников архитектуры Крыма, уничтоженных или потерявших архитектурное значение, была в годы войны «разобрана оккупантами» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 619. Л. 91–91 об.].

В настоящее время локализовано место, где находилось селение Карагоз — на северо-восточной окраине села Первомай-

*План мечети в с. Карагоз.
Фото 20-х гг. XX в.*

ское к востоку от трассы Первомайское — Кировское. Как установил исследователь этой территории археолог А. В. Гаврилов, место, где находилось селение, локализуется у пруда на правом восточном берегу реки Чурук-Су, в её пойме [Гаврилов, 2008, с. 342–343]. Согласно данным ученого: «Площадь распространения подъемного материала составляет 0,05 x 0,1 км, который представлен фрагментами амфор, кувшинов,

Фрагмент орнамента, украшавшего колонну мечети [ГНИМА ОФ-65/205].

водопроводных труб, курительных трубок, поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито, монетами золотоордынской и крымской чеканки. На поверхности попадаются бутовые известняковые камни» [Гаврилов, 1994, с. 7; Гаврилов, 1997, с. 51].

Гаврилов определил, что на основании археологического материала поселение датируется XIII–XVIII вв. Он также выразил тревогу, что территория поселения подвергается распашке. Данная территория требует более тщательного археологического изучения, так как шурфовка и раскопки не проводились [Гаврилов, 2008, с. 343].

Литература и источники:

1. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник III. – Киев-Судак, 2008.
2. Гаврилов А. В. Отчет об археологических разведках на территории Кировского и Советского районов Республики Крым в 1993, 1994 годах // Научный архив Института археологии Крыма РАН, № 329.
3. Гаврилов А. В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995–1997 годах // Научный архив Института археологии Крыма РАН, № 446.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 619.
5. Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие в Крым: (Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 тт., Париж 1843 г.). Т. 5–6 / Пер. с фр., предисл. и примеч. Т. М. Фадеевой. Симферополь, 2009.
6. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). М.-Л.: Госиздат. 1927.
7. Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии (ИТУАК). 1903. № 35.

Р. Р. ЭМИНОВ

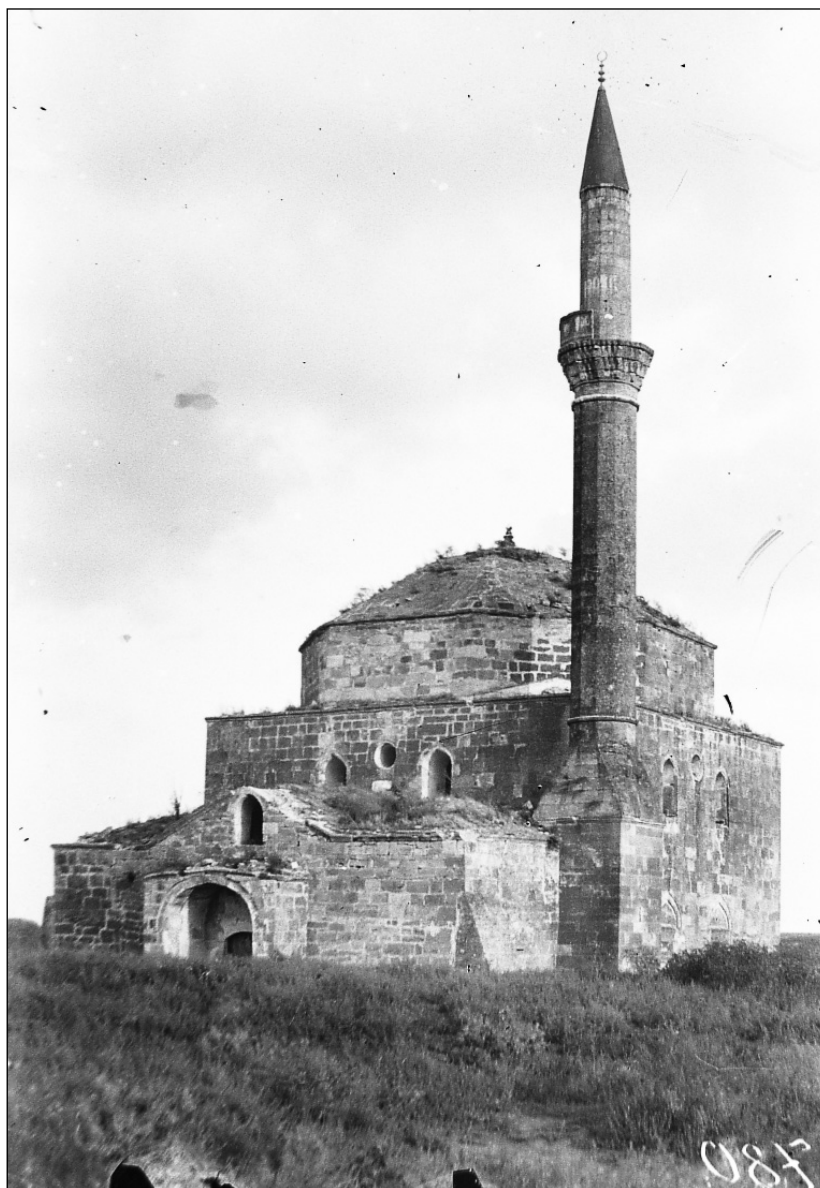
МЕЧЕТЬ XIV—XVIII вв. В с. КОЛЕЧ (совр. с. Новопокровка)

Одним из наиболее интересных памятников архитектуры Крыма, связанных с османским влиянием в строительстве купольных культовых сооружений XVI—XVII вв., являлась мечеть в селении Колеч.

В настоящее время территория селения Колеч-Мечеть входит в границы современного села Новопокровка Кировского района Республики Крым. Географически селение Колеч-Мечеть находилось в Степном Крыму, примерно в 18 км к северо-востоку от Феодосии (Кефе) и 20 км от Белогорска (Карасубазар), в непосредственной близости от правого русла р. Чурук-Су, исток которой начинается в районе г. Старый Крым.

Исторически с 1475 г. эта местность принадлежала Кефинскому санджаку (с 1774 г. – Колечский кадылык Кефинского каймаканства Крымского ханства). Впервые об этом селении мы узнаем из сведений османского путешественника XVII в. Эвлия Челеби.

Он пишет следующее: «Остановка Колеч-саласы, то есть деревня Коледж. Она расположена недалеко от крепости Кефе. Там двести татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом. Там имеются сады и виноградники, это благоустроенная деревня. Здесь жил шейх – святой Ахмед-эфенди из Коледжа, предсказатель и великий султан. Теперь у него сорок тысяч мюридов с бритыми усами, он их предводи-

Мечеть в с. Колеч. Фото 20-х гг. XX в.

тель на Пути. Сорок тысяч мюридов из рода носящих рубище живут в Крыму, это верные влюблённые [в Аллаха. – Р. Э.]» [Челеби, 2008, с. 208–209.].

Эвлия Челеби также пишет, что селение «Ахмеда-эфенди Колеч-месджит» подверглось разорению калмыками [Челеби, 2008, с. 198], а сам Ахмед-эфенди из Колеча построил в Гезлеве «лучшее в городе Текке

Мечеть в с. Колеч. Рисунок К. Ф. Богаевского. 20-е гг. XX в.

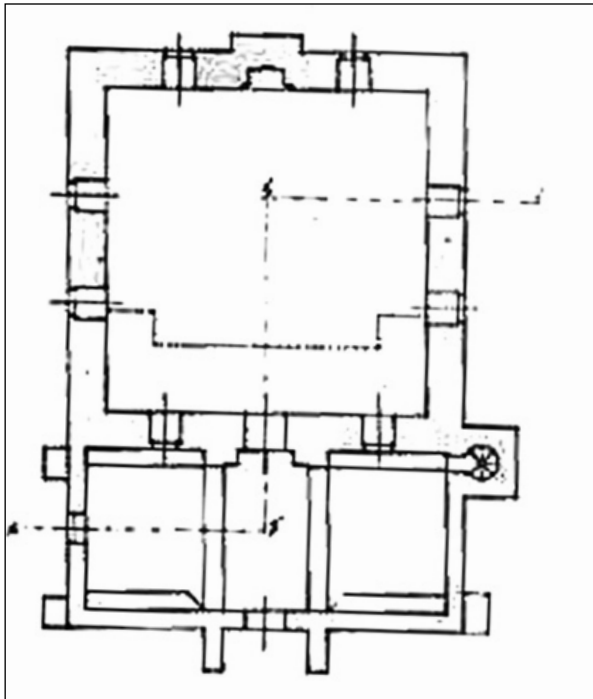
Халифе» [Челеби, 2008, с. 55]. Ему же принадлежит основание «влиятельного» суфийского братства «колечли», приверженцев учения Нашкбендия [Челеби, 2008, 139]. Этому братству также принадлежало селение Кара-Али на берегу Азовского моря, суфии из которого «с бритыми усами и четырьмя-пятью волосами в редкой бороде» были последователями «святого Ахмеда-эфенди из Колеча» [Челеби, 2008, с. 197].

Известный архитектор и реставратор Б. Н. Засыпкин исследовал мечеть Колеч в 1926 г. В своей работе «Памятники архитектуры крымских татар» он так описывает этот объект культурного наследия крымских татар:

«В основе план мечети представляет правильный квадрат, перекрытый куполом, на сферических парусах, четыре стены имеют по четыре больших стрельчатых окна, расположенных в два яруса, и вверху, по центральной оси – круглое, т. е. все элементы османского искусства. Михраб в южной стене представляет двойную нишу. Большая венчается ячеистым полукуполом ментом,

но традиционные $\frac{3}{4}$ колонки отсутствуют. Над тимпаном помещается в окаймлении прямоугольной рамки трехчастная геометрическая композиция из плетенки, в своих мотивах имеющей с сельджукскими арабесками, тимпан заполнен растительным орна[ментом] [...]»¹ прототипы в резьбе по камню армянских и кавказских памятников и получившей особенное распространение в деревянной резьбе исламского искусства, начиная от Средней Азии и кончая Испанией. С двух сторон ниши и тимпана имеются две вертикальные полосы-пилястры, геометрический орнамент которых составлен из взаимного сочетания пятиконечных звезд, восьмигранников и шестигранников. Орнамент, особенно часто встречающийся в мозаиках Средней Азии и Персии, в особенности в медресе Улугбека в Самарканде, где звезды выполнены резной мозаикой, а шести- и восьмигранники из мрамора, на который нанесен тонко разработанный и неповторяющийся растительный орнамент. По-

¹ Текст в публикации в данном месте дефектен, возможно, пропущено одна или несколько строк.

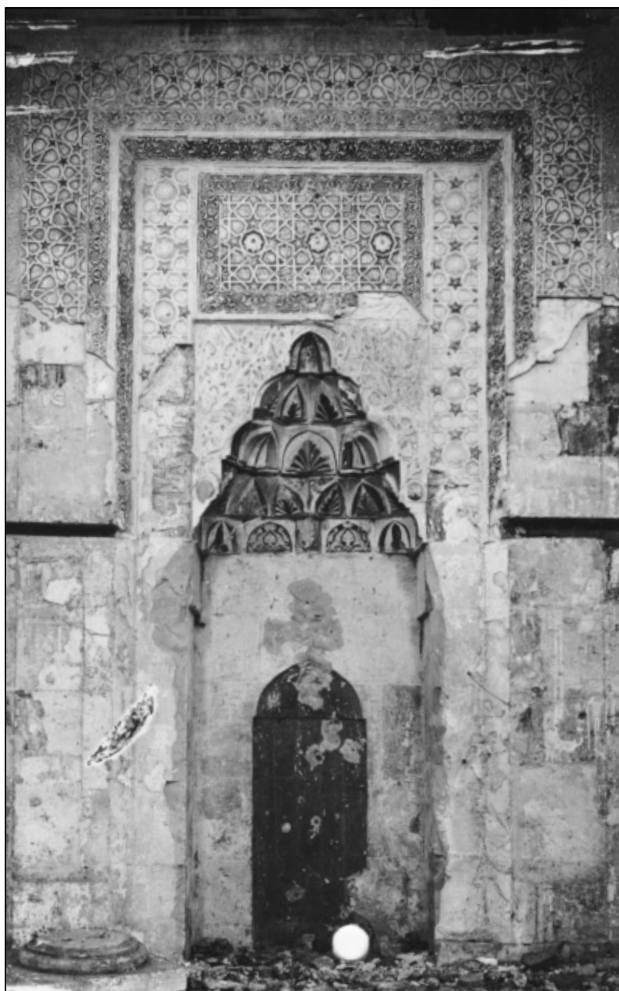

План-схема мечети в с. Колеч.

добное этому мы видим и в рассматриваемом памятнике. Полученный таким образом прямоугольник окаймляется широким бордюром из 4-х основных полос: три из них растительного характера, самый широкий из них имеет ту интересную геометрическую, бесконечно повторяющуюся плетенку, которую мы видели над тимпаном. В целом михраб является богато и разнообразно орнаментированным и, несмотря на то что нижние части его разрушены и он безвкусно раскрашен яркими красками, производит интересное впечатление, где сочетаются отзвуки больших искусств Средней Азии, Персии, Бруссы и Альгамбры на провинциальной почве Крыма. Не менее интересным по аналогичной обработке является вход в мечеть, в настоящее время выходящий в позднейшее время пристроенную северную часть. Дверной пролет перекрыт мусульманской перемычкой, расположенной в нише, верх которой увенчивается ячеистым куполом с арабесками. Тимпан был заполнен растительным орнаментом и заключается в прямоугольную раму из растительного орнамента. Пристроенная позднее северная часть мечети делится двумя арками на три части: средняя – проход, перекрыт коробовым сводом, боковые – куполами. Одно из боковых имеет маленький михраб, из другого бокового в настоящее время устроен вход в минарет. Последний пристроен на северо-за-

*Входной портал мечети в с. Колеч.
Фото 1925 г. [ГИМ 114056/5827]*

*Мечеть в с. Колеч. Михраб. Фото 1925 г.
[ГИМ 114056/5824]*

падном углу основного массива и по своим формам является весьма стройным. (...) Общий вид описываемой мечети представляет кубическую форму, на которой поставлен восьмигранный, увенчанный низким граненым куполом. Стены выложены из тесаного камня, купол и крыши выстланы плитами. В юго-западном углу внутри сохранился в полуразрушенном состоянии каменный мембер. Мечеть требует срочного ремонта обвалившейся восточной стенки барабана» [Засыпкин, 1927, 145–146]. Как считал Б. Н. Засыпкин, мечеть в Колече, так же как и мечеть, находившаяся неподалеку в селении Карагёз (Каракоз), являлись «продолжениями распространения купольных мечетей османского типа в Крыму».

Еще в 1925 г. сотрудниками Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае во главе

с У. А. Боданинским в ходе экспедиции в селение Колеч были обследованы мечеть и прилегающее к ней кладбище. Участники экспедиции сделали ряд зарисовок и фотографий как мечети, так и кладбища с остатками надгробных памятников и внушительной ротонды над одной из могил.

К сожалению, в настоящее время мечеть и кладбище не сохранились.

В конце XX века (1998–1999 гг.) территорию, на которой были расположены селение и мечеть с кладбищем, исследовал археолог А. В. Гаврилов. По его мнению, мечеть располагалась по нынешней улице Советской, д. 35, в селе Новопокровка. На этом месте местным жителем при рытье канавы был обнаружен разрушенный фундамент мечети, состоящий из «крупных камней на известняковом растворе». Мечеть была разрушена при строительстве переселенческих домов в 50-х гг. XX века. Рядом с мечетью находилось и кладбище. При обследовании А. В. Гавриловым данного места были найдены «монеты золотоордынской чеканки, Крымского ханства, архитектурные детали и фрагменты надгробий из мрамора и известняка». На территории же самого селения Колеч, которое находилось напротив мечети, археологом был обнаружен «подъемный материал», который был «представлен фрагментами кувшинов, поливной керамики светло-зеленого цвета, монетами, а также поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито». Данный археологический материал датируется XIV–XVIII вв. К сожалению, как указывает Гаврилов, «шурфовки и раскопки не проводились». Он также считает, что наименование села связано со строительством мечети: «Колечь Мечеть или Колайджа Месджид, т. е. “мечеть на удобном месте”» [Гаврилов, 2008, с. 359].

Время постройки мечети в Колече остается спорным.

К сожалению, Эвлия Челеби не сообщает нам времени, когда жил Ахмед-эфенди.

Мечеть в с. Колеч. Фото 1942 г.

По всей вероятности, первоначально находившаяся мечеть в селении Колеч была перестроена, так как она была построена с высоким минаретом, более характерным для конца XVII в. Возможно даже, мечеть была сооружена в честь Ахмеда-эфенди его последователями, представителями суфийского братства «колечли». Рядом с мечетью находилась могила в виде ротонды, также характерной для XVII – начала XVIII вв., в которой, возможно, и был перезахоронен Ахмед-эфенди. На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических

памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата Просвещения, мечеть в Колече относилась к числу памятников, безусловно подлежащих охране. На момент обследования в июле 1945 г., в примечаниях к акту обследования памятников архитектуры Старого Крыма мечеть в Колеч имела охранный номер 5530, она числилась в списке памятников архитектуры по Крымской области за 1944–1945 гг. и датировалась XVIII в.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев – Судак: Академперіодика, 2008.
2. ГАРК. Р-20, оп. 11, д. 7, л. 1-5.
3. ГАРК. Р-3385, оп. 2, д. 1, л. 102.
4. ГАРК. Р-663, оп. 2, д. 619, л. 14.
5. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. №2(4). М.-Л.: Госиздат. 1927.
6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е. В. Бахревского; Историко-археологический фонд «Наследие тысячелетий». Изд. 2-е, исправл. и доп. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008.

Р. Р. ЭМИНОВ

ЭПИГРАФИКА МЕЧЕТИ КОЛЕЧ

Камень, вмурованный в стену справа от входной арки. Это фрагмент с хорошо читаемым текстом. Фото ГНИМА ОФ 4798-205.

Сохранившийся текст:

... بر ابن حسين المرحوم

Перевод:

«...бр сын покойного Хусейна».

Судя по форме, размерам и почерку, это фрагмент надписи благотворителя или устроителя мечети. Почерк позволяет датировать надпись XVI–XVII вв.

Концовка слова, упомянутого в надписи, однозначно не говорит в пользу какого-либо имени. Ясно, что оно должно заканчиваться на *-бр* или *-ир* (например, Амир).

Фрагмент явно переиспользован, очевидно при позднейшем ремонте.

Надпись обрамляющая входную арку, как видно на фото была закрыта позднейшей штукатуркой. Но благодаря тому, что на фото видно начало надписи, можно уверенно восстановить текст (Фото ГНИМА ОФ 4798-209). Судя по почерку, надпись одновременна фрагменту с именем благотворителя мечети.

فَلَمَّا آتَاهَا نُودِيَ يَا مُوسَى

Это часть аята 11 суры 20 (Та-Ха):

«А когда он подошел к нему, было возглашено: «О Муса!...»

Полностью коранический контекст таков (перевод И. Ю. Крачковского):

8. (9). Дошел ли до тебя рассказ о Мусе?

9. (10). Вот увидел он огонь и сказал своей семье: «Останьтесь, я почувал огонь».

10. Может быть, я вернусь к вам с факелом оттуда или найду у огня верный путь».

11. (11). А когда он подошел к нему, было возглашено: «О Муса!

12. (12). Воистину, Я – твой Господь, сними же свои сандалии! Ты ведь в долине священной Тува.

13. (13). И Я изобрел тебя; прислушайся же к тому, что тебе возвещается.

14. (14). Воистину, Я – Бог, нет божества, кроме Меня! Поклоняйся же Мне и совершай молитву в Мое воспоминание!

15. (15). Поистине, час приходит, Я готов его открыть,

16. чтобы всякая душа получила воздаяние за то, о чем старается!

17. (16). Пусть не отвлекает тебя от нее тот, кто не верует в нее и кто последовал за своей страстью, чтобы тебе не погибнуть...»

Надпись вокруг михраба видна только в одном фрагменте под осыпавшейся штукатуркой в его левой части. Уверенно читается только несколько букв.

Текст:

... [ولا] تكونوا من ا ...

«...[и не] будьте из ...»

Это только часть *аята*, и такой фрагмент встречается в Коране дважды.

«Соблюдайте полностью меру и не будьте из числа недомеривающих» (26:181);

«обращаясь к Немю: бойтесь Его, и выстаивайте молитву, и не будьте из числа многобожников» (30:31).

Однако отдельные буквы предшествующей части надписи, видные на фото, не соответствуют ни одному из двух коранических контекстов. Это означает, что, возможно, предшествующий блок с надписью не составляет с ней целого, и блоки использованы в произвольном порядке, что снова наводит на мысль об использовании их как строительного материала без привязки к михрабу. Возможно, именно поэтому их впоследствии и оштукатурили (чтобы скрыть надпись).

И. В. ЗАЙЦЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПОСЕЛЕНИЕ КОЛЕЧ

На 1930 г., согласно списку архитектурно-археологических памятников Крымской АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки Народного Комиссариата Просвещения, мечеть в Колече относилась к числу *памятников, безусловно подлежащих охране* [ГАРК. Ф. Р-663, оп. 2, д. 619, л. 12].

В примечаниях к акту обследования памятников архитектуры Старого Крыма за 7 июля 1945 г. в числе уничтоженных объектов города числилась мечеть в Колече (подробное описание места). Памятник на момент составления акта имел регистрационный охранный номер 5529.

Находится на юго-восточной окраине села Новопокровка Кировского района (бывшее Колеч-Мечеть или Колайджа Месджид, т. е. «мечеть на удобном месте»). Территория бывшего поселения частично занята жилой застройкой современного села, частично бывшей молочно-товарной фермой, частично пахотными полями [Гаврилов, 1997, с. 38; Гаврилов, 1999, с. 22]. При рытье канавы на своем участке по адресу ул. Советская, 35, гражданин М. Минзатов наткнулся на фундамент, сложенный из крупных камней на известковом растворе с примесью толченой керамики. Мечеть на этом месте существовала еще в 50-е годы XX века, когда и была разрушена при строительстве переселенческих жилых домов. Рядом с мечетью было большое кладбище

с множеством надгробий. Здесь находят монеты золотоордынской чеканки, Крымского ханства, архитектурные детали и фрагменты надгробий из мрамора и известняка. Мечеть и медресе упоминает Эвлия Челеби, посетивший это татарское селение в 1666/67 годах [Книга путешествий, 1999, с. 105]. Он называет его Кёледж (Колеч). Фотографии и описание мечети имеются в статье Засыпкина Б. И. в журнале «Крым» № 2 (4) за 1927 год. По сообщению местных жителей, в 0,65 км к юго-востоку от выявленных остатков мечети рядом с курганом № 2134 находилось дюрбе. При обследовании данного места было выявлено небольшое количество мелких бутовых известняковых камней и фрагментов черепицы и поливной керамики. Ныне эта территория занята мусульманским кладбищем, частными огородами и пахотным полем. В это же время было окончательно разрушено и татарское селение Колеч-Мечеть, находившееся почти напротив мечети на правом берегу речки Чурук-Су.

Подъемный материал представлен фрагментами кувшинов, поливной керамики светло-зеленого цвета, монетами, а также поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито. На основании археологического материала селище датируется XIV–XVIII вв. Шурфовки и раскопки не проводились.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник III. Киев-Судак, 2008.
2. Гаврилов А. В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995–1997 годах // Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины, № 446.
3. Гаврилов А. В. Отчет о раскопках кургана у города Феодосии и археологических разведках в Юго-Восточном Крыму в 1999 году // Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины, № 653, инв. книга 4, папка 1060.
4. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е. В. Бахревского; Историко-археологический фонд «Наследие тысячелетий». – Изд. 2-е, исправл. и доп. — Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008.

Ш. С. СЕЙТУМЕРОВ

РОТОНДА У МЕЧЕТИ КОЛЕЧ (XVII—начало XVIII вв.(?))

с. Колеч (Колеч-Месджит)
(совр. с. Новопокровка)

Ротонда находилась на территории сельского мусульманского кладбища, параллельно южному фасаду мечети. Аналогом в монументальном зодчестве средневекового Крыма служит сохранившееся до наших дней Эски-дюрбе в Бахчисарае: открытое арочное сооружение без входа примыкает к южному фасаду мавзолея.

Предположительно в ротонде мог быть похоронен Ахмед-эфенди, представитель суфийского братства «колечли».

Ротонда у мечети – монументальное сооружение, выполненное из тесаных блоков камня известняка. Хорошо выложенная кладка придает четкость линиям объема памятника. В плане сооружение прямоугольной формы, без входного проема; весь периметр обведен высоким цоколем. По нему выложены короткоствольные, круглые в сечении, колонны на массивных базах.

По удлиненным сторонам ротонды – три колонны. Они образуют двухпролетную колоннаду, перекрытую арочными перемычками. Арки опираются на каменные «подушки» капителей квадратной формы.

По торцовым сторонам ротонды – арки однопролетные.

Суровость и массивность сооружения смягчает филенчатое обрамление арок. По периметру ротонды арки перетянуты характерными для средневековья металлическими тягами.

Дюрбе Колеч. Фото Н. Н. Клепинина

Ротонда в с. Колеч. Рис. У. Боданинского.

По верху перемычек выложен профилированный карниз. Остатки каменной кладки над карнизом указывают на существовавший ранее парапет.

Общий вид ротонды зафиксирован в рисунке, выполненном в середине 20-х годов

XX в. директором Бахчисарайского дворца-музея Усеином Боданинским, а также на фотографии, автором которой является Клеппинин Н. Н.¹

Сведений о постановке ротонды на учет, в качестве памятника архитектуры

периода Крымского ханства, не найдено. Ротонда, как мечеть и прилегающее к нему мусульманское кладбище, была разобрана и уничтожена вероятнее всего в послевоенное время.

Литература и источники

1. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму : сборник / Крым-план. Симферополь, 1930.
2. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е. В. Бахревского; Историко-археологический фонд «Наследие тысячелетий». Изд. 2-е, исправл. и доп. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008.

З. МАМУТОВА

¹ Николай Николаевич Клеппинин (1869, Екатеринбург – 1936, Симферополь) – известный учёный, почвовед, фотограф, автор более шестидесяти научных работ по изучению почв, краеведению, геологии, памятникам природы и старины Крыма.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК «ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК СУ-БАШ-1».

В 2017 г. Гурзуфским отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции Института археологии РАН на территории Кировского района Республики Крым проводились спасательные археологические исследования поселения и могильника Су-Баш-1, оказавшегося в зоне строительства автомобильной трассы «Таврида».

Памятник расположен у восточной окраины пос. Приветное. Дренажный ров, проходящий по территории археологического объекта с юго-запада на северо-восток, делит его на две части – восточную и западную. Восточная часть памятника распашана, культурные напластования сильно повреждены регулярной распашкой второй половины прошлого века как простым, так и, возможно, плантажным плугом, а также перекопами, возникшими в результате хозяйственной деятельности. На западной части фиксируется небольшое болото, не пересыхающее даже в самую жаркую погоду, а за болотом – небольшой лесок, произрастающий в пойменной части старого русла реки Су-Баш. Основная часть этой западной территории находится к северу от болота и леса, используется под приусадебные участки и занята жилой застройкой пос. Приветное.

На топографической карте 1817 года, составленной генерал-майором С. А. Мухиным, поселение в этом районе еще не значится, впервые появляется на военно-топографической карте 1842 года полковника Бетева и подполковника Оберга. На этой карте Баш-Субаш обозначен условным знаком «малая деревня» (менее 5 дворов) на левом берегу реки Субаш. По результатам VIII ревизии 1864 года Субаш – деревня уже с 12 дворами и 80 жителями, приписанная после земской реформы Александра II к Салынской волости. После земской реформы 1890 г. деревню приписали к Цюрихтальской

волости, и в статистическом справочнике Таврической губернии 1915 г. в Цюрихтальской волости Феодосийского уезда значится село Субаш на земле И. К. Айвазовского [Гржибовская, 1999, с. 196, 284]. В 1948 г. с. Су-Баш переименовали в с. Золотой Ключ, в период с 1954 по 1968 гг. село было присоединено к пос. Приветное, которое до 1945 г. называлось Джума-Эли.

Археологический памятник «Поселение и могильник Су-Баш-1» был обнаружен и локализован А. В. Гавриловым в 1995–1997 гг. при обследовании земель бывшего колхоза «Родина» и предварительно датирован им XIII–XIV вв. [Гаврилов, 1998, с. 42, карта 8]. В октябре 2016 г. памятник был обследован в ходе разведок Института археологии РАН, а в 2017 г. были осуществлены полномасштабные исследования выявленного средневекового памятника (рис. 1, 1, 2).

Поселение и могильник Су-Баш-1 представляют собой большой многослойный памятник. На площади 17 тыс. кв. м открыто 1005 погребений и 150 объектов – хозяйственные ямы, каменные вымостки, колодец, участок древней дороги [Мастыкова, Решетова и др., 2018; Мастыкова, Решетова и др., 2019].

Грунтовый могильник

Могильник располагался в основном в восточной части археологического объекта, подвергавшейся, как уже было сказано, интенсивной распашке, определить, существовали ли какие-либо надмогильные сооружения, не представляется возможным. Концентрация погребений на исследованном участке достаточно высокая, с регулярно расположенными погребениями, которые в целом ориентированы по линии запад-восток (иногда с небольшим отклонением на юг). Выделяется несколько типов погребальной конструкции грунтовых погребений: простые

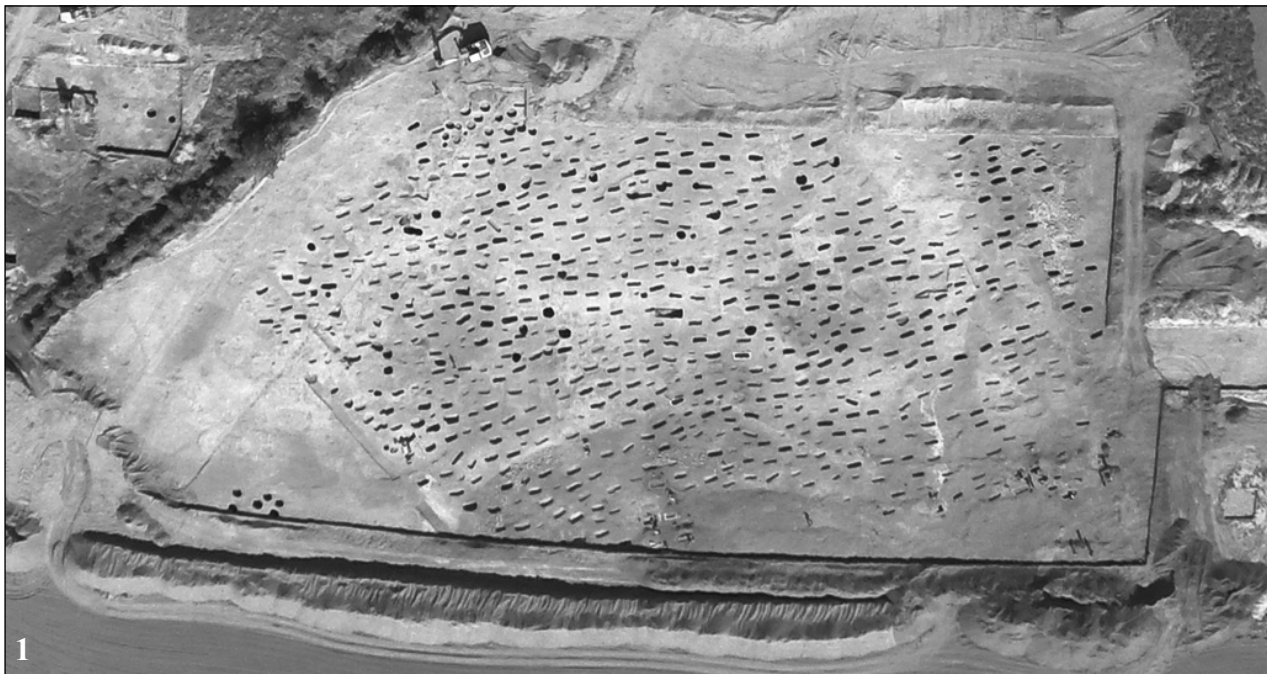
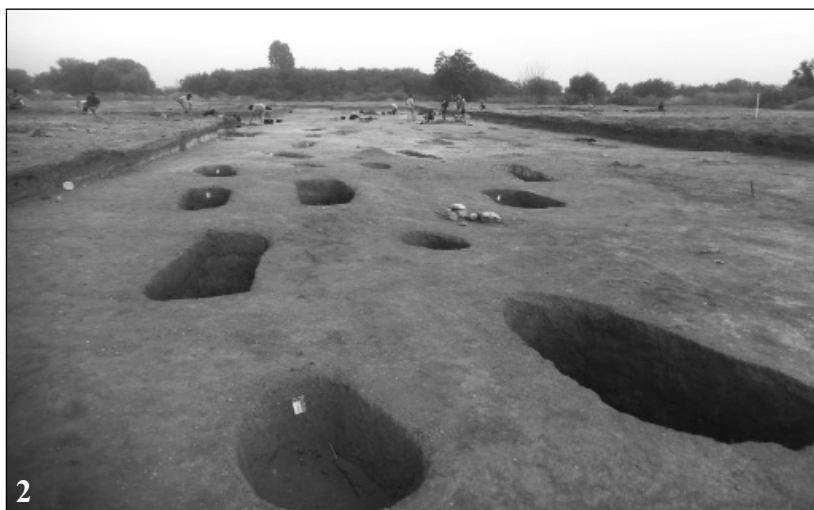

Рис. 1. Поселение и могильник Су-Баши-1.

1 – территория памятника в процессе исследования, аэрофотосъемка К. А. Ганичева;

2 – восточный участок памятника, рабочий момент на раскопе.

погребения; погребения, перекрытые камнями; погребения с подбоями; погребения с подбоями, перекрытые сырцовыми блоками; погребения в деревянных конструкциях; погребения, выложенные внутри сырцовыми блоками; погребения, выложенные внутри сырцовыми блоками с деревянными конструкциями (рис. 2, 1, 2), и одно погребение, перекрытое деревянным настилом (рис. 3, 1, 2)¹. Все могилы одиночные и совершены по обряду ингумации. Покойные обращены головой на запад, положения погребенных в могилах достаточно разнообразны. Наи-

¹ Зафиксирован единственный случай захоронения в хозяйственной яме № 80.

более часто встречаемая поза – вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками и с вытянутыми ногами. Но отмечены и другие положения тел:

- вытянуто с поворотом на правый бок, соответствующее «канонической» мусульманской позе погребенного;
- покойные уложены на правый бок;
- на спине с согнутыми в коленях ногами;
- на спине и разведенными в стороны ногами и т. д.

Зафиксированы различные варианты положения рук: вытянуты вдоль тела; правая рука вытянута, кисть левой руки находится на животе, что наиболее характерно для

классических мусульманских захоронений; положение кистей обеих рук в области живота, в области груди и т.д. Лицом погребенные обращены, как правило, на юг, как того и требовали правила исламского погребального обряда (рис. 2, 2; 3, 2).

Фрагменты ткани, вероятно савана, обнаружены лишь в одном погребении 291, но признаки пеленания – по степени сжатости и по положению костяка – фиксируются во многих захоронениях.

Как правило, все погребения – безынвентарные, что является одним из признаков «канонического» мусульманского захоронения [Халикова, 1986], кроме четырех случаев: в трех погребениях 426, 671, 934 возле черепа *in situ* было найдено по одной серьге, а в погребении 667 в нижней челюсти покойного зафиксирована округлая сердоликовая бусина. Интересно отметить еще один случай – в погребении 510 у захороненного мужчины между четвертым и пятым ребрами находился втульчатый трехгранный наконечник арбалетной стрелы [Мастыкова, Сейдалиев, 2019, в печати]. По всей видимости, ранение этой стрелой было смертельным, т. к. стрела не была вынута из раны и мужчину похоронили с ней.

Итак, можно констатировать, что погребальный обряд могильника достаточно сложный, полиморфный, и по предварительным наблюдениям исследованная группа погребений предстает как в основном мусульманская, но при этом присутствуют и захоронения с отклонениями от правил исламского обряда.

В настоящее время И. К. Решетовой (Институт археологии РАН) проводятся биоархеологические исследования антропологической коллекции могильника Су-Баш-1. Первичные демографические данные выявили сильную диспропорцию между жен-

щинами и мужчинами: для мужчин средний возраст составляет 38,3 года, а для женщин – 23,3 года. Наибольший пик женской смертности находится в интервале до 20–25 лет, мужской – в возрастной когорте старше 50 лет, при этом мужская серия характеризуется интенсивными физическими нагрузками на опорно-двигательный аппарат. Особенностью исследованной группы, как отмечает И. К. Решетова, является высокий процент детской смертности, причем в младенческом возрасте. В морфологическом аспекте антропологическая коллекция неоднородна и представлена очень массивными и грацильными группами. Это относится как к характеристикам черепов, так и посткраниальных скелетов. В краниологической серии присутствует ярко выраженный восточный компонент, характеризующийся высоким мезокранным и брахикранным черепом; другой краниологический тип имеет

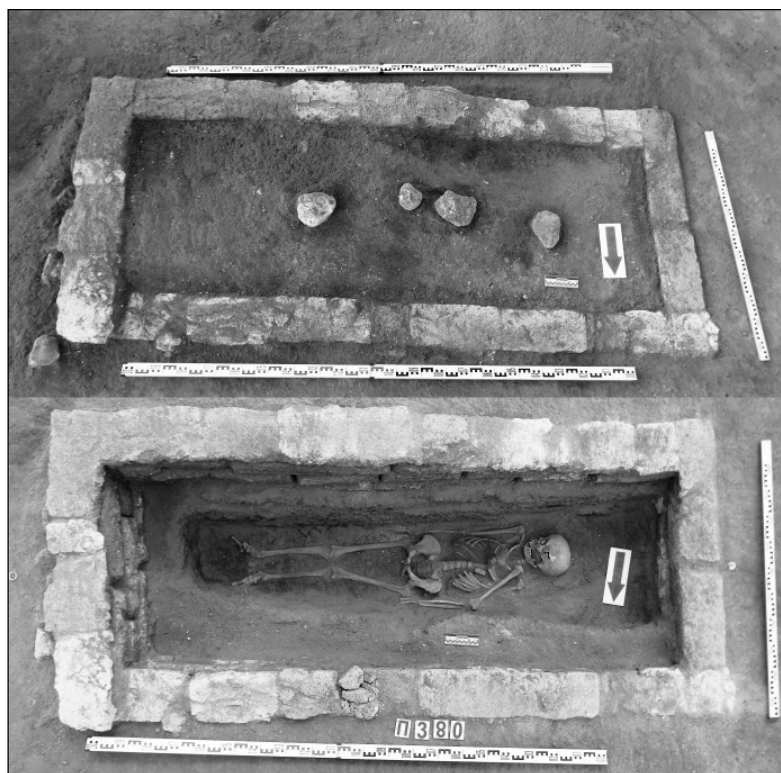

Рис. 2. Могильник Су-Баш-1. Погребение 380 с выложенными внутри сырцовыми блоками и деревянной конструкцией.

1 – уровень выявления погребения;
2 – завершение расчистки погребения.

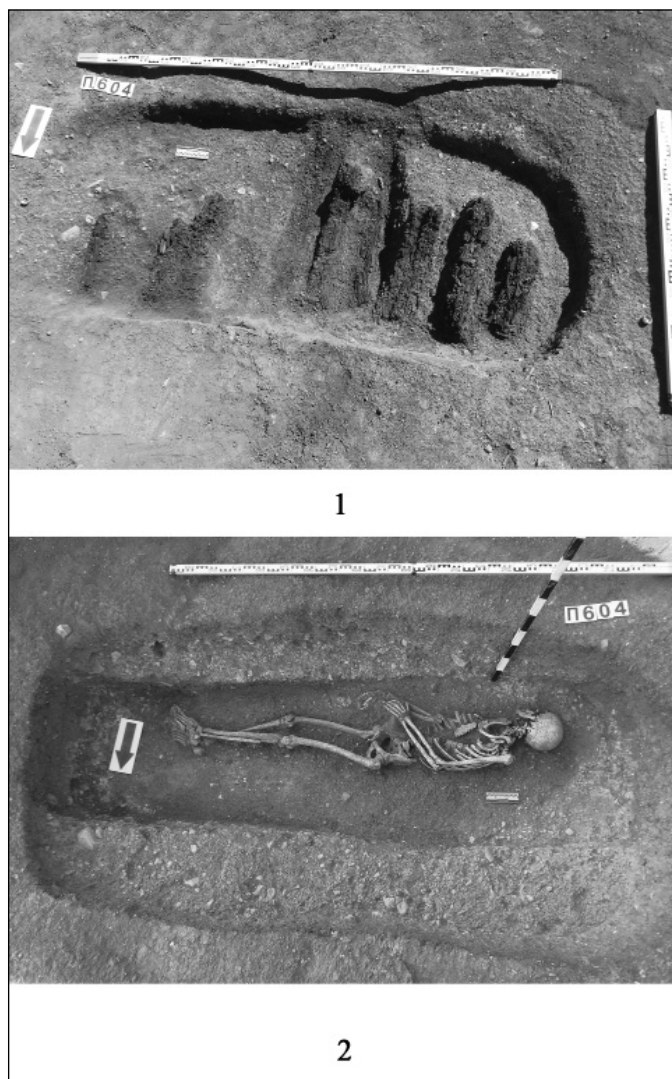

Рис. 3. Могильник Су-Баш-1. Погребение 604, перекрытое деревянным настилом.
1 – уровень выявления деревянного настила;
2 – завершение расчистки погребения.

выраженные европеоидные черты и характеризуется долихокранным и мезокранным черепом [Мастыкова, Решетова и др., 2018, с. 195, 196; Мастыкова, Решетова и др., 2019, с. 104–114].

Поселение

К поселенческим объектам относятся хозяйственные ямы (рис. 4, 1). Именно в них был обнаружен массовый материал, прежде всего керамический, где преобладает рядовая круговая, но присутствует также и поливная керамика, в целом изделия датируются XIV–XVIII вв.² (рис. 4, 2).

² Атрибуция керамического материала проведена

Нумизматическая коллекция – это 170 монет от второй половины XIII по XVII вв.³, найденных в основном в культурном слое поселения. Имеется также небольшое количество предметов из цветного металла, а также разнообразные предметы из железа.

Остеологическая коллекция тоже собрана преимущественно из хозяйственных ям поселения. Результаты археозоологического исследования, проведенного Л. В. Яворской (Институт археологии РАН), показали, что таксономическая структура этой коллекции обычна для средневекового сельского памятника. Основные используемые на поселении животные – домашние копытные, среди которых главное место занимают остатки крупного рогатого скота – 58,9%, мелкого рогатого скота (овцы и козы) – 33,0%, лошади – 8,1%. Ведущую роль в мясном потреблении играет говядина – 82,0%, баранина – 10,3%, конина – 7,7%. По мнению Л. В. Яворской, данное сельское поселение занималось преимущественно разведением крупного рогатого скота, его жители сами потребляли мясо этого животного в наибольшей степени, а также, по-видимому, поставляли его в города. Продукция же степного скотоводства, конина и баранина, вероятно, не играла значительной роли в диете насельников поселения, козлятина же могла быть лишь побочным продуктом разведения коз для молока и козьего «пуха».

В восточной части исследованной территории открыт участок древней дороги протяженностью 29 метров, шириной 8 метров. Здесь помимо 25 монет обнаружено значительное количество железных предметов различного назначения, в основном подковы лошадей, ослов, волов и т. д.

Таким образом, исследованный археологом Валерием Евгеньевичем Науменко (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского).

³ Атрибуция нумизматического материала проведена Валерием Анатольевичем Сидоренко (НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского).

гический объект «Поселение и могильник Су-Баш-1» представляет собой большой по площади многослойный памятник с потревоженным культурным слоем. Памятник относится к золотоордынскому времени и периоду существования Крымского ханства, предварительно его можно датировать по нумизматическому и керамическому материалам второй половиной XIII–XVII вв., не исключая XVIII в. Стоит отметить, что для этого периода имеется очень мало сельских памятников крымскотатарского населения, изученных широкой площадью.

1

Литература

и источники

1. Гаврилов А. В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995–1997 годах // Научный архив федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Крыма РАН, № 446. 1998.

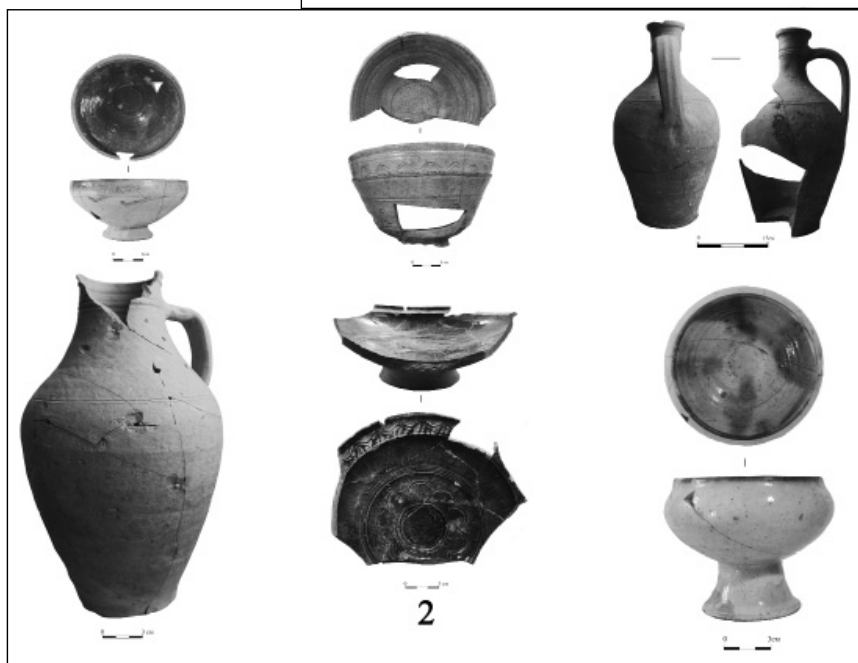
2. Гржибовская Г. Н. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник / Под ред. Г. Н. Гржибовской. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999.

3. Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – нач. XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986.

4. Мاستыкова А. В., Решетова И. К., Чаукин С. Н., Ганичев К. А. Поселение и могильник Су-Баш-1 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: ИА РАН, 2018.

5. Мاستыкова А. В., Решетова И. К., Чаукин С. Н., Ганичев К. А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш-1 в Юго-Восточном Крыму // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Том II / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019.

6. Мاستыкова А. В., Сейдалиев Э. И. Предметы средневекового вооружения из раскопок поселения и могильника Су-Баш-1 в Восточном Крыму // Stratum plus. № 5. 2019.

2

Рис. 4. Поселение Су-Баш-1.

1 – рабочий момент расчистки хозяйственной ямы № 125;

2 – керамические изделия из разных объектов.

А. В. МАСТЫКОВА

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЖЕМЧУЖИНА-1¹

Поселение расположено на расстоянии примерно 20 км к северо-западу от г. Феодосия и в 10 км к северо-востоку от г. Старый Крым, в долине речек Чурук-Су и Кхоур Джигле, в Кировском районе Республики Крым, неподалеку от современного села Жемчужина Крыма. Расположение поселения можно связать с близостью столицы золотоордынского Крыма городом Солхат (совр. Старый Крым) и наличием тут источника, к которому примыкают с северо-запада крайние постройки поселения. Общая площадь поселения составляет около 18740 кв. м. Ввиду того, что через территорию поселения планировалось проложить трассу Таврида, были организованы спасательные археологические исследования, в результате которых была раскопана северная часть памятника площадью 8190 кв. м. По справедливому замечанию авторов исследований, расцвет поселения связан с активным развитием Солхата. Видимо по этой причине, поселение Жемчужина являлось достаточно крупным стационарным населенным пунктом. На памятнике были раскопаны многочисленные жилые и хозяйственные постройки, очаги, участки мощеные камнем и т.д. Как отмечают авторы исследований, эти постройки были как наземными, так и углубленными в грунт (полуземлянки?). Среди раскопанных объектов выделяются также тандыры с воздуховодами, хозяйственные ямы, служившие как для хранения зерна (обнаружены остатки пшена и гречихи), так и

в качестве мусорных. В четырех ямах были выявлены санитарные захоронения. Среди костей животных встречаются кости крупного и мелкого рогатого скота и верблюдов, что свидетельствует о развитии и этой отрасли сельского хозяйства. Другие археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне жизни поселения и, вероятно, его некотором высоком статусе, среди памятников сельской округи Солхата. Среди предметов быта обнаружены изделия из железа (ножи, гвозди), каменные жернова и оселки, костяные весы для монет, медные и серебряные монеты, предметы из меди (фрагменты котлов и ковшей, украшения), фрагменты бронзовых зеркал и замков, ювелирные изделия из бронзы и серебра, детали костюма (пряжки, наконечники ремня, пуговицы). Обнаружены также элементы конской сбруи и предметы вооружения (железные стрелы, каменные снаряды для пращи). Значительную долю находок составляют керамические изделия, как местного производства мастерских юго-западного и юго-восточного Крыма (в том числе ремесленных центров Солхата), так и импортного: посуда византийского, испанского и поволжского производства. Особый интерес вызывает наличие на поселении фрагментов стеклянной лампы. А. Н. Хохлов и В. Р. Мелькова относят время возникновения поселения к началу XIV в., а его запустение датируют концом этого столетия [Хохлов, Мелькова, 2019, с. 71–85].

Литература и источники.

1. Хохлов А. Н., Мелькова В. Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. в 2 т. Москва: Институт археологии РАН, 2019. Т. 2.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

¹ Составлено по материалам публикации: Хохлов А. Н., Мелькова В. Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. в 2 т. Москва: Институт археологии РАН, 2019. Т. 2.

ПОСЕЛЕНИЕ ТАМГАДЖА, XIV—XVIII вв.¹

Поселение находится в 0,7 км в северо-восточном направлении от восточной окраины плотины Старокрымского водохранилища или в 0,5 км от очистных сооружений в села Изюмовка Кировского района. Вероятно, площадь поселения занимает вершину водораздела между хребтом Карасан-Оба и поймой реки Чурук-Су. В настоящее время на территории поселения расположен фруктовый сад, ранее она подвергалась распашке. Судя по распространению культурного слоя на значительной площади (около 0,3х0,3 км) поселение было достаточно большим. По всей площади встречается бутовый камень и археологический материал, представленный фрагментами красноглиняной и поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито, монета-

ми золотоордынской и солхатской чеканки [Гаврилов, 2008, с. 347].

В письменных источниках поселение упоминалось в Камеральном описании Крыма как Тюпетжик и входило в Арабатский кадылык Кефинского каймаканства [Лашков, 1888]. Название поселения Тамгаджи, вероятно, следует ассоциировать с его особым статусом на торговом пути соединяющим Солхат с Кафой, именно тут купцы, везущие свой товар, могли проходить таможенный досмотр (?). Впоследствии, на месте опустевшего мусульманского селения, было основано село Изюмовка.

Шурфовки и раскопки на территории поселения не проводились, но на основании подъемного материала и данных письменных источников поселение можно предварительно датировать XIV—XVIII вв.

Литература и источники

1. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник III. Киев-Судак, 2008.
2. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 года : Каймаканствы и в оных каймаканами кто состоит // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симф. : Типогр. Таврическ. Губ. Земства, 1888. Т. 6.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

¹ Составлено по материалам ресурса Археологическая Карта Крыма: <http://www.archmap.ru>

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭСКИ-ЮРТ¹

Поселение расположено в 1,3 км. к югу от Старокрымской городской больницы и в 2,1 км. к северо-востоку от монастыря Сурб-Хач, на правом берегу реки Чурук-Су в небольшой долине, которая раньше называлась Эски-Юрт. Объект был известен в XIX в., а позже был исследован О. Н. Бадером [Бадер, 1940, с. 155; Гаврилов, 2001, с. 38]. С севера, запада и юго-запада поселение ограничено оврагами глубиной 5–20 м, впадающими в реку Чурук-Су. В овраге, у юго-западной части поселения находится источник. С юго-восточной и восточной сторон граница памятника обозначается земляным валом, общей протяженностью около 180 м, шириной 2–3 м, высотой 0,3–0,5 м. В настоящее время поселение полностью покрыто лесной растительностью. Площадь поселения около 1,8 га. В 2001 г. А. В. Гавриловым на территории памятника были проведены археологические исследования с шурфовками.

От поселения сохранились искусственные террасы и развалы бутового известнякового камня на поверхности. Естественный склон местности и характер застройки, вероятно повлиял на планировку террас. В северо-восточной части памятника выделяются оплывшие ямы подпрямоугольной и овальной формы площадью от 15 до 50 кв. м. Причиной их появления, возможно, стала выборка камня из кладок разрушенных жилищ. Поселение характеризуется следами плотной застройки. На самой высокой части поселения, так же в северо-восточной части фиксируется холм,

прямоугольный в плане, также со следами активной выборки камня. По мнению исследователей, тут могло располагаться культовое сооружение.

Плотность застройки, отмеченная большим количеством каменных развалов, представлена подпорными стенками, хозяйственными или жилыми постройками. В 300 м. к востоку исследователи отмечают наличие остатков задернованного каменного вала (шириной 2,8 м, высотой 0,4 м, протяженность 60 м). Вероятная линия оборонительного сооружения ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Вал начинается на склоне горы и заканчивается овальным по форме каменным развалом, диаметром 10 м, высотой 0,5 м.

Подъемный материал на поселении представлен фрагментами: красноглиняной поливной столовой посуды с орнаментом в технике сграффито; красноглиняных монохромных поливных сосудов; красноглиняной и сероглиняной тарной, кухонной и столовой посуды; штампованого поливного сосуда; ножки сипаи; водопроводных труб и строительной керамики (черепица, плинфа); металлических изделиями: подковами, гвоздями; медными монетами. Из них одна определена – это анонимная джучидская монета 1380 г. Так же значительный материал дали шурфовки, которые позволили датировать памятник [Гаврилов, 2008, с. 351–353].

По предварительным результатам исследований поселение может быть датировано XIV–XV вв.

Литература и источники

1. Бадер О. Н. Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М.: 1940. Т. 1.
2. Гаврилов А. В. Отчет об археологических шурфовках на античном укреплении у села Виноградное (Куру Баш) Феодосийской административной зоны АР Крым и археологических разведках в Юго-Восточном Крыму в 2001 году // Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины, № 686, инв. книга 4, папка 1096.
3. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник III. Киев-Судак, 2008.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

¹ Составлено по материалам ресурса Археологическая Карта Крыма: <http://www.archmap.ru>

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА В СЕЛЕНИИ ОТУЗЫ

(совр. п. Щebetовка Феодосийского горсовета)

Средневековое селение Отуз (Отузы), ныне п. Щebetовка Феодосийского горсовета, находится на границе Степного и Горного Крыма, примерно на полпути между современными Феодосией и Судакom. Селение расположено в верхней части живописной долины, в 4 км от берега моря и в 12 км от г. Старый Крым.

В XIV веке, в период расцвета города Кырым/Солхат, селение Отуз было тесно связано с городом. Через поселение Отуз проходила дорога из Солхата к небольшому торговому порту, который располагался в нижней, прибрежной части Отузской долины [Крамаровский, 2014, с. 42], также удобные торговые пути шли в направлении

Судака и Каффы. С селением Отуз связаны легенды и предания, возможно указывающие на существование здесь в золотоордынский период дворца и летних резиденций богатых жителей города Кырыма/Солхата [Бороздин, 1927, с. 25–26].

Впервые эпиграфические памятники золотоордынского периода были обнаружены в селе Османом Нури Акчокраклы в 1926 г.: *«При посещении мною в мае 1926 г. с экскурсией учащихся Крымскотатарской опытно-показательной 9-летней школы дер. Отузы (в 15 верстах южнее Старого Кырыма) мною обнаружены были до сих пор хорошо сохранившиеся памятники татарской старины, относящиеся к XIV веку»*. В Оту-

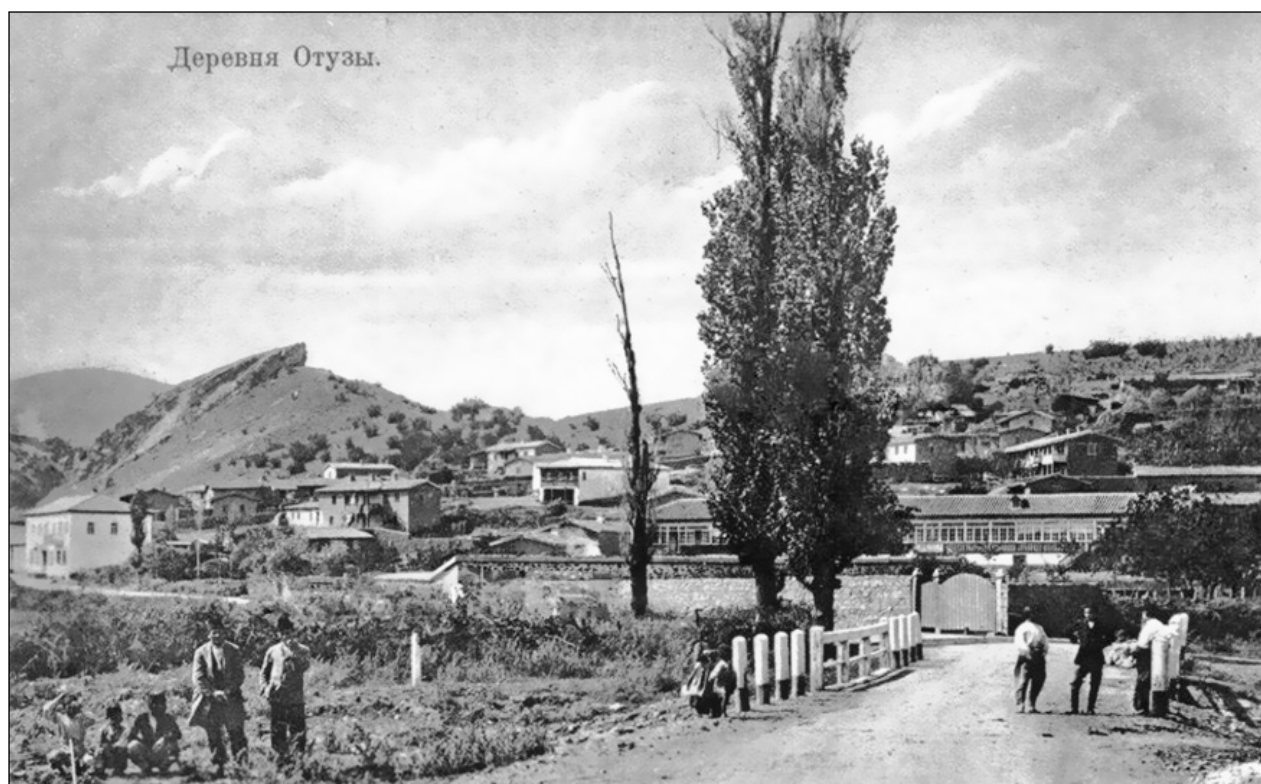

Рис. 1. Дер. Отузы. На заднем плане гора Мал-Кая, рядом с которой были обнаружены надгробия золотоордынского периода. Открытка нач. XX века.

Рис. 2. Члены экспедиции И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, У. Н. Боданинский, О.-Н. А. Акчокраклы и местные жители возле надмогильных памятников, с. Отуз. 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие» [Мирас – Наследие. Том 2, 2016, с. 493]).

зах на древнем кладбище на самой живописной вершине холма в ограде покоятся 3–4 могилы <...>. На трех вертикально стоящих массивных плоских надгробных камнях высечены рельефно надписи на арабском языке изящным почерком «сулюс» [Акчокраклы, 1927, с. 8].

В августе 1926 г. при посещении деревни членами археологической экспедиции, в состав которой входили проф. И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, У. Боданинский, О.-Н. Акчокраклы, в окрестностях селения были исследованы надмогильные памятники, находившиеся в каменной ограде, а также массивная закладная плита с арабской надписью и датой 760 г. х., встроенная в стену мечети в квартале *Кучук-маалле*, в местности с названием *Кавунлык*.

Тексты с надгробий и закладной плиты были прочитаны и опубликованы О. Акчокраклы в статье «Старокрымские и Отузские надписи» [Акчокраклы, 1927, с. 8–9, 17].

В фондах БИКАМЗ сохранились зарисов-

ки этих памятников, сделанные Усеином Боданинским, датированные 22 августа 1926 г. [Фонды БИКАМЗ № КП-10182/ 1310; Фонды БИКАМЗ № КП-10182/ 1330]. В фондах ОПИ ГИМ хранятся фотографии, сделанные на месте обнаружения памятников и опубликованные в 2016 г. в книге «Мирас – Наследие» [Мирас – Наследие, Т. 1. 2016; Мирас – Наследие, Т. 2. 2016].

Обнаруженные памятники датированы XIV веком и, скорее всего, были установлены на могилах шейхов (возможно, учителей, или членов суфийских братств), выходцев из Анатолии и Ирака, распространявших исламские знания в окрестных селах и проживавших в расположенной где-то поблизости текие [Акчокраклы, 1927, с. 9].

В последующие годы, а особенно после депортации крымских татар в 1944 г., о памятниках ничего не было известно. Впервые после долгого забвения на фрагменты памятников обратил внимание исследователь Нариман Абдульвапов. В ходе совместной

крымско-турецкой экспедиции в 2012 году на территории нового мусульманского кладбища в перенесенных сюда фрагментах древних надгробий Н. Абдульваповым был идентифицирован фрагмент надгробия «*шейха Якуба Конийского (729 г. х.)*» [Абдульвапов, 2013, с. 7].

В ходе поездки в с. Отузы в мае 2017 г. сотрудниками Крымского научного центра там же, на территории современного мусульманского кладбища, расположенного в районе пересечения ул. Ленина и ул. Македонского, среди фрагментов надгробий XVIII–XIX веков, снесенных сюда местными жителями, были идентифицированы еще два фрагмента памятников XIV в. Это описанные в статье О.-Н. Акчокраклы надгробия «*Идриса сына Хаджи Яхьи*» (763 г.) и «*шейха Хаджи Яхьи*» (782 г.). Ключом к идентификации памятников послужили рисунки У. Боданинского. Также были обнаружены фрагменты еще одного надгробия с оформлением, характерным для памятников золотоордынского периода [Усеинов, Сейтумеров, 2017, с. 199].

По информации от местных жителей, фрагменты надгробий первоначально были найдены при разборе старого забора возле здания конторы на ул. Ленина в 90-х гг. XX в. и перенесены на территорию современного мусульманского кладбища. Скорее всего, в послевоенный период памятники были разбиты и вместе с другими фрагментами надгробий использованы в качестве строительного материала.

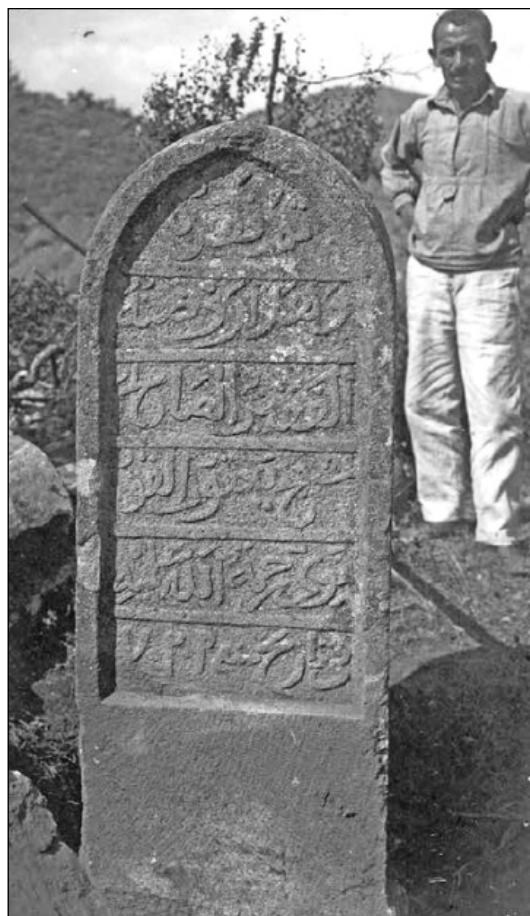
На сегодняшний день в Отузах сохранились фрагменты пяти памятников, которые можно отнести к XIV в. Это небольшие фрагменты четырех надгробий и сохранившаяся массивная закладная плита с датой 760 г. (1358/59), также зафиксированная еще экспедицией 1926 г.

1. Надмогильный памятник

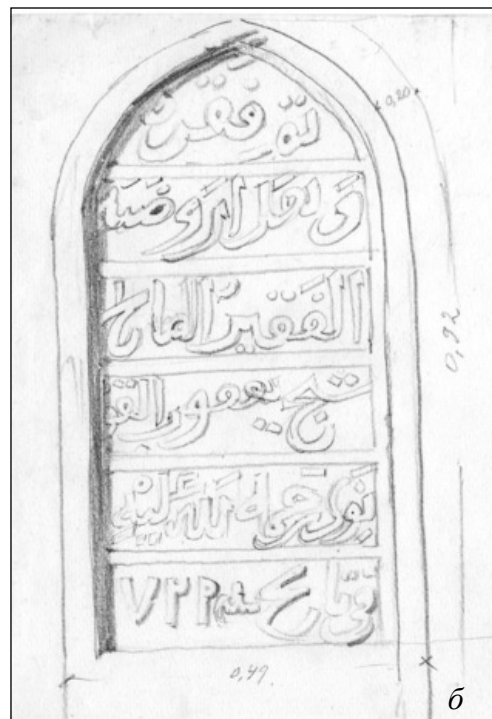
«*шейха Якуба Конийского*» 729 г. х. (1328/29 гг.)

Изначально памятник представлял собой надгробие в виде плоской вертикальной стелы со стрельчатым верхом (рис. 3). Рельефная надпись на арабском языке располагалась в нише-углублении.

Надпись на надгробии выполнена на арабском языке:

а

б

Рис. 3. Надмогильный памятник «*шейха Якуба Конийского (729 г. х.)*»: а) фото 1926 г. [Фонды ОПИ ГИМ № 114056/5784]; б) рисунок У. Боданинского. 1926 г. [Фонды БИКАМЗ № КП-10182/1310]

а

б

Рис. 4. Современное состояние фрагментов памятника «шейха Якуба Конийского (729 г. х.)». Фото 2017 г.

تم فقره
و هذا روضة
الفقير الصالحي
الشيخ يعقوب القو
نوى رحمة الله عايه
فى تاريخ ٧٢٩

Перевод: *Окончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного, праведного шейха Якуба Конийского. Да будет над ним мир Божий. 729 г. х. (1328/29).* (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы, 1927, с. 17].

Примечательна дата, приведенная цифрами, что является редкостью для надгробий золотоордынского периода в Крыму.

На сегодняшний день сохранились два фрагмента от этого памятника. Первый фрагмент с четвертой и пятой строками, обнаруженный Н. Абдульвааповым в 2012 г., находится на новом мусульманском кладбище (рис. 4 а). Второй фрагмент в виде основания надгробия с сохранившимися несколькими буквами «*фи [тари]х*» находится на горе *Мал-Кая*, практически рядом с тем местом, где памятники находились изначально в первой половине XX века (рис. 4б). Сравнение с известными обмерами У. Боданинского, фотографиями памятни-

ка и анализ расположения сохранившихся букв, дают основание утверждать, что это фрагмент надгробия 729 г.

2. Надмогильный памятник «Идриса сына Хаджи Яхья Отузского» 763 г. х. (1361/62 гг.)

Памятник представлял собой массивное, плоское вертикальное надгробие из известняка, с килевидным верхом, рельефная надпись на арабском языке располагалась в нише (рис. 5).

Надпись на памятнике:

الله
هذاروضة المرحوم
الشهيد ادريس بن
حلخى يحيى اوتوزى

فى تاريخ صفر لسنة ثلثة و ستين و سبعما به

Перевод: *Аллах. Это могила покойного мученика Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского. Месяца Сафар, 763 г. х. (1361 г.).* (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы, 1927, с. 17].

От этого надгробия сохранился небольшой фрагмент с частью третьей и четвертой строк (рис. 6).

Несомненной ценностью данного надгробия является на данный момент и самое

раннее упоминание название села – Отуз, датированное 1361–1362 гг. в *нисбе* погребенного – *اوتوزى* «*Отузи*». Генуэзские письменные источники впервые упоминают это название только в нач. XV в.

3. Надмогильный памятник

782 г. х. (1380 г.).

«*шейха Хаджи Яхья,
сына Мухаммеда Иракского (?)*»

Памятник представлял собой массивное, плоское вертикальное надгробие из известняка, со стрельчатым верхом (рис. 7). На лицевой стороне – рельефная надпись на арабском языке.

Надпись на памятнике:

تم فقره
و هذا روضة
الفقير الصالبح
الزاهد شيخ حاجى
يحيى بن محمد العراقى (?)
رحمة الله عليه
فى تاريخ ٧٨٢

Перевод: *Окончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного подвижника шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского(?). Да будет над ним мир Божий. 782 г. (1380).* (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы, 1927, с. 17].

Подтвердить прочтение на памятнике Османом Акчокраклы *нисбы* *العراقى* («*Аль-Ираки*») не представляется возможным. Рисунок в этом месте явно не соответствует тексту Акчокраклы и отличается от изображения на фотографии, которое недостаточно подробно. Сохранившийся фрагмент сильно обветрился и имеет следы бетонного раствора, что затрудняет разбор текста в этом месте на камне.

На сегодняшний день сохранился фрагмент памятника с частью четвертой и пятой строк. Надписи плохой сохранности (рис. 8).

О.-Н. Акчокраклы обратил внимание на титул «*шейх*» на двух обнаруженных надгробиях. Слово «*шейх*» широко распространено в мусульманской среде и используется при обращении к

Рис. 5. Надмогильный памятник «Идриса сына Хаджи Яхья Отузского (763 г. х.)». Фото 1926 г. [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 489].

Рис. 6. Современное состояние фрагмента надгробия «Идриса сына Хаджи Яхья Отузского (763 г. х.)». Фото 2017 г.

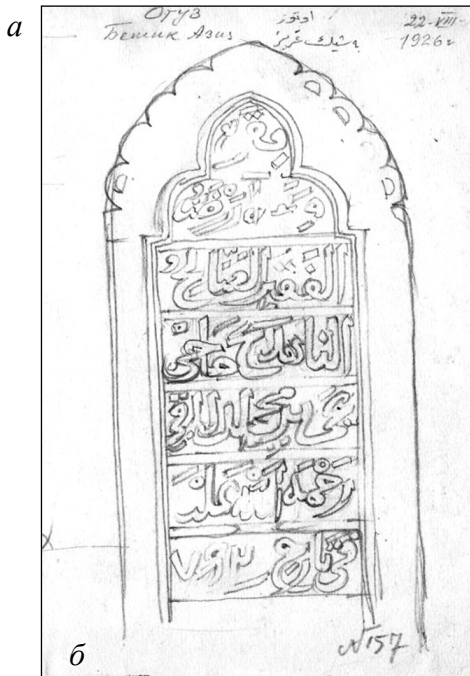

Рис. 7. Надмогильный памятник «шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда. 782 г. х.»: а) фото 1926 г. [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 492]; б) рисунок У. Боданинского. 1926 г. [Фонды БИ-КАМЗ № КП-10182/ 1330]

пожилым или ученым людям. На надгробиях часто используется как обозначение титула руководителя, либо наставника суфийской обители, либо мусульманского ученого. Это позволило О.-Н. Акчокраклы предположить наличие в окрестностях селения текие дервишей, связанного с суфиями Анатолии.

Также О.-Н. Акчокраклы отметил, что скорее всего второй и третий памятники – *Идриса сына Хаджи Яхьи Отузи* и *Хаджи Яхьи сына Мухаммеда* – это могилы отца и сына. С именем Идриса сына Хаджи Яхьи связан еще один памятник в Отузах – это закладная плита с датой 760 г. х. которая рассмотрена ниже (см. № 5). Можно предположить, что *Идрис Отузи* в 1360 г. был причастен к строительству какого-то архитектурного объекта, через год в декабре 1361 г. погиб (на это указывает слово *шехид* на памятнике), а его отец – Хаджи Яхья был похоронен рядом спустя почти 20 лет.

Обращает на себя внимание, и то, что, несмотря на близкое расположение некрополя к городу, памятники в Отузах отличаются от аналогичных надгробий Старого Крыма. На двух памятниках в надписях проставлены огласовки, а даты прописаны цифрами, что также не характерно для старокрымских надгробий золотоордынского периода, даты на которых практически всегда обозначались прописью.

4. «Двурогий» саркофаг

Еще одно надгробие, зафиксированное на фотографиях 1926 г., представляет собой небольшой саркофаг с полукруглым верхом и с полу-

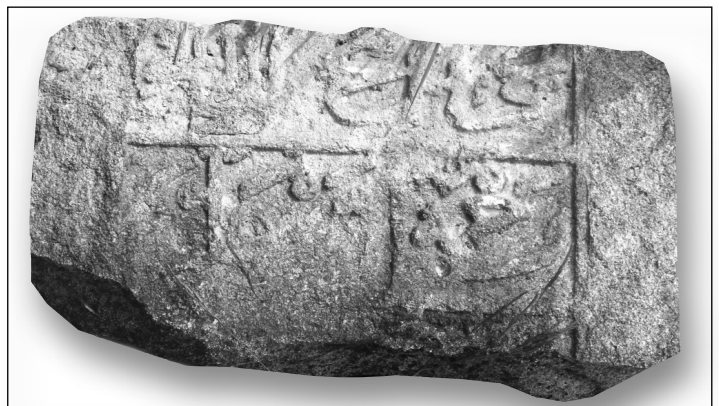

Рис. 8. Современное состояние фрагмента надгробия «шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда» (763 г. х.). Фото 2017 г.

круглыми выступами на обоих торцах (т. н. «рогами») (рис. 9). Боковые стороны надгробия украшены орнаментом-«плетенкой». На торцах – растительный орнамент и изображение лампы, характерное для надгробий XIV–XV вв. Данный памятник в статье Акчокраклы не упоминался (возможно, из-за того, что не имел надписи), но присутствует на фотографиях, сохранившихся в архивах [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 487]. Повторно был обнаружен в мае 2017 г., среди фрагментов надгробий XVIII–XIX вв. на новом мусульманском кладбище.

5. Закладная плита (*китабе*)

Самый значительный памятник золотоордынского периода среди упомянутых выше – закладная плита, обнаруженная О.-Н. Акчокраклы возле мечети в квартале *Кучук-маалле*, с посвятительной надписью и датой 760 г. х. (1358/59). Представляет собой массивный прямоугольный камень известняка, надпись рельефная, на арабском языке, написана почерком «сулюс». Сохранность текста плохая. Сохранилась фотография 1926 г., по которой можно сверить прочтение текста О.-Н. Акчокраклы (рис. 10).

Рис. 9. Надгробие с вертикальными выступами («чатал»). Фото 1926 г. [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 487]) и современное состояние памятника. Фото 2017 г.

Рис. 10. Закладная плита, вмонтированная в стену мечети. Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие» [Мирас – Наследие. Том 2, 2016, с. 488]).

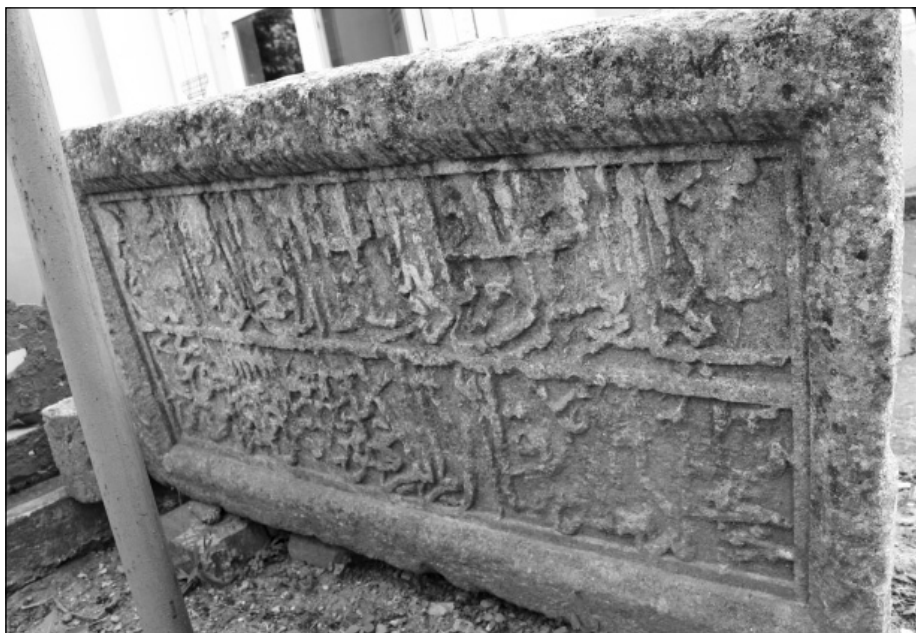

Рис. 11. Современное состояние памятника, расположенного у входа в мечеть с. Отуз. Фото 2017 г.

Рис. 12. Мечеть в квартале Кучук-маале, возле которой долгие годы находилась закладная плита. Фото 1926 г. (Из книги «Мирас – Наследие» [Мирас – Наследие. Том 2, 2016, с. 484]).

Перевод надписи: *Этот благословенный колодец(?) построил в дни царствования великого султана, опоры мира и религии <...> хана, да будет вечно царствование его, по приказу великого эмира Кутлуг-Тимур-бека, – да будет долга жизнь его, покорный раб бедный, Идрис сын Хаджи Яхьи. 760 г. (1359 г.).* (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [Акчокраклы, 1927, с. 17].

Ценность этого памятника, помимо даты (1359 г.) – упоминание наместника Крыма – эмира Кутлуг-Тимура, а также косвенное упоминание хана Мухаммеда Бердибека (правл. 1357–1359).

Сохранность надписи на фото (рис. 10) и рисунке 1926 г. сильно различаются. Акчокраклы упоминает о реставрации памятника местным муэдзином. Возможно, отсутствие части текста на рисунке У. Боданинского показывает места, которые были доделаны реставратором. Повреждения и утраты текста именно в этих местах мы видим и на современной фотографии памятника (рис. 11).

По словам жителей села, плита долгие годы пролежала возле здания мечети, в которой в 30-е гг. XX в. размещалась электростанция, а позже, уже после депортации крымских татар в 1944 г., была устроена

Рис. 13. Вид с горы Мал-Кая на село Отуз, в левом нижнем углу стрелкой указана каменная ограда с надгробиями, описанная в статье О. Акчокраклы. (Из фондов ОПИ ГИМ № 114056/5925).

общественная баня. Закладной камень в 90-х гг. XX в. был перенесен на территорию другой, восстановленной мечети в квартале *Буюк-маалле*, где находится и сегодня.

Сохранившиеся фотографии, выполненные с разных ракурсов, позволяют довольно точно локализовать местонахождение золотоордынского мусульманского кладбища. Это вершина небольшого холма к северу от горы *Мал-кая* (рис. 15). Локализацию некрополя облегчило присутствие

на фотографиях 1926 г. изображения горы *Арды-Кая* и склона холма *Чегерлик* на заднем плане фотографий (рис. 13, 14). Косвенным подтверждением правильности выводов о местонахождении некрополя является памятная стела, установленная местными жителями на месте предполагаемого некрополя, видимо, по воспоминаниям старожилов. На месте предполагаемого некрополя на поверхности земли видны обломки камней и фрагмент надгробия (рис. 46).

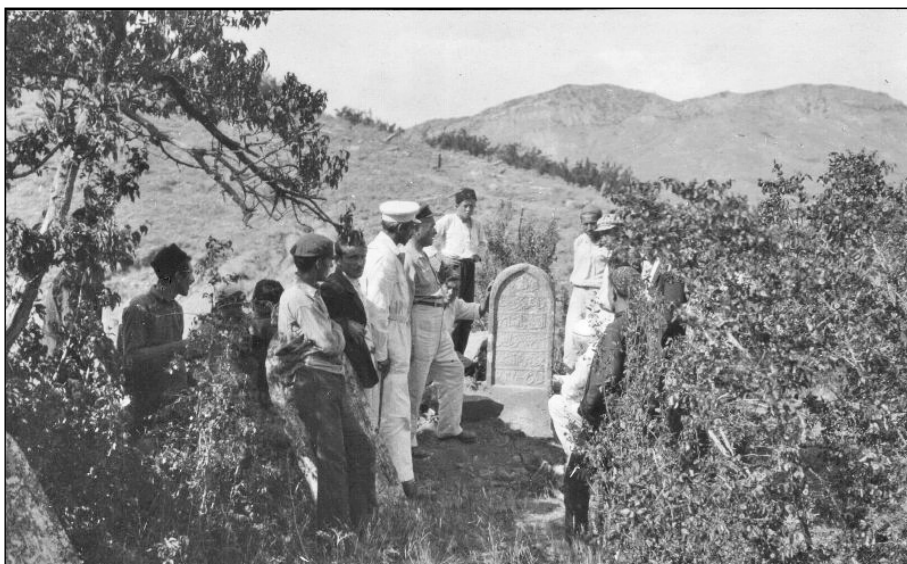

Рис. 14. Посещение археологической экспедицией золотоордынского кладбища в с. Отуз. Фото 1926 г. [Мирас – Наследие. Том 1, 2016, с. 496]. На заднем плане – гора Арды-Кая и склон холма в местности Чегерлик.

Рис. 15. Карта окрестностей горы Мал-Кая. (на рис.: 1) трасса Судак – Феодосия; 2) гора Мал-кая; 3) предполагаемое место мусульманского кладбища XIV в.; 4) склоны горы, на которых фиксируются остатки более позднего мусульманского кладбища XIX–XX вв.).

По сведениям старожилів села, юго-восточный склон горы *Мал-Кая*, а также отрог с северной стороны горы занимало мусульманское кладбище, на котором хоронили еще в первой половине XX века [Аппазов У., 2017]. На это указывают как сохранившееся на склоне горы надгробие, относящееся, судя по врезному стилю арабской надписи, к нач. XX в., так и большое количество каменных обкладок старых могил, видимых на земле на достаточно большой площади и в значительном удалении от вершины холма.

Наличие в фондах ОПИ ГИМ еще нескольких фотографий с надгробиями, характерными для золотоордынского периода, и с подписью «Отузы» дает возможность предположить, что кладбище золотоордынского периода, возможно, не ограничивалось каменной оградой, зафиксированной на фотографиях 1926 г. Но установить точные размеры могильника, относящегося к золотоордынскому периоду, пока не представляется возможным.

У. Боданинским зафиксировано название места, на котором были обнаружены надгробия, – «*Бешик-Азиз*»

Рис. 16. Местность «Чегерлик» со следами мусульманского некрополя XIX–XX в., рядом с местом расположения надгробий XIV в. Фото 2017 г.

[Фонды БИКАМЗ № КП-10182/1310]. Вся данная местность известна у местных жителей под названием «Чегерлик» (*крымскотат. «заросли кустарника»*), а гора рядом с погребениями – «Мал-кая» (*крымскотат. «гора имущества» (?)*) [Аппазов У., 2017].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на разрушение надмогильных памятников XIV в., часть фрагментов надгробий все же сохранилась. Содержание надписей указывает на миграционный

приток населения с территории Анатолии, который был связан, по-видимому, не только с торговлей, но и с миссионерской деятельностью на территории полуострова. Значительное количество эпитафических памятников может указывать на наличие здесь мусульманского населения во второй половине XIV века и, возможно, на наличие религиозного центра, способствовавшего распространению ислама в Отузской и соседних долинах.

Литература и источники

1. Абдульвапов Н. О некоторых крымских эпитафических находках последнего времени, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай. 23–27 октября 2013 г.). Симферополь: Антиква, 2013.
2. Акчокраклы О. [-Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58).
3. Аппазов Уснедин. Интервью 13.05.2017 г. [Электронный ресурс] / вел М. Усеинов. Архив М. Усеинова. – Аудиозапись.
4. Бороздин И. Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Конии 729 г. хиджры) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1.
5. Крамаровский М. Г. Оборонительный комплекс Солхата 1375–1380 гг. Опыт интерпретации // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: історичні науки. Випуск 20. 2014.
6. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах : в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. ООО «Астер Плюс», 2016. Т. 1.
7. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах : в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. ООО «Астер Плюс», 2016.
8. Усеинов М., Сейтумеров Ш. Поездка в с. Отуз // Крымское историческое обозрение. Crimean Historical Review. 2017. № 2.
9. Фонды БИКАМЗ № КП-10182/1310. Рис. надгробий.
10. Фонды БИКАМЗ № КП-10182/1330. Рис. надгробия.
11. Фонды ОПИ ГИМ № 114056/5925. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13548134>.
12. Фонды ОПИ ГИМ № 114056/5784. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14796600>.

М. А. УСЕИНОВ

НАДГРОБИЕ ИЗ СЕЛЕНИЯ ШАХ-МУРЗА

Надгробие из с. Шах-Мурза во дворе музейного хранилища в Старом Крыму. Фото 20-х гг. XX в.

Надгробие из с. Шах-Мурза врыто в землю к западу от мечети хана Узбека. Фото 1979 г.

Селение Шах-Мурза располагалось приблизительно в 8 км к юго-западу от Старого Крыма по старой дороге в Судак. Селение, видимо, лежало на караванном пути и, судя по надгробию, имело мусульманское население в XV в.

Памятник впервые упоминается в статье О. Акчокраклы [Акчокраклы, 1929, с. 156]. В фондах БИКАМЗ в «Книге поступления негативов» под № 1138 отмечен как «Надгробие в виде колонны с базой 823 г.¹ из дер. Шах-Мурза...».

Памятник представляет собой массивное цилиндрическое надгробие переходящее в нижней части в рифленую колонну и базу. Данное надгробие примечательно как массивностью и большой высотой, не характерной для других памятников Старого Крыма, так и текстом, выделяющимся изящным и хорошо скомпонованным каллиграфическим рисунком.

Текст на надгробии, на арабском языке подчерком «сулюс», расположен по кругу в верхней части памятника и в нише.

Текст по кругу цилиндра О. Акчокраклы не опубликован.

Перевод текста в нише: **В месяце Рамадан, 813 г. х. = (1410 г.)** (Прочтение О. Акчокраклы, № 188 в статье) [Акчокраклы, 1929, с. 156].

В конце 20-х гг. XX в. хранился в музейном хранилище в г. Старый Крым. Был повторно обнаружен археологической экспедицией СКАЭГЭ в 1978 г. На фотографиях конца 70-х гг. XX в. фиксируется врытым в землю к западу от мечети Узбека.

На сегодняшний день памятник хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Литература и источники

1. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
2. Фонды БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 8, л. 95.

М. А. УСЕЙНОВ

¹ Дата указана неверно. См. [Акчокраклы, 1929, с. 156].

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ г. СТАРЫЙ КРЫМ

Значимой группой источников в деле изучения мусульманских памятников XIII–XV вв. г. Старый Крым являются исторические карты и планы города и его ближайшей округи, анализ которых позволяет получить обширные сведения о развитии поселения в прошлом, локализовать и идентифицировать большинство объектов культурного наследия, расположенных на его территории. Наиболее ранним из выявленных в архиво-хранилищах Российской Федерации планов г. Старый Крым является чертеж дивизионного квартирмейстера Ивана Лютого, выполненный в 1783 г. (рис. 1) [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22608]. Впервые опубликован М. Г. Крамаровским [Крамаровский, 1989, с. 144], в дальнейшем использован в работах В. П. Кирилко [Кирилко, 2011, с. 126], А. В. Гаврилова, В. В. Майко [Гаврилов, Майко, 2014, с. 22] и др. В 1920 г. документ входил в состав фондов Военно-ученого архива Главного штаба (отд. 9, № 911) [Бертъе-Делагард, 1920, с. 100]. А. Л. Бертъе-Делагард, упоминая чертеж, емко охарактеризовал его следующим образом: «Сделан в большом виде, озаглавлен «План Старого Крыма», потемкинских времен. Год не обозначен, но около 1783 года. При надобности можно точнее определить по стоянке полков, указанных на плане: Екатеринославские и Днепровские пикинерные, Изюмский, казачий Ежова. План подробный, укрепления обозначены ясно, нанесены отдельные здания: церкви (6), мечети (3), в том числе «самопервая» Узбека, но училище разрушено [медресе. – Д. Л.], синагога (1), фонтаны (12). Дано подробное объяснение. Были приложены добавочные рисунки, не оказавшиеся. Чертил кварт. Ив. Лютов» [Бертъе-Делагард, 1920, с. 100]. Дальнейшая судьба

«добавочных» рисунков, о которых упомянул А. Л. Бертъе-Делагард, не установлена.

Благодаря работам Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского на плане 1783 г. идентифицировано большинство объектов. Согласно плану 1783 г. и совпадающему с ним плану начала XIX в. губернского землемера Павла Чуйко [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20159], общая площадь поселения к середине XV в. составляла около 220 га [Крамаровский, 1989, с. 144]. Длина оборонительных стен Солхата достигала 6,2 км. Они были усилены башнями (М. Г. Крамаровский склонен считать, что их количество достигало 65 [Крамаровский, 2010, с. 22]). Расстояние между ними различалось в зависимости от рельефа местности (75–100 м). Наиболее насыщенной являлась северо-восточная линия обороны со стороны кафинского тракта. А. Л. Бертъе-Делагард обратил внимание на несоответствие линий рва и городских стен, отступивших на восточных участках «на полет стрелы» [Бертъе-Делагард, 1915, с. 234]. Расстояние между стеной и рвом на северном участке составило 295–590 м. М. Г. Крамаровский объяснил это тем, что «линия внешнего рва не имеет никакого отношения к средневековому городу» [Крамаровский, 1989, с. 147]. Многолетние исследования показали, что город был обнесен рвом в 60-х гг. XIV в., что, возможно, связано с поражением ордынского войска на Синих Водах [Крамаровский, 2010, с. 22]. Строительство крепостных стен вокруг Старого Крыма началось позже – во второй половине 70-х гг. XIV в.

Установлено, что Эски-Крым располагал двумя медресе, баней, гостиным двором, базаром и пятью мечетями (двумя пятничными и тремя квартальными) [Крамаровский, 2009,

с. 401]. На плане 1783 г. их отмечено шесть: четыре в северной части города и по одной в юго-западном и юго-восточном секторах. Одна из мечетей изображена рядом с медресе. В легенде к плану эта мечеть отмечена как наиболее ранняя. Речь идет о мечети Узбека [Крамаровский, 1989, с. 148]. На северо-востоке от нее изображена мечеть Бейбарса. В северо-восточном секторе городища на краю спуска к оврагу Кемаль-Ата обозначена еще одна мечеть, ныне известная как Куршум-Джами.

План 1783 г. предполагал размещение восьми кладбищ в черте города и пяти за его пределами. Из них экспедицией И. Н. Бороздина обнаружено одно, расположенное в центре города, что свидетельствует о резерве городских площадей. На плане XVIII в. нет ни базаров, ни караван-сарая, ни бань, что являлось неотъемлемой частью города. В. Д. Смирнов и И. Н. Бороздин считали, что караван-сарай располагался в юго-восточном секторе городища, где на плане 1783 г. отмечен «первый ханский дом». Строение общей площадью свыше 2500 кв. м по объему достаточно для караван-сарая. Дальнейшие исследования подтвердили данную локализацию объекта. По мнению М. Г. Крамаровского, «не исключено, что в городе сосуществовало несколько караван-сарая» [Крамаровский, 1989, с. 148].

Основываясь на данных плана, группа христианских памятников располагалась в северо-западном секторе городища, а иудейская кенасса в юго-восточном. Два из шести христианских храмов остались вне городских укреплений.

В 1994 г. СКАЭГЭ исследован курган, расположенный на северной окраине г. Старый Крым (упомянут В. Д. Смирновым как «Мамай-Шах»). Судя по плану города, составленному около 1783 г., курган отстоял от линии утраченных ныне средневековых городских стен на 300–500 м к востоку и располагался за пределами городища на одном из высоких надпойменных мысов р. Чурук-Су. На плане П. С. Чуйко насыпь кургана отмечена как «Мамайское старое кладбище» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20159].

В Государственном архиве Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) в фонде

№ 377 «Таврическая губернская чертежная Таврического губернского правления, г. Симферополь Таврической губернии, 1784–1917 гг.» выявлен ряд топографических планов г. Старый Крым и его округа. При этом наиболее ранний из них, обозначенный в описи как «План города Старый Крым, 1805 г.» [ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 11], утерян, предположительно, после 2010 года. Учитывая дату создания плана, а также в большинстве своем высокое качество производимых работ чертежной Таврической губернии, отсутствие публикаций данного материала, очевидно, что утерян ценный источник по истории средневекового поселения Солхат. Есть основания предполагать, что документ мог оказать значительную помощь в локализации ряда архитектурно-археологических объектов города. Также в фондах ГАРК отсутствуют два плана старокрымской болгарской колонии («Старокрымская болгарская колония, а ныне село владения болгар», 1793 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 11. Д. 818] – не обнаружен при проверке описи в 1956 г.; «Старый Крым – болгарская колония», 1867 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2221] – не обнаружен при проверке описи в 1978 г.).

В фонде Таврической губернской чертежной выявлен «План Таврической губернии города Старого Крыма, владения купцов, мещан и разного звания людей», составленный 13 июля 1891 г. межевым инженером Барановым (рис. 2, 3) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2203]. В легенде карты отображены результаты обмеров участка: «пашни 965 дес. 440 саж., сенного покоса 88 дес. 1120 саж., выгону 309 дес. 580 саж., лесу 785 дес. 960 саж., под садовыми местами 64 дес., под городом 259 дес. 2180 саж., под каменистыми местами 206 дес. 1080 саж., под улицами и дорогами 33 дес. 1060 саж., под кладбищами 4 дес., под речкой 1 дес. 400 саж. Всего 2717 дес. 620 саж.». При переводе сведений инженера Баранова в современную измерительную систему площадь «под городом» Старым Крымом к 1891 г. составляла 329,5 га.

Линиями, обозначенными заглавными буквами, отмечены границы смежных зе-

мель: «А–Б – дер. Имарет¹, Б–В – Болгарской колонии, В–Г – казенного Османического леса, Г–Д – дер. Субаш², Д–Е – дер. Нейман³, Е–Ё – дер. Кринички⁴, Ё–Ж – дер. Эссен-Эли⁵, Ж–З – дер. Карагоз⁶, З–А – дер. Изюмовки⁷». На плане отмечены жилые кварталы г. Старый Крым без указания названия улиц, отдельные строения, среди которых мечеть Узбека (обозначена условным знаком в виде горизонтально расположенного полумесяца).

Следующим по хронологии является копия «Плана проектированного расположения города Старого Крыма Таврической губернии в 1891 г.» (рис. 4) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 12]. В верхнем правом углу размещено примечание от 12 февраля 1893 г., о том, что «настоящая копия с подлинным планом верна, что Старокрымская городская управа подписью и приложением печати свидетельствует». Чертеж завизирован подписью городского головы и печатью Старокрымской управы. На плане обозначены «каменные постройки существующие», «каменные кварталы существующие», «кладбище, сады и поля», отмечено расположение предполагаемых в

¹ Имарет – село, располагавшееся на юге современного Кировского р-на в отрогах Внутренней гряды Крымских гор, примерно в 3 км к юго-востоку от г. Старый Крым. Уничтожено немецкими войсками в 1943 г. После Великой Отечественной войны переименовано в Козий Яр, но фактически более не возрождалось. В период с 1954 по 1968 гг. снято с учёта в связи с отсутствием жителей.

² Субаш – исчезнувшее село, располагавшееся на юге современного Кировского р-на Республики Крым. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г. переименовано в Золотой Ключ. В период с 1954 по 1968 гг. присоединено к Приветному.

³ Нейман (с 1945 г. – Абрикосовка) – село в Кировском р-не Республики Крым, центр Абрикосовского сельского Совета.

⁴ Кринички – село в Кировском р-не Республики Крым, входит в состав Абрикосовского сельского Совета.

⁵ Эссен-Эли (с 1948 г. – Бабенково) – село в Кировском р-не Республики Крым, входит в состав Абрикосовского сельского Совета.

⁶ Карагоз (с 1948 г. – Первомайское) – село в Кировском р-не Республики Крым, центр Первомайского сельского Совета.

⁷ Изюмовка (до начала XIX в. – Тамгаджи) – село в Кировском р-не Республики Крым в составе Первомайского сельского Совета.

будущем кварталов. Арабскими цифрами показано размещение в городской черте собора, армянской церкви, мечети Узбека, городской управы, «лавок», церковного приходского и ремесленного училищ, городского фонтана. Название улиц не обозначено.

На «Плане г. Старый Крым 1898 г.» (рис. 5) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 11] красным цветом с обозначением заглавными буквами отмечены трактирные заведения города («А – Мурашова, Б – Карагодова, Г – Крюкова»). Арабскими цифрами указано расположение в городе христианского собора, армянской церкви, мечети Узбека, городской управы, «лавки», церковного приходского и городского училищ, городского фонтана, кладбища. Чертеж выполнен с указанием названий большинства улиц города: Армянская, Болгарская, Верхняя, Греческая, Григорианско-Армянская, Древняя, Екатериненская, Заводская, Крымская, Монастырская, Новая, Отузская, Полицейская, Садовая, Слободская, Успенская, Феодосийская, Хан-Сарайская, Центральная.

По результатам генерального межевания земель Таврической губернии 10 апреля 1899 г. составлен «Геометрический спиральный план участка Таврической губернии Феодосийского уезда города Старого Крыма владения города, купцов, мещан и разного звания людей» (рис. 6, 7) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 11. Д. 840]. «Межи утверждал и план сей составлял» старший землемер, инженер Тельшевский. В ГАРК хранится копия данного чертежа, выполненная землемерным помощником Смирновым, засвидетельствованная землемерным помощником Томашовым. Копия завизирована начальником 2-го отделения чертежной, статским советником Игнатьевым. Линиями, обозначенными заглавными буквами, отмечены границы смежных земель: «А–Б – казенного Старо-Крымского и Османгичского леса, Б–В – разоренной дер. Субаш, В–Г – дер. Найман, Г–Д – дер. Кринички, Д–Е – 2-я часть дер. Эссен-Эли, Е–Ж – 1-я часть дер. Эссен-Эли, Ж–З – дер. Карагоз, З–И – дер. Изюмовка, И–Й – имения Имарет, Й–А – Старокрымской болгарской колонии». Результаты генерального земельного межева-

ния с пояснением отражены в верхней части плана: «На участке состоит земли: пашни 962 дес. 70 саж., степи годной для хлебопашества 111 дес. 1080 саж., выгону 470 дес. 120 саж., листовного леса 784 дес., садов 184 дес. 2040 саж., под городскими постройками 116 десятин 545 саж., под улицами и площадями 25 дес. 775 саж., под кладбищами 2 дес. 450 саж.; под проселочными дорогами 1 дес. 1800 саж.; под большой дорогой 13 дес. 1945 кв саж., под водой 1 десятина 100 саж. На этом числе во время межевания состоял в поселении город Старый Крым, в котором по последней народной переписи оказалось душ мужского пола 1899 и женского пола 1685». Из этих данных следует, что площадь Старого Крыма к концу XIX в. составляла 182,2 гектара с населением 3584 человека. На плане обозначены жилые кварталы без указания названий улиц, ряд отдельных архитектурных сооружений. На северной окраине города отмечены три участка захоронений, один в северо-западной части поселения.

Ряд чертежей способствует исследованию развития сельской периферии на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. Дело 2251 «Старый Крым – земля Георгиевского монастыря» включает в себя три чертежа земель монастыря Святого Георгия. Наиболее ранний из них датирован 1795 г. (рис. 8) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251] (подобный чертеж с той же датой выявлен в деле № 2192 «Старо-Крымский Георгиевский монастырь» (рис. 9) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2192]). Остальные два чертежа (рис. 10, 11) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251], выполненные в 20-е гг. XIX в., вероятно, составлены из-за необходимости урегулирования земельных конфликтов между монастырем и болгарской колонией. Размещение кварталов г. Старый Крым на чертежах имеет крайне схематичный характер, отдельные архитектурные сооружения не отмечены, названия улиц не указаны (рис. 12–15) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2192; ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251]. «План Таврической губернии Феодосийского уезда, владение отдельной колонии Старого Крыма» (рис. 16) [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2253], выполненный в 1858 г. запасным топографом Боном,

отображает юго-западную окраину Старого Крыма, территорию болгарской колонии (ныне – западная часть города).

Л. П. Колли в 1903 г. упомянул о существовании плана Старого Крыма, выполненного в 1880 г. [Колли, 1903, с. 10]. Оригинал чертежа находился в публичной библиотеке Санкт-Петербурга, его копия была принесена в дар Феодосийскому музею древностей В. Д. Смирновым. Судьба обоих экземпляров не установлена.

Во время археологической экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения 1925–1926 гг. по изучению древностей Старого Крыма под руководством профессора И. Н. Бороздина, прежде чем приступить к археологическим изысканиям, были произведены рекогносцировочные работы по обследованию территории древнего поселения и его окрестностей с целью выяснения археолого-топографического плана средневекового городища. При участии межевых инженеров Эдзеховского и Модина был составлен план с нанесением на него особенностей поверхности и фиксацией обнаруженных архитектурно-археологических памятников. Участникам экспедиции также удалось установить линии валов и крепостных укреплений, «от которых не осталось ничего, кроме самых жалких, нередко едва уловимых следов» [Бороздин, 1926, с. 15].

В настоящий момент расположение основной части материалов экспедиции И. Н. Бороздина не установлено (считаются утраченными, вероятно, в 30-х гг. XX в.). Опубликованы лишь краткие отчеты [Бороздин, 1926; Бороздин, 1927]. В одном из них помещен схематический «План Старого Крыма с показанием памятников древности» (рис. 17) [Бороздин, 1926, с. 5]. Римскими цифрами на карте-схеме обозначены: I – караван-сарай; II – остатки фундамента неизвестного здания; III – руины мечети (кенасса на ул. Спартака); IV – руины мечети (мечеть Куршум-Джами); V – надгробные камни (территории бывшего ремонтного предприятия «Сельхозтехника»); VI – руины древнего здания (мечеть Мускусная); VII – древние фундаменты; VIII – руины мечети (мечеть Бейбарса); IX – место древ-

нетатарского кладбища (пересечение улиц Халтурина и Красноармейской); X – мечеть Узбека и медресе; XI – курган Кемаль-Ата; XII – татарское кладбище (могильник вдоль трассы Симферополь – Феодосия). Условными обозначениями на карте нанесено изображение крепостных стен, рвов и валов, кварталов, садов, парков, церквей и мечетей

города. Отмечено название улиц и площадей Старого Крыма.

Выявленные картографические источники нуждаются в дальнейшем анализе. Полученные данные могут быть использованы при проведении археологических работ на территории Старого Крыма и его окрестностей, локализации архитектурных объектов города.

Литература и источники

1. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1915. Т. 32.
2. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
3. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года. М.: Искра революции, 1927.
4. Бороздин И. Н. Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году. М.: Искра революции, 1926.
5. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.
6. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 377: «Таврическая губернская чертежная Таврического губернского правления, г. Симферополь Таврической губернии, 1784–1917 гг.». Оп. 11: «Планы по специальному и генеральному межеванию по Феодосийскому уезду, 1709–1913 гг.». Д. 818: «Старокрымская болгарская колония, а ныне село владения болгар», 1793 г.
7. ГАРК. Ф. 377. Оп. 11. Д. 840: «Старый Крым, владения городских купцов, мещан и разного звания людей», 1899 г.
8. ГАРК. Ф. 377. Оп. 14: «Землеустроительные планы и экспликации, 1794–1915 г.». Д. 2192: «Старо-Крымский Георгиевский монастырь».
9. ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2203: «Старый Крым, владение купцов и мещан», 1891 г.
10. ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2221: «Старый Крым – болгарская колония», 1867 г.
11. ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251: «Старый Крым – земля Георгиевского монастыря», 1821 г.
12. ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2253: «План Таврической губернии Феодосийского уезда, владение отдельной колонии Старого Крыма», 1858 г.
13. ГАРК. Ф. 377. Оп. 16: «Планы городов, 1798–1917 гг.». Д. 11: «План проектированного расположения города Старого Крыма Таврической губернии в 1891 г.».
14. ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 11: «План города Старый Крым, 1898 г.».
15. ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 12: «План города Старый Крым, 1891 г.».
16. Кирилко В. П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6.
17. Колли Л. П. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35.
18. Крамаровский М. Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // Archaeologia abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009.
19. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV в. // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа: сб. науч. трудов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989.
20. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым XIII–XIV вв. // Откровения древнего Солхата: матер. Междунар. научн.-практич. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников». Харьков, 2010.
21. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 846: «Военно-ученый архив, 1552–1918 гг.». Оп. 16. Д. 20159: «План Старого Крыма губернского землемера Павла Семеновича Чуйко».
22. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22608: «План Старого Крыма, составленный квартирмейстером Иваном Лютовым. 1783 г.».

Д. А. ЛОМАКИН

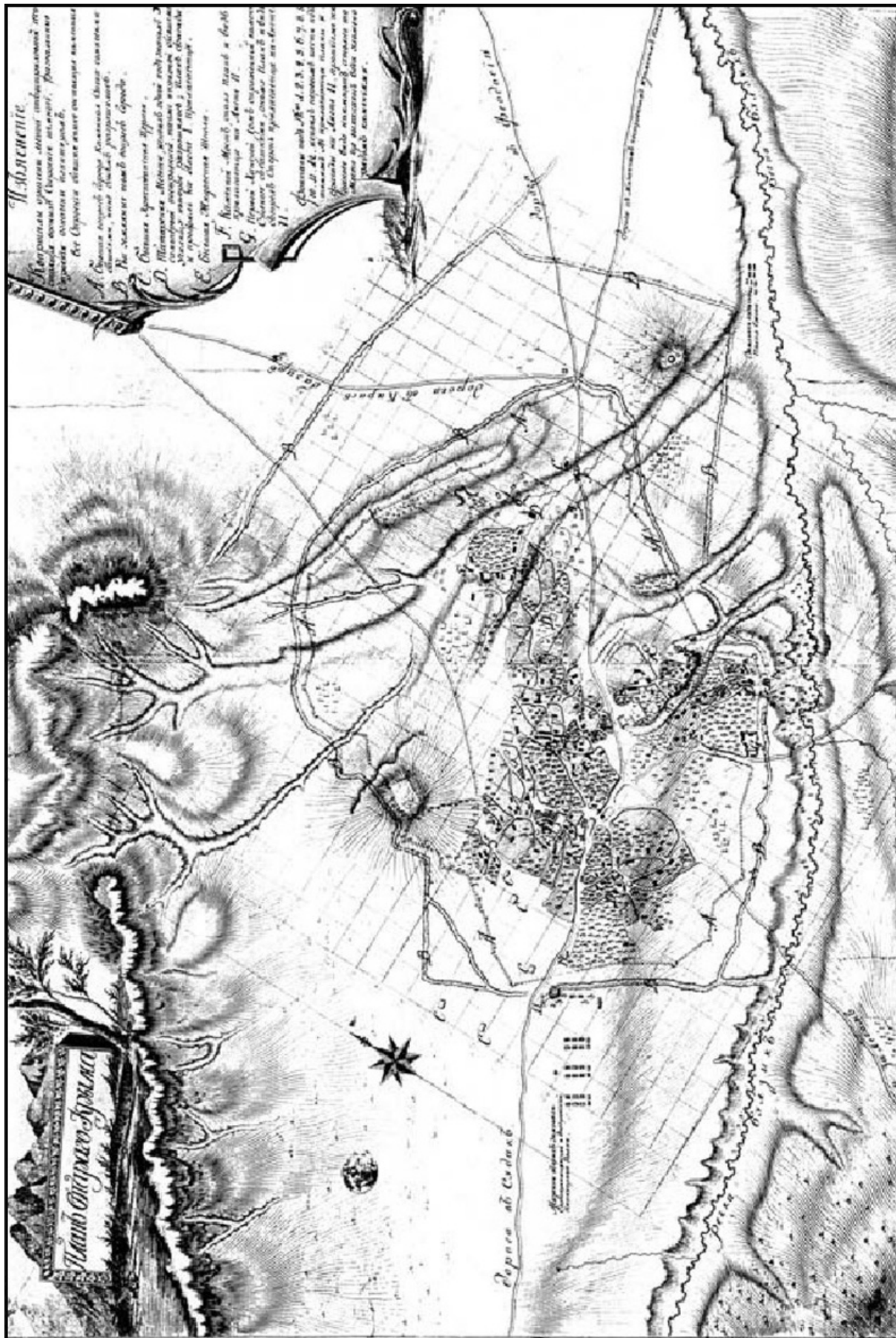

Рис. 1. План Старого Крыма, составленный квартирмейстером Иваном Лютковым, 1783 г. [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22608].

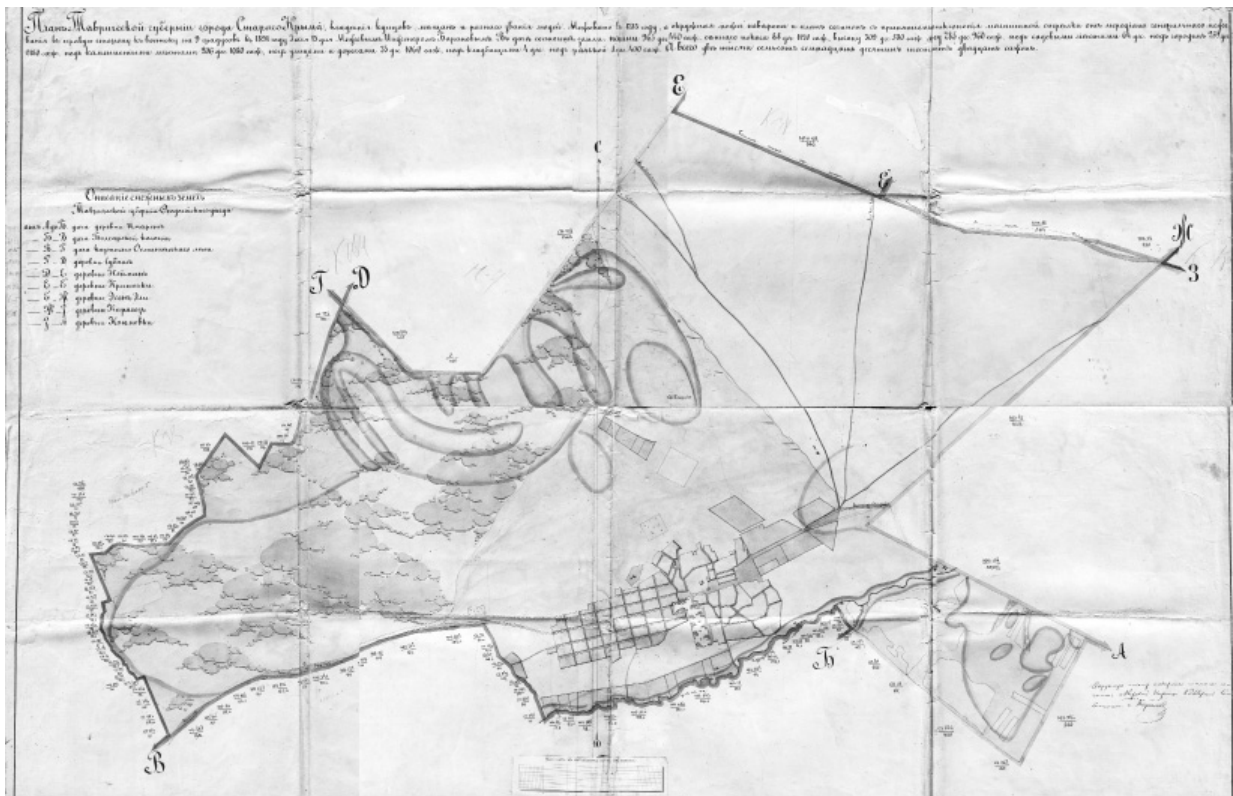

Рис. 2. «План Таврической губернии города Старого Крыма, владения купцов, мещан и разного звания людей». 1891 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2203].

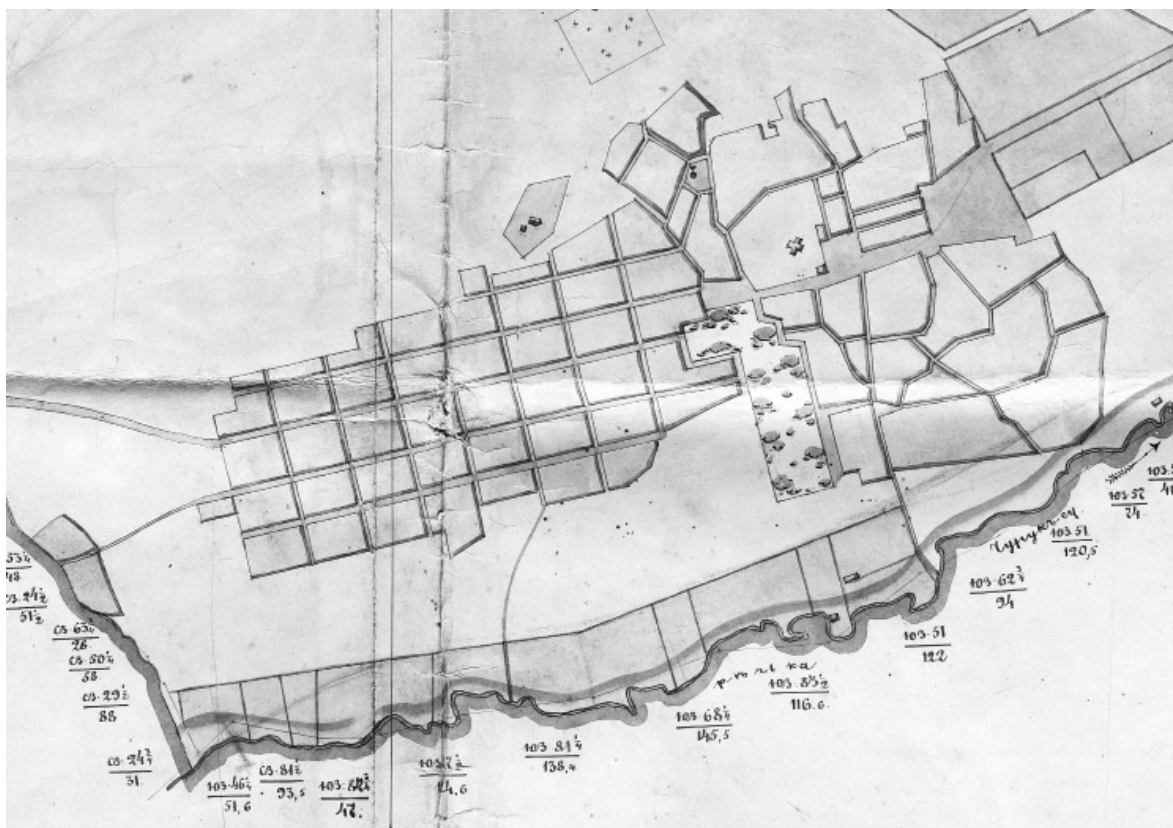

Рис. 3. Старый Крым. Фрагмент «Плана Таврической губернии города Старого Крыма, владения купцов, мещан и разного звания людей». 1891 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2203].

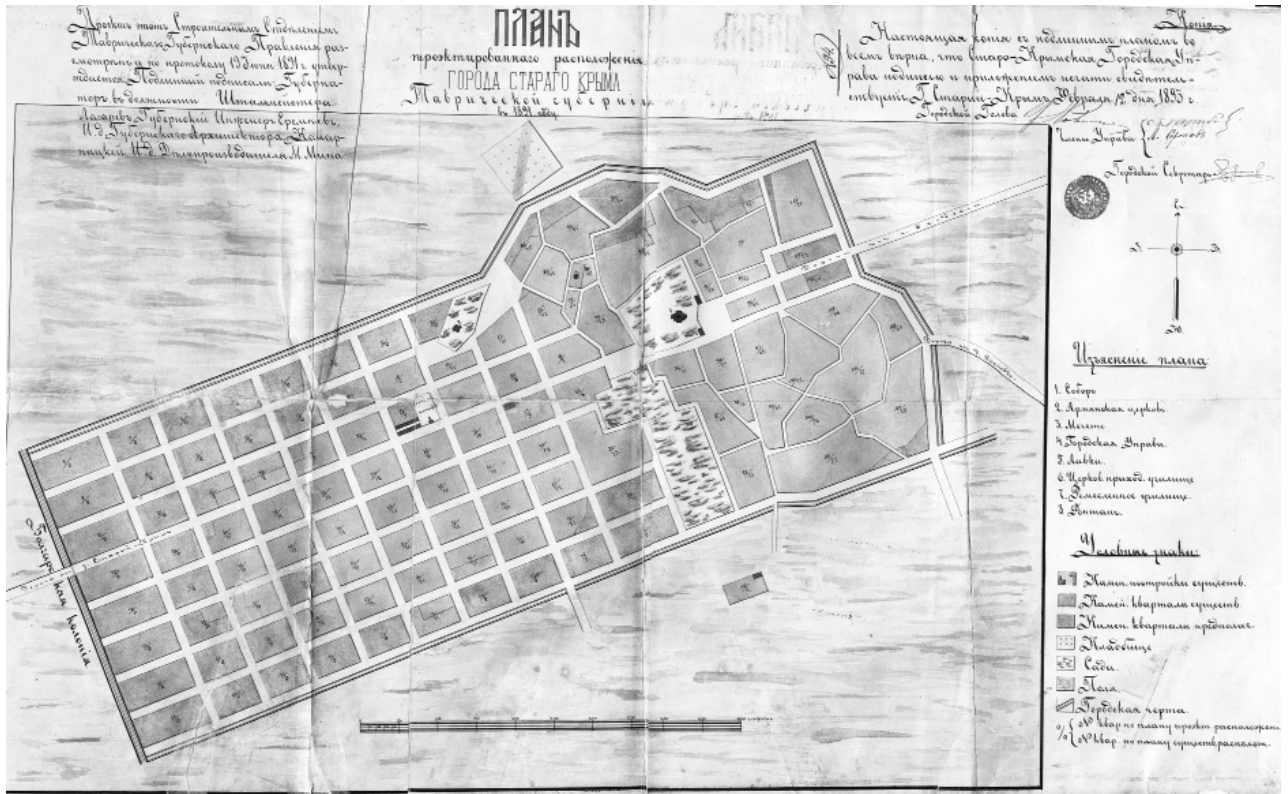

Рис. 4. «План проектированного расположения города Старого Крыма Таврической губернии в 1891 г.» [ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 12].

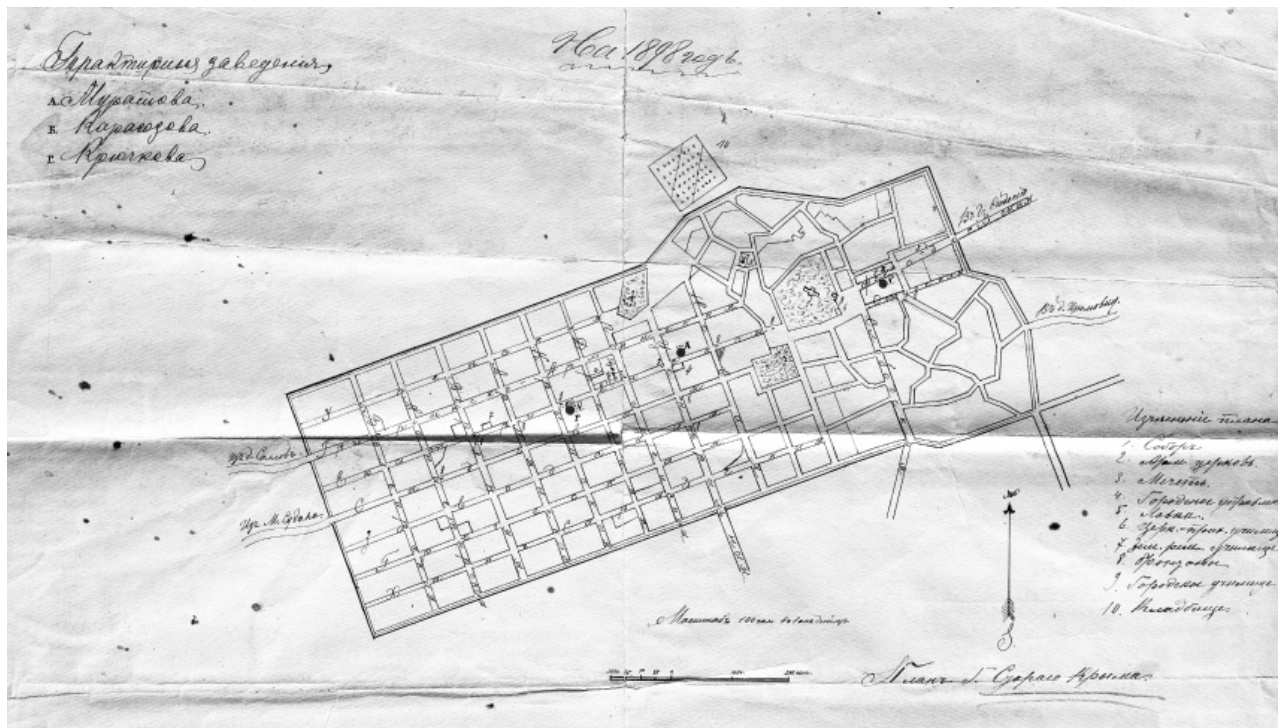

Рис. 5. «План города Старый Крым», 1898 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 11].

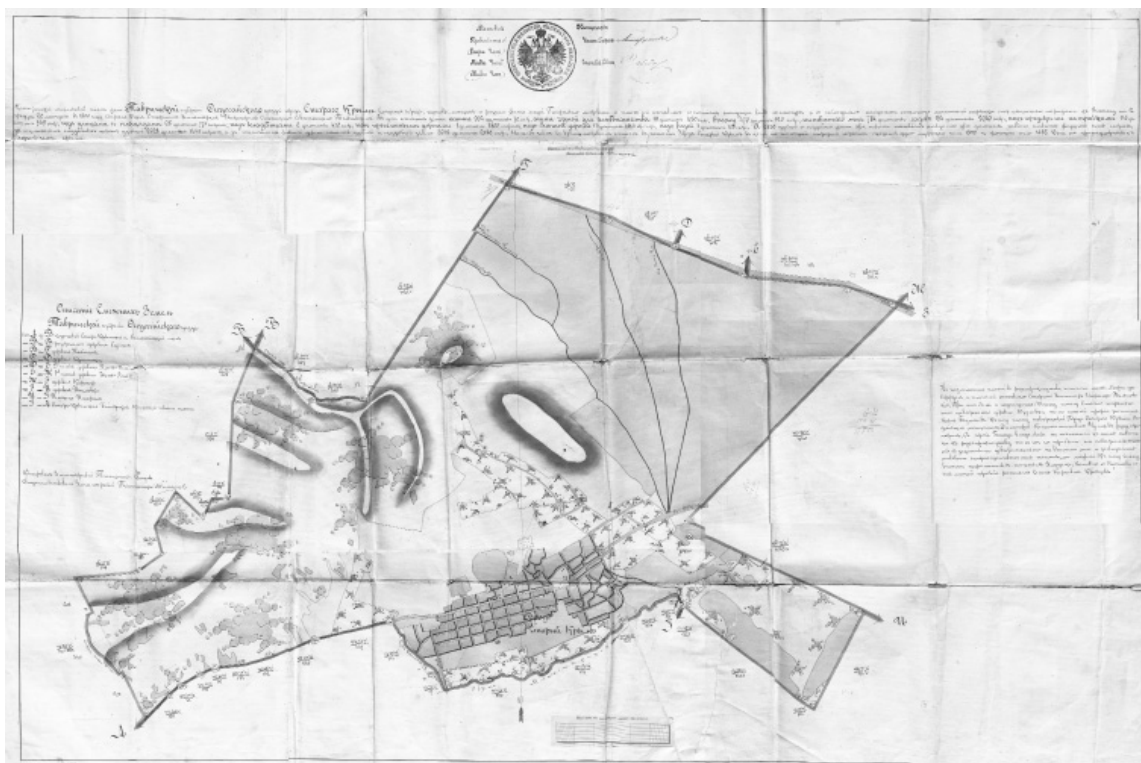

Рис. 6. «Геометрический спиральный план участка Таврической губернии Феодосийского уезда города Старого Крыма, владения города, купцов, мещан и разного звания людей». 1899 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 11. Д. 840].

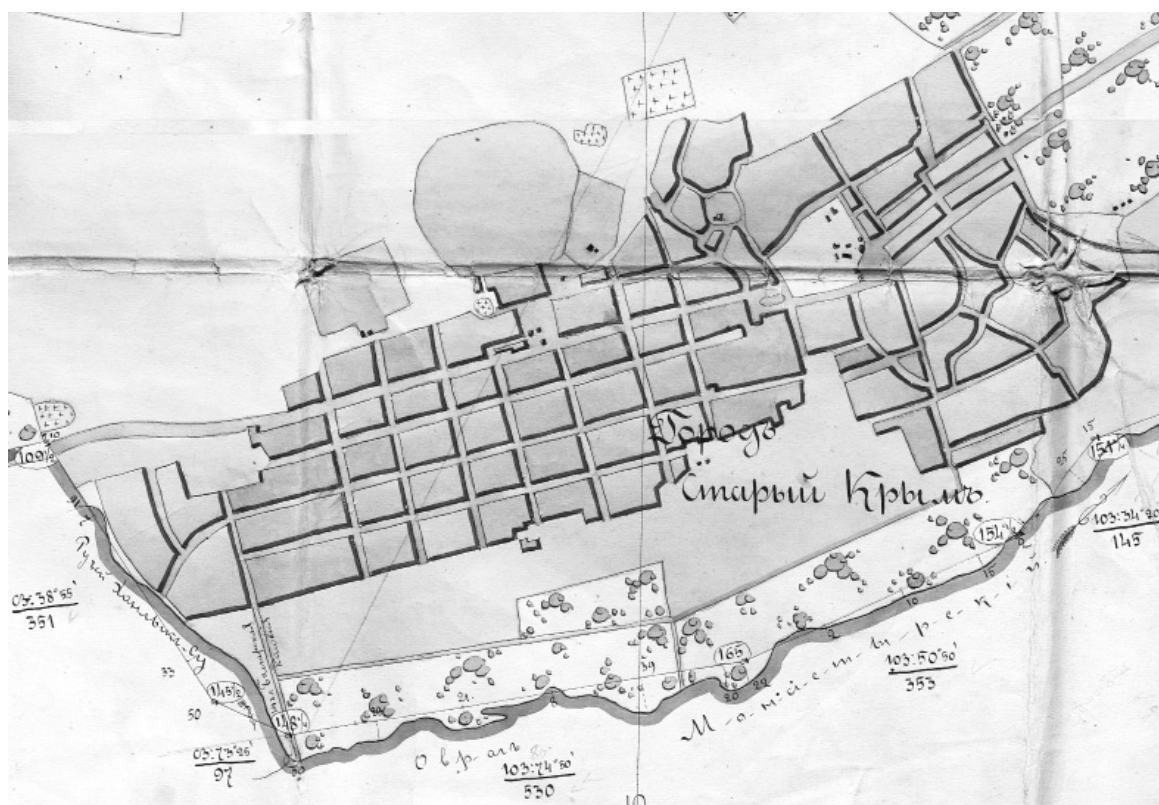

Рис. 7. Старый Крым. Фрагмент «Геометрического спирального плана участка Таврической губернии Феодосийского уезда города Старого Крыма, владения города, купцов, мещан и разного звания людей». 1899 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 11. Д. 840].

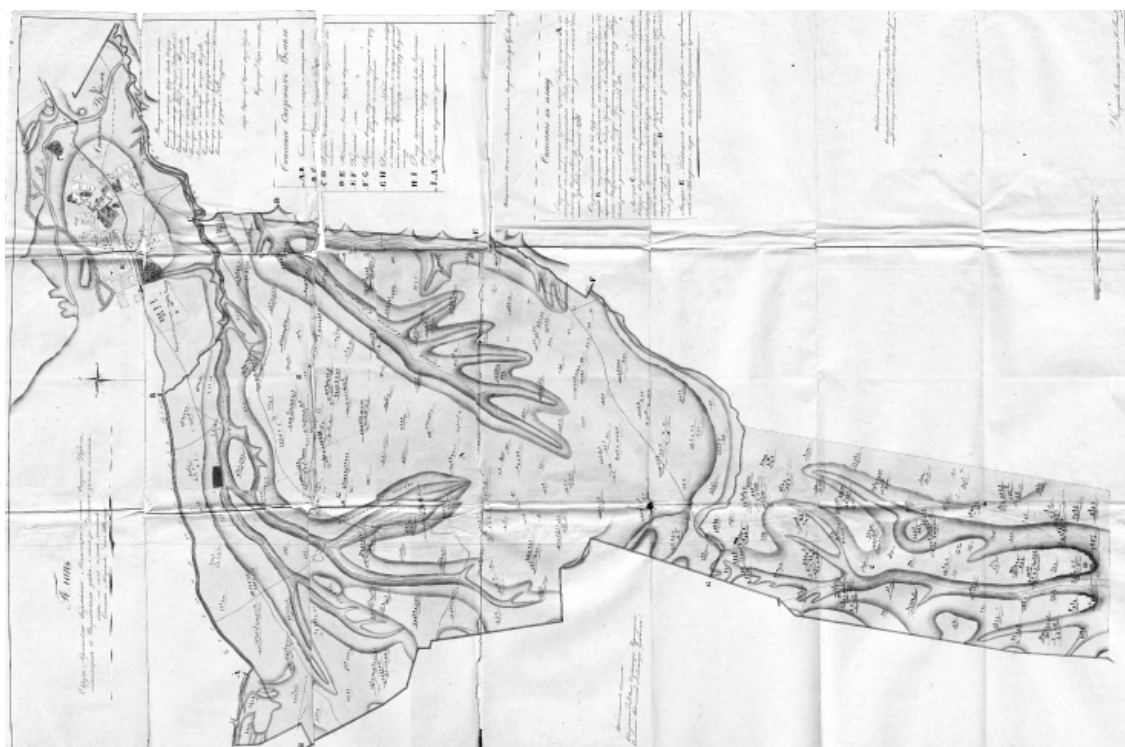

Рис. 8. «План округи армянского Георгиевского монастыря и селения Старого Крыма...». 1795 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251].

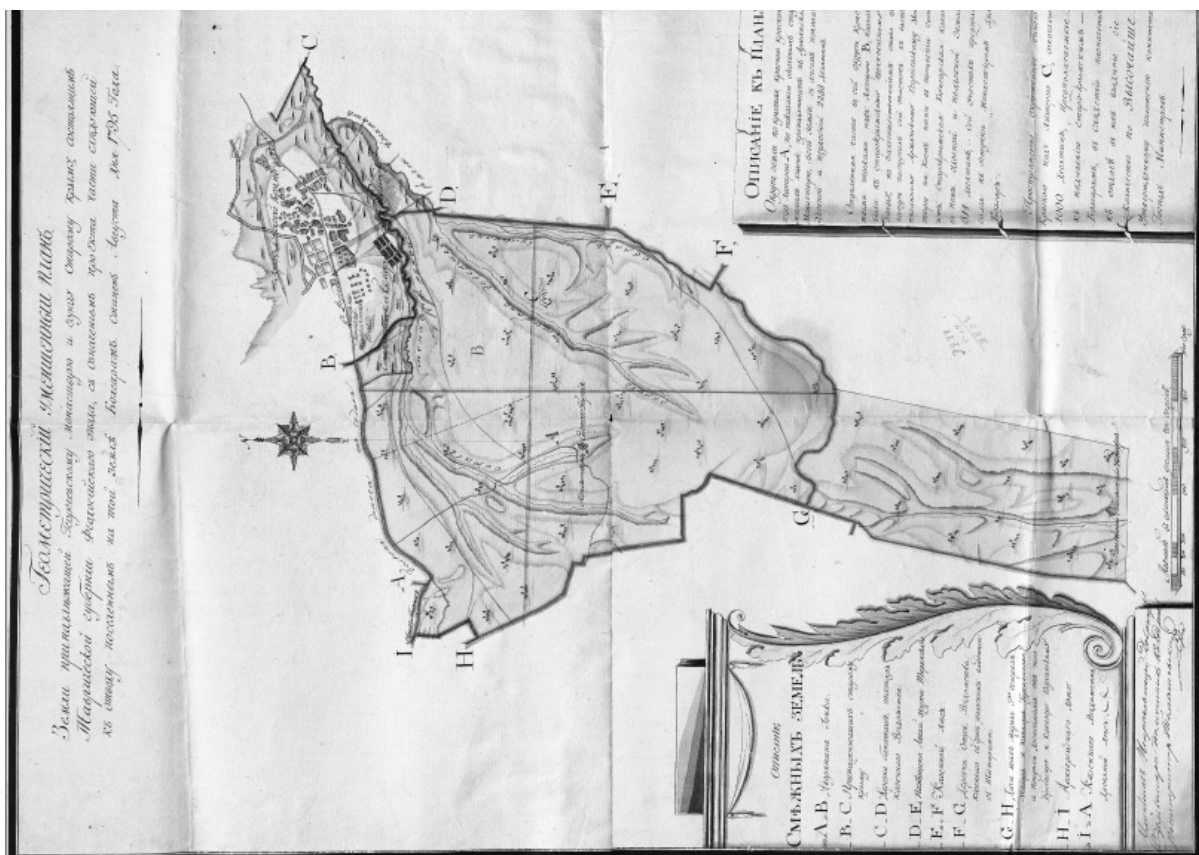

Рис. 9. «Геометрический уменьшенный план земли, принадлежащей Георгиевскому монастырю». 1795 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14].

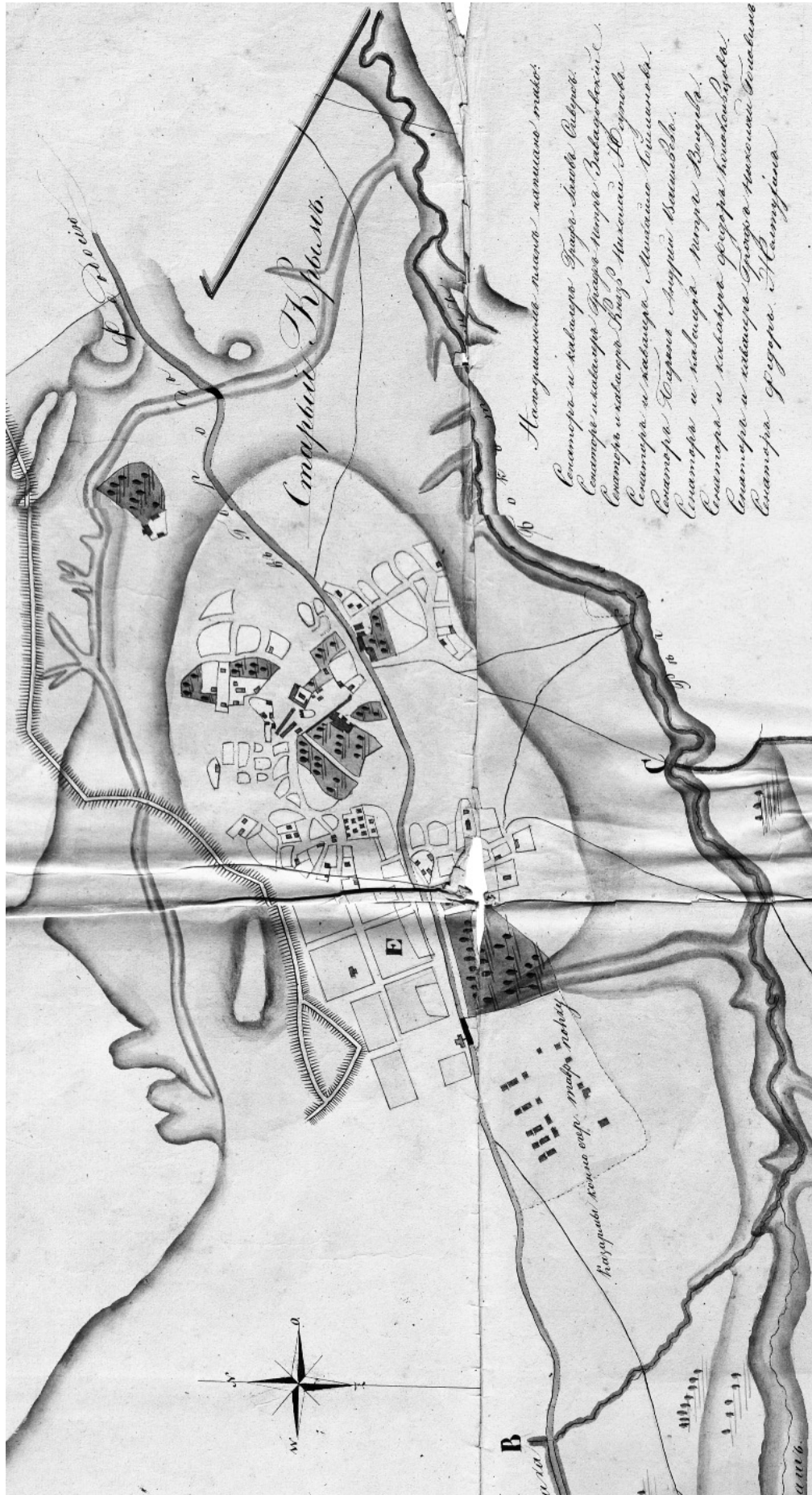

Рис. 12. Старый Крым. Фрагмент «Плана округа Георгиевского монастыря и селения Старого Крыма...». 1795 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251].

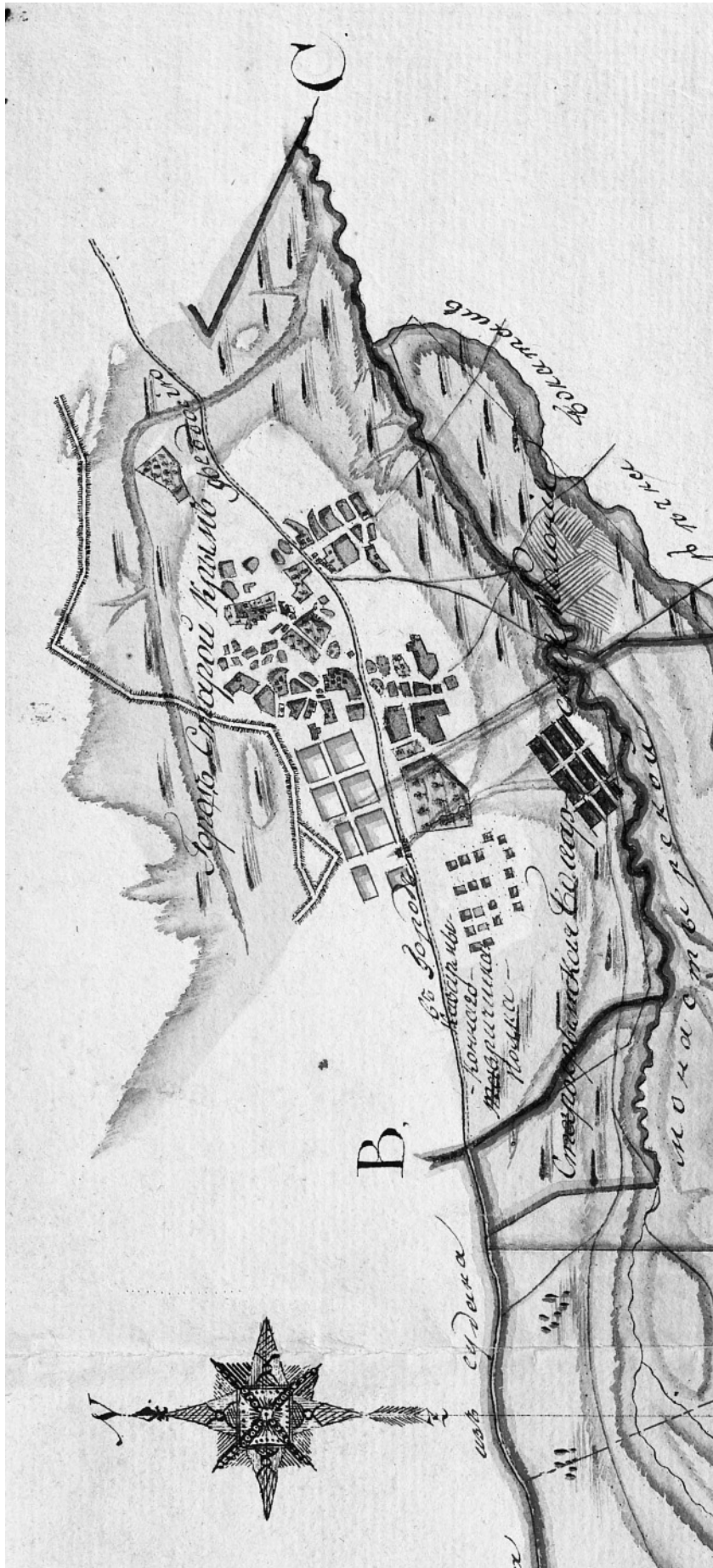

Рис. 13. Старый Крым. Фрагмент «Геометрического уменьшенного плана земли, принадлежащей Георгиевскому монастырю». 1795 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14].

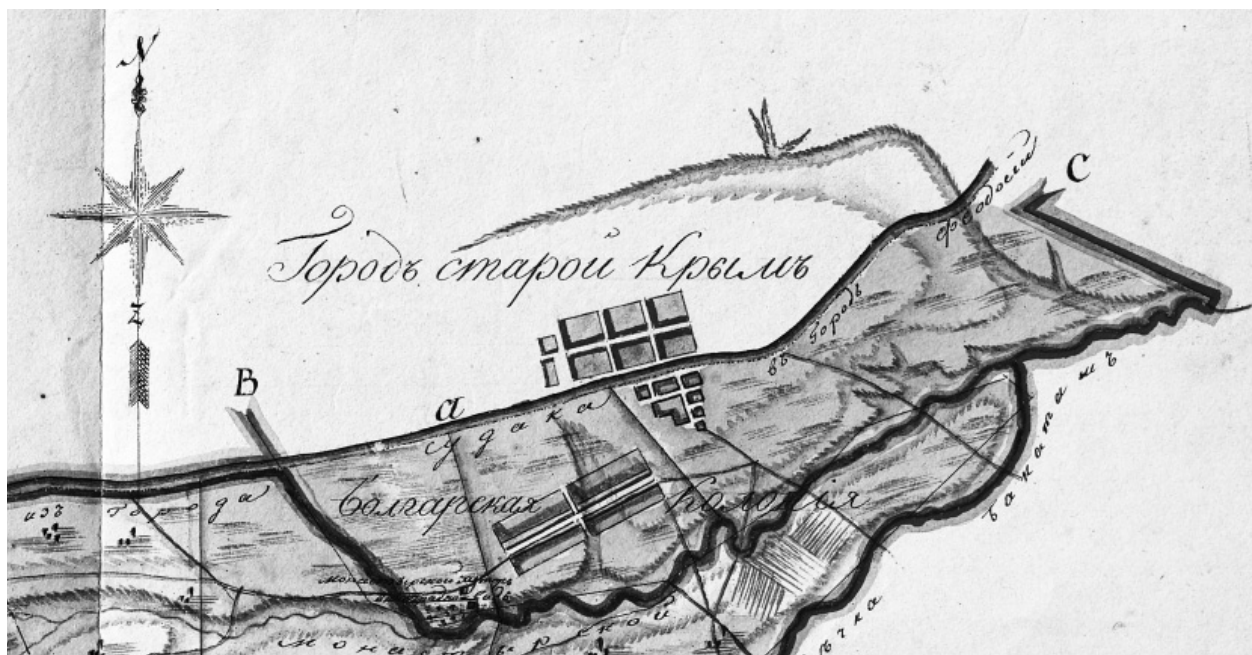

Рис. 14. Старый Крым. Фрагмент «Плана земли Таврической губернии Феодосийского уезда, принадлежащей армянскому Георгиевскому монастырю...». 1821 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251].

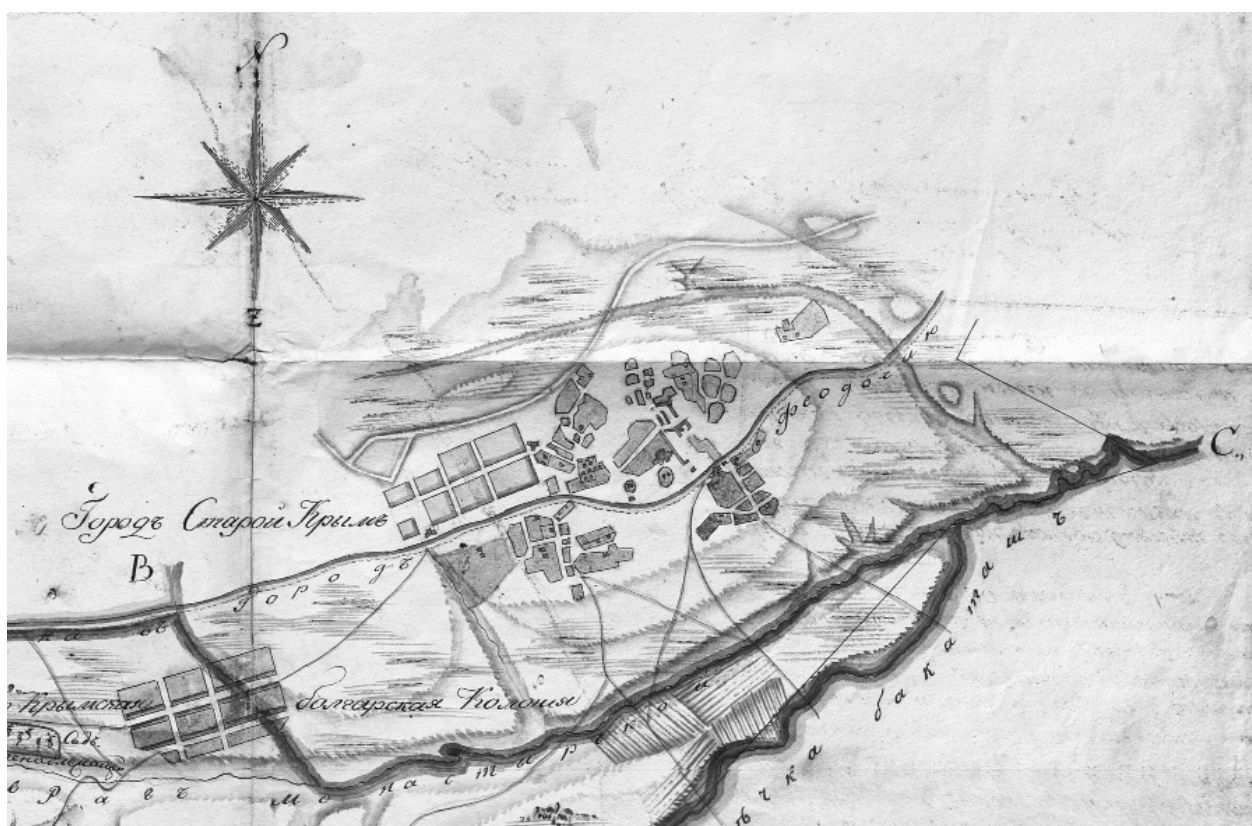

Рис. 15. Старый Крым. Фрагмент «Плана земли Таврической губернии Феодосийского уезда старокрымского Георгиевского монастыря...». 1825 г. [ГАРК. Ф. 377. Оп. 14. Д. 2251].

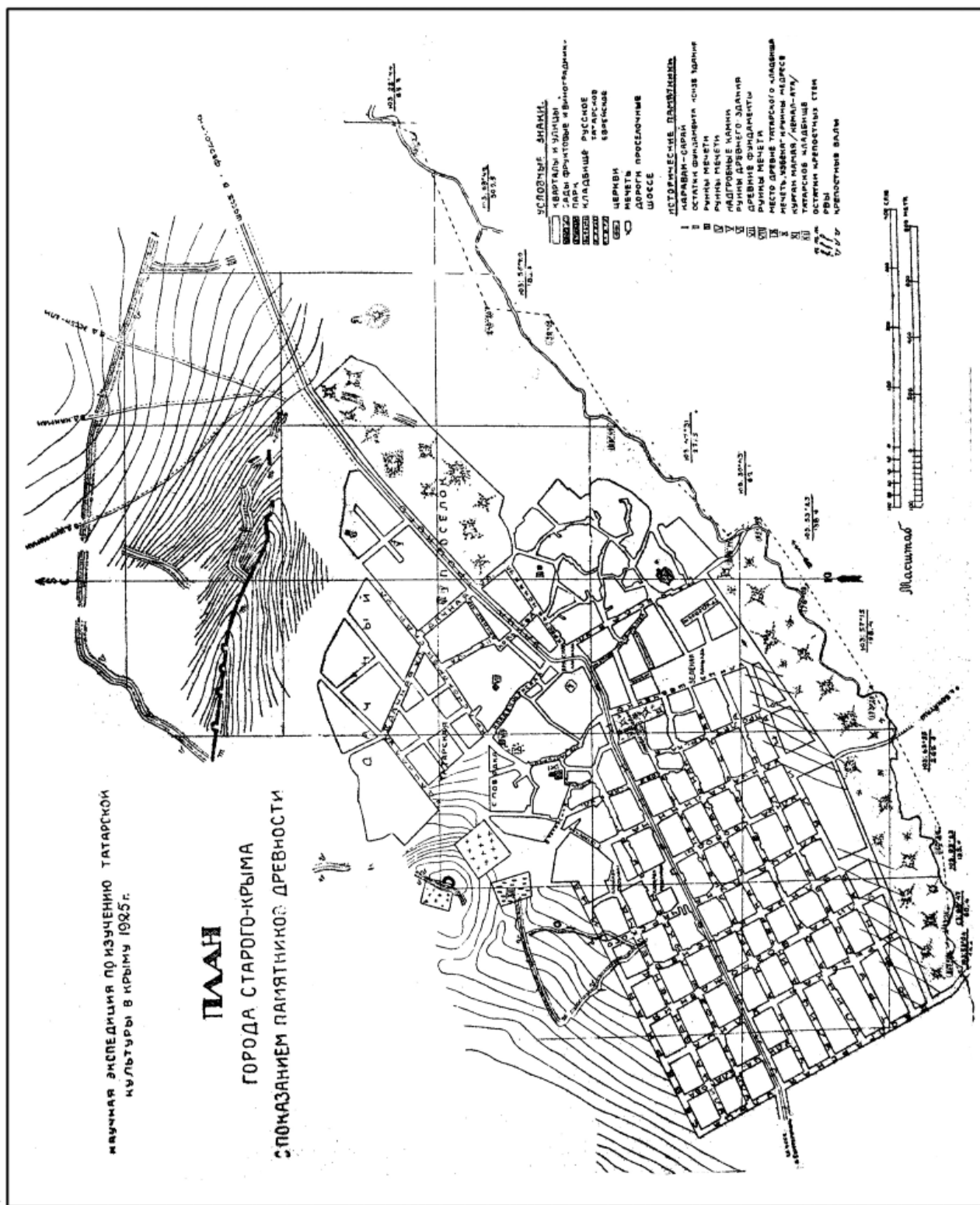

Рис. 17. «План Старого Крыма с показанием памятников древности», 1925 г. [Бороздин, 1926, с. 5].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель генерального директора Государственного музея искусства народов Востока

2. Кондратюк Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ

3. Крамаровский Марк Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа

4. Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»; старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

5. Майко Вадим Владиславович – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН.

6. Мастыкова Анна Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

7. Сейдалиев Эмиль Исаевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

8. Сейдалиева Джемиле Эльвировна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

9. Сейтумеров Шукри Сейтмеметович – старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ

10. Усеинов Мемедулла Адилович – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ

11. Эминов Рустем Русланович – заместитель генерального директора по научной работе ГБУ РК Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ 1. ПАМЯТНИКИ г. СТАРЫЙ КРЫМ

Крым/Солхат, XIII–XVIII вв. – возникновение и формирование города	5
---	---

Городские памятники

Памятники культового назначения (Культовая архитектура) Мечети и медресе ...	14
Мечеть Куршун-Джами. ул. <i>Стамова, 40</i>	15
Мечеть «Мюск-Джами» (Мускусная мечеть). ул. <i>Садовая, 18</i>	20
Так называемая «Мечеть Бейбарса». ул. <i>Красноармейская, 5</i>	22
Мечеть Узбека. ул. <i>Чапаяева, 5</i>	25
Медресе Инджибек-хатун. ул. <i>Чапаяева, 5</i>	30
Соборная мечеть г. Старый Крым.	42
Следы древней кладки на территории церкви	44

Мавзолеи

Мавзолей у мечети Узбека (мавзолей № 1)	45
Мавзолей на возвышенности Ногайлы-Оглу-оба (мавзолей № 2).....	48
Мавзолей с плинфовым сводом (мавзолей № 3)	51
Развалины дюрбе во дворе грека Моранкали.....	54
Склеп на бывшей земле Арманова.....	55
Мавзолей Хиазедин-султана, сына Килай-Темир-хана. 1454 г.	56
Ротонда с надгробием Салиха-султана дочери Девлет Герай хана, 1176 г. х. (1762/63 гг.).....	57

Кладбища

Курган Кемаль-Ата.....	58
Кладбище рядом с мавзолеем и крепостной стеной на Ногайлы-Оглу-оба.....	60
Кладбище на «Зеленой площади»	62
Кладбище в северо-восточной части города	63
Азиз-Ограма – часть кладбища с надгробными плитами	64
Могила с древней надгробной плитой.....	65
Мусульманские эпиграфические памятники Старого Крыма (XIII–XV вв.)	66
Мусульманские надгробные памятники Старого Крыма периода Золотой Орды и раннего Крымского ханства (XIII–XV вв.)	73
Эпиграфические памятники с территории комплекса мечети Узбека и медресе.....	96
Надгробия из Старого Крыма, содержащие христианскую и мусульманскую символику.....	105

Гидротехнические сооружения (Фонтаны, бани, водопроводы)	
Водоснабжение в средневековом Солхате	112
Тат-Айвас чешме	121
Мартынов фонтан с подземным водопроводом XIV–XV вв.	122
Старинный фонтан, XVI–XVII вв.	124
Старинный фонтан с резным орнаментом, XVI–XVII вв.	126
Древние колодцы	126
Руины древнего сооружения (по предположению – бань)	127
Баня в Георгиевской балке	128

Иные объекты археологии и эпиграфики

Развалины старинных бань, склепа и стен в саду Самсони	131
Горн для обжига глиняных изделий	132
Развалины и остатки фундаментов на холме Куру-Бурун	134
Площадь перед Мартыновым фонтаном	134
Музейное хранилище коллекции надгробий Золотоордынского периода из раскопок 20-х гг. в Старом Крыму	135
Караван-Сарай	138
Руины предполагаемого дворца	142
Фортификационные сооружения средневекового города	144

Объекты гражданской архитектуры (XVIII–XX вв.)

Музей в старом городском частном доме (нач. XIX в.)	148
Жилой дом-музей истории, культуры и быта крымских татар	150

ЧАСТЬ 2. ПАМЯТНИКИ ОКРУГИ

Поселение «Кринички» II	152
Поселение Бокаташ II	154
Мечеть и поселение Карагоз (XIII–XVIII вв.)	156
Мечеть XIV–XVIII вв. в с. Колеч	159
Эпиграфика мечети Колеч	164
Средневековый археологический памятник поселение Колеч	166
Средневековый памятник «Поселение и могильник Су-Баш-1»	169
Золотоордынское поселение Жемчужина-1	174
Поселение Тамгаджа, XIV–XVIII вв.	175
Средневековое поселение Эски-Юрт	176
Мусульманские эпиграфические памятники золотоордынского периода в селении Отузы	177
Надгробие из селения Шах-мурза	188

ПРИЛОЖЕНИЕ

Картографические источники конца XVIII – начала XX века по истории архитектурно-археологических объектов г. Старый Крым	189
--	-----

Научное издание

**СВОД ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ
КРЫМСКИХ ТАТАР**

**Том IV
г. Старый Крым**

Корректор

В. М. Красиков

Подготовка макета

М. А. Усеинов

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60x84 1/8.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 24.18.

Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Кириллица»

г. Нижний Новгород, пер. Бойновский, 9

Тел.: (831) 436-58-01; e-mail: ikirillica@gmail.com

Сайт: <http://kirillica-book.ru>

Вид на г. Старый Крым с юга.

Вид на г. Старый Крым с возвышенности Ногайлы-оглу-оба

Вид на г. Старый Крым с горы Агармыш

*Курушун-джами.
(Свинцовая
мечеть).
Вид с востока.
Фото 2020 г.*

*Курушун-джами. Вид с юго-запада.
Фото 2020 г.*

*Курушун-джами. Раскопки входного
портала. Фото 2020 г.*

*Так называемая «Мечеть Бейбарса».
Вид с юга.*

*Так называемая «Мечеть Бейбарса».
Вид с северо-запада.*

*Мечеть хана Узбека. Входной портал.
Фото 2018 г.*

Мечеть хана Узбека.

Мечеть хана Узбека. Вид с юго-востока.

Медресе Индзибек-хатун. Акварель М. М. Иванова. XIX в.

*Интерьер мечети хана Узбека.
Фото 2018 г.*

Медресе. Портальная часть.

Медресе. Водовод.

Дюрбе Инджи-бек хатун. Общий вид.

*Медресе Инджи-бек хатун.
Общий вид.
Фото 2000-х гг.*

Медресе. Северный айван. Современное состояние. Фото 2019 г.

Навес над медресе. Южный айван. Современное состояние. Фото 2019 г.

Портал мечети Узбека. Современное состояние. Фото 2019 г.

Фрагмент михраба мечети хана Узбека. Фото 2018 г.

Мечеть Узбека. Современное состояние. Фото 2019 г.

Остатки стен караван-сарая. Современное состояние. Фото 2018 г.

Стена караван-сарая. Современное состояние. Фото 2018 г.

Мечеть в с. Колеч. Рисунок К. Ф. Богаевского. 20-е гг. XX в.

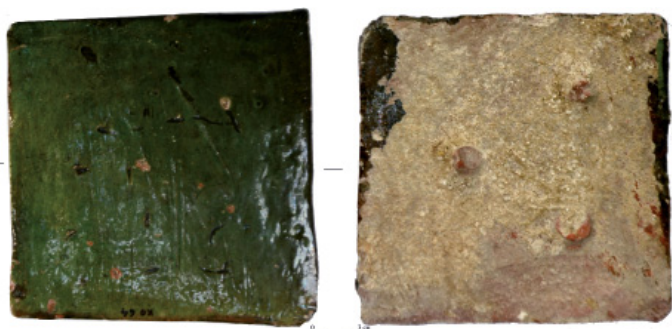
*Мавзолей на холме
Ногайлы-оглу-оба.
Современное состояние.
Фото 2019 г.*

*Раскопки бани
в Георгиевской балке.*

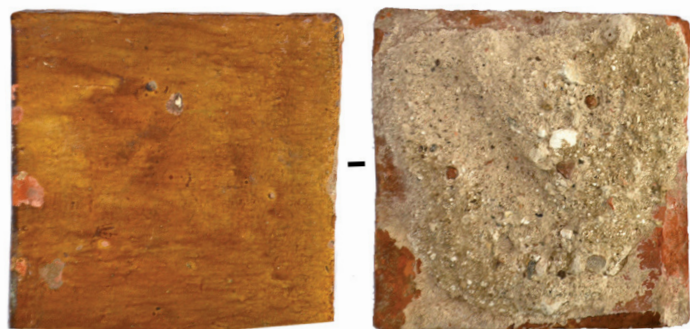
Мечеть в с. Карагоз. Рисунок К. Ф. Богаевского. 20-е гг. XX в.

Плитка облицовочная, обнаружена при археологических раскопках на дюрбе в юго-восточном секторе городища в 2019 г. (фото Д. Э. Сейдалиевой)

Серьги из желтого металла со вставками, обнаружены при археологических раскопках на дюрбе в юго-восточном секторе городища в 2019 г.

Плитка облицовочная, обнаружена при археологических раскопках на дюрбе в юго-восточном секторе городища в 2019 г. (фото и прорисовка Д. Э. Сейдалиевой)

Фрагменты декоративной плитки, обнаружены при археологических раскопках на дюрбе в юго-восточном секторе городища в 2019 г. (фото Д. Э. Сейдалиевой)

Браслет бронзовый с арабграфическими надписями, обнаружен при археологических раскопках мечети хана Узбека в 1978 г.

Архитектурные фрагменты, обнаружены при археологических раскопках на дюрбе в юго-восточном секторе городища в 2019 г. (фото Д. Э. Сейдалиевой)

Кувшин со скульптурными налестками, изображающими птиц, обнаружен при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1987 г.

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне, покрыта полихромной глазурью с орнаментом в технике «сграффито». Обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1987 г.

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне, покрыта полихромной глазурью с орнаментом в технике «сграффито». Обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1987 г.

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением двух рыб и медузы (?), обнаруженная при раскопках поселения Кринички II в 1999 г.

Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением «звезды Давида», обнаруженная при археологических раскопках округа средневековой бани в Георгиевской балке в 2018 г.

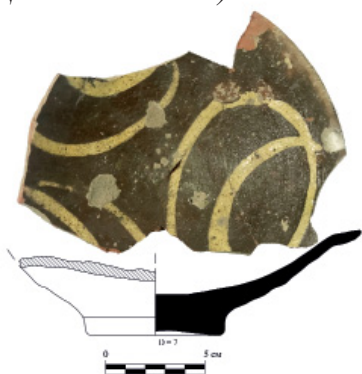
Чаша полусферическая на кольцевом поддоне с изображением птицы, обнаружена при археологических раскопках медресе 1333 г.

Тувак обратно каплевидной формы, обнаружен при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1990 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Тарелка конической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1991 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферической формы, обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1990 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Кувшин биконической формы на кольцевом поддоне, обнаружен при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1991 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Тарелка конической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1993 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках архитектурного комплекса караван сарая в 1993 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферической формы, обнаружена при археологических раскопках Куришун Джамии («Свинцовая мечеть») в 1994 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Кувшинчик, обнаружен при разведках в школьном саду в 1997 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках поселения Кринички II в 1998 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Тарелка на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках поселения Кринички II в 1999 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Светильник-плошка, обнаружен при археологических раскопках поселения Кринички II в 1998 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

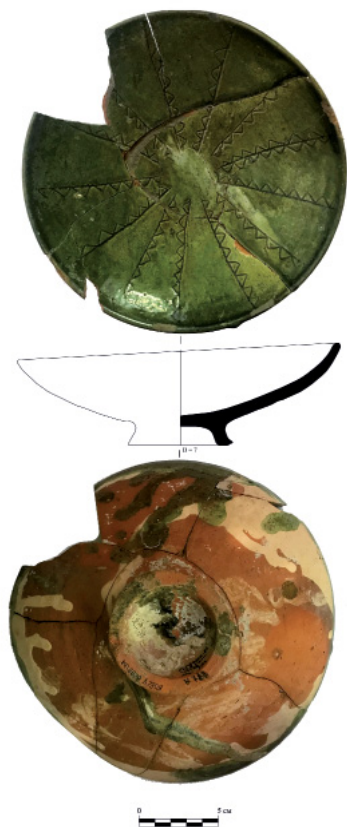
Чаша-полуфабрикат полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

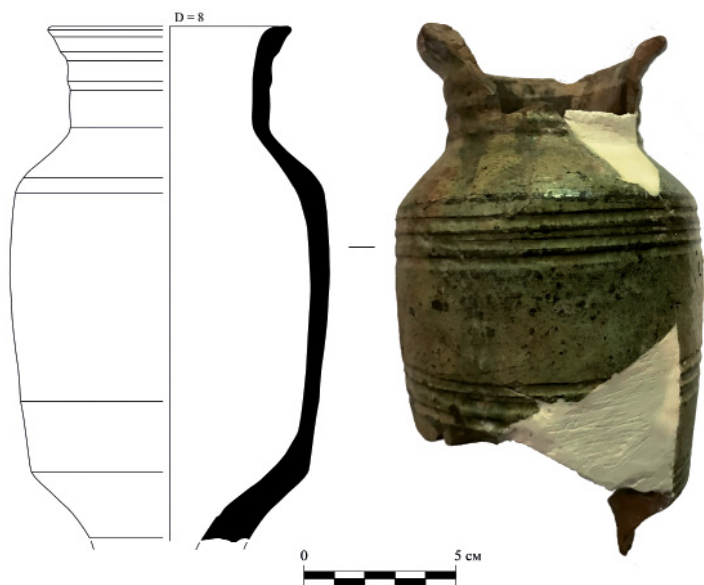
Светильники-плошки, обнаружены при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Фрагменты кувшинов-полуфабрикатов, обнаружены при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

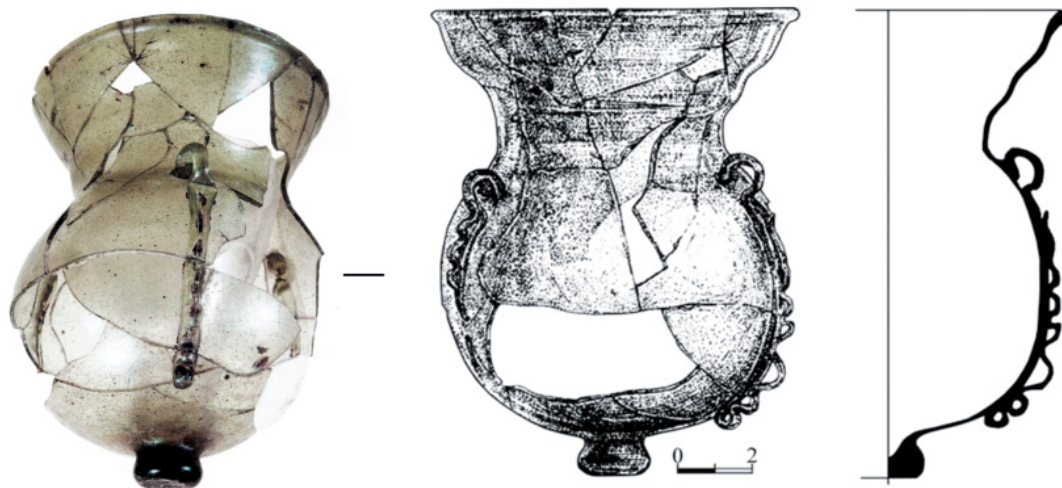
Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, обнаружена при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2006 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Альбарелло цилиндрической формы, обнаружен при археологических раскопках на ремесленном поселении Бокаташ II в 2004 г. (фото и прорисовка Д.Э. Сейдалиевой)

Чаша со сценой пира молодых людей в гранатовом саду, обнаружена при археологических раскопках мечети т.н. Бейбарса в 1987 г.

Сельджукская (?) стеклянная лампа из ремесленного поселения Бокаташ II.

Печать прикладная с двуязычной арабо-караимской надписью в четыре строки

Перстневая сердоликовая вставка

Перстень из белого металла с ромбовидным щитком

Печать-матрица с миниатюрной ручкой и печатающей площадкой

Перстень из желтого металла с круглым щитком

Перстень из белого металла с ромбовидным щитком и тремя щитовидными выпуклостями на шине

Перстень из желтого металла с миндалевидным щитком

Перстень из белого металла с миндалевидным щитком

Костяной игольник (?)

Надгробие Махмуда ибн Ахмеда(?) Конийского

Саркофаг с эпитафией на тюркском языке и датой 776 г. х. (=1374 г.). (Государственный Эрмитаж).

Фрагмент надгробия Сейид Али сына Саида

Архитектурный фрагмент с орнаментом, предположительно с портала медресе Инджи-бек хатун.

Архитектурный фрагмент с орнаментом обнаруженный в ходе раскопок на кургане Кемаль-Ата

